

Анатолий Пчелинцев
Инна Загребина
Роман Лункин

СВОБОДА СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Москва

Региональная общественная организация
содействия просвещению граждан.
Информационно-аналитический центр «Сова»

2017

Настоящий материал (информация)
произведен и (или) распространен
иностранным агентом
РОО Центр «Сова»
либо касается деятельности
иностранного агента
РОО Центр «Сова».

УДК 172.3:322

ББК 86,2

П 92

Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н., Свобода совести в современной России. — М. : Региональная общественная организация содействия просвещению граждан. Информационно-аналитический центр «Сова», 2017. — 200 с.

П92 Об авторах:

Пчелинцев А.В. — Почетный адвокат России, старший партнер Адвокатского бюро «Славянский правовой центр», главный редактор журнала «Религия и право», доктор юридических наук,

Лункин Р.Н. — кандидат философских наук, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, главный редактор портала «Религия и право».

Загребина И.В. — адвокат, председатель правления Гильдии экспертов по религии и праву, главный редактор журнала «Юридическое религиозоведение».

Данная книга посвящена широкому кругу вопросов, связанных с проблемами формирования государственно-конфессиональных отношений и правовым регулированием свободы совести в Российской Федерации. Особое внимание авторы уделяют переломному в истории религиозной свободы в России законодательству, а именно, перспективам свободы совести после принятия антитеррористического пакета, больше известного как закон «Яровой», который поставил под жесткий контроль миссионерскую деятельность религиозных объединений. В связи с этим анализируется сложившаяся судебная практика, парадоксы российского восприятия религии в публичной сфере, мифы и страхи российского общества.

При подготовке книги использовались материалы, опубликованные на сайте Информационно-аналитического центра «Сова».

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся ролью религии в современном мире.

ISBN 978-5-98418-042-9

9 785984 180429

© Региональная общественная организация содействия просвещению граждан. Информационно-аналитический центр «Сова», 2017
© Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Роман Лункин

Церкви и государство: парадоксы российской политики
в условиях религиозного плюрализма 5

Роман Лункин

Православные консерваторы и общество:
движение «Сорок сороков» 22

Роман Лункин

Российский протестантизм и русская культура:
в поисках христианского идеала 32

Роман Лункин

Протестантская миссия в мегаполисе:
отношение общества к большой церкви 42

Роман Лункин

Религия как гражданский активизм:
перспективы развития отношений власти и верующих 55

Анатолий Пчелинцев

Светскость государства как конституционно-правовая
гарантия реализации свободы вероисповедания 71

Анатолий Пчелинцев

Проблемы разграничения предметов ведения
Российской Федерации и ее субъектов в сфере
свободы вероисповедания 88

Анатолий Пчелинцев

Современное правовое регулирование организации
и порядка прохождения альтернативной
гражданской службы 101

Анатолий Пчелинцев

Распространение религиозных убеждений
или миссионерская деятельность:
разграничение понятий 114

Инна Загребина

Проблема религиозных групп: где двое или трое,
там и Минюст посреди них 125

Инна Загребина

Особенности манипуляции сознанием:
Не вешайте на себя ярмо «сектантов» 132

Инна Загребина

Проблемы религиоведческой экспертизы в России:
от невежества к мнимому экстремизму 141

Инна Загребина

Право на религиозное образование 172

Инна Загребина

Миссионерская деятельность в СМИ и сети Интернет 187

ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВО: ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ РЕЛИГИОЗНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Растущее религиозное многообразие делает Россию частью процесса глобализации религии, процессов, которые разворачиваются в большинстве стран мира. Это и разрушение исторических религиозных традиций, и появление принципиально новых религий, движений, конфессий, трансформация национальных духовных традиций, которые становятся более открытыми и плюралистичными. В разных странах мира существует различное сочетание факторов — плюрализма, развития демократии, веротерпимости или, наоборот, враждебности к религиозным меньшинствам, глобализации, конфликтов фундаменталистов и тех, кто занимается «прозелитизмом». Очевидно лишь одно: все эти процессы не упраздняют религию, а умножают многообразие ее форм и присутствия в публичном пространстве. Плюрализм религий может рассматриваться в качестве особой категории, которая становится инструментом демократизации общества и трансформации традиционных религий, когда религиозное многообразие проникает в институты гражданского общества¹.

В России религиозное многообразие стало одним из основных факторов демократизации государственно-церковных отношений и религиозной политики властей.

Представления об абсолютной монополии Русской православной церкви (РПЦ) в российском религиозном пространстве

1. В данном случае уместно вспомнить идеи британского социолога Дэвида Мартина о том, что религиозная монополия в современных условиях глобализации способствует секуляризации, а религиозный плюрализм развивает и поддерживает религиозность (см. классические труды Дэвида Мартина *The Religious and the Secular* (1969), *A General Theory of Secularization* (1979)). Проявлением религиозного плюрализма Дэвид Мартин считает, например, в том числе транснациональное пятидесятническое движение. Пример российской ситуации показывает, что вполне может быть сочетание религиозной монополии (Русская православная церковь) и одновременно развивающегося плюрализма. С точки зрения самих религиозных традиций, все изменения, с ними происходящие, оцениваются часто как секуляризация (открытость обществу и восприимчивость норм окружающей культуры), но по существу в условиях глобального религиозного плюрализма неизбежна диалектика постоянной секуляризации (обмирщения и изменения традиций) и возвращения религии в публичное пространство в разнообразной форме.

можно назвать преувеличением, хотя православные, безусловно, являются религиозным большинством. Согласно данным Министерства юстиции Российской Федерации, среди 25 тыс. зарегистрированных в России объединений около 15 тыс. — это православные объединения (не только приходы, но и епархии, монастыри, иные подразделения). По состоянию на 2013 г. в России 33 489 храмов, где хотя бы раз в месяц совершается богослужение (в 2011 г. было зарегистрировано 30 675 приходов РПЦ). Однако эти данные учитывают все приходы РПЦ вместе с Украиной, Молдовой, Беларусью, странами Средней Азии. Почти половина приходов РПЦ находится в Украине (около 13 тыс.)¹. Постоянный рост объединений РПЦ объясняется политикой патриарха Московского и всея Руси Кирилла, направленной на увеличение числа приходов, а главное, на разделение регионов на несколько епархий во главе с епископами, что подстегивает регистрацию епархий и приходов.

«Всего сегодня в Русской православной церкви 44 митрополии, 269 епархий, из них 160 — в России. Общее число епархий за истекшие пять лет возросло на 110, а в России — на 91 епархию... Епископат Русской православной церкви сегодня состоит из 312 преосвященных, из них 249 правящих. В России сегодня 176 архиереев, из них 147 управляющих епархиями»².

Несмотря на большое количество уже действующих проектов, талантливых инициатив и успехов во многих епархиях РПЦ, развитие социального православия на уровне общин в Церкви пока нельзя назвать революционным. Происходит внутренняя эволюция общин на низовом уровне и сознания епископов, настоятелей, ведущих активистов епархий и приходов. Это движение охватывает всю страну, почти все митрополии, но по-прежнему существует и ряд сдерживающих факторов: бюрократизация, инертность церковного начальства, неразвитость приходской жизни и ее абсолютная зависимость от воли местного архиерея.

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском соборе Русской православной церкви. 2 февраля 2013 года: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html> (доступ 22.06.2017).

2. Ibid.

Безусловно, не надо и переоценивать общинную эволюцию — среди 15 тыс. зарегистрированных организаций РПЦ в России около 500 приходов и монастырей, которые с полным правом можно назвать социально активными ячейками гражданского общества, собирающими вокруг себя молодежь, интеллигенцию, организующими творческие центры, школы и фонды (оценка дана автором по итогам полевых исследований в регионах в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России»). В 2005 г. социолог Сергей Филатов оценивал количество такого рода общин в 200-250 на 12 тыс. зарегистрированных объединений¹.

Между тем это совсем не значит, что больше никакой активности нет: социальную функцию выполняют и государственные, по существу, проекты или инициативы спонсоров, в которых Церковь участвует символически или полусимволически. Намного более важную роль играют сотни, а может быть и тысячи, рядовых приходов, которые в поселках и деревнях являются единственным центром духовной, культурной жизни, хотя у них и нет больших проектов, молодежи и интеллигенции.

В региональном разрезе картина соотношения православных и других объединений, прежде всего, католиков и протестантов, складывается в пользу РПЦ. Но в большинстве субъектов Российской Федерации (РФ) перевес объединений РПЦ небольшой, во многих есть паритет православных и неправославных. Кроме того, данные Министерства юстиции РФ часто отражают лишь предпочтения местных властей и нежелание «нетрадиционных» общин и движений регистрироваться. В качестве примера в целом достоверной картины можно привести статистические данные Министерства юстиции РФ о зарегистрированных религиозных объединениях в Москве: всего зарегистрировано 804 объединения, в том числе РПЦ — 343, старо-

1. Сергей Филатов, Христианские религиозные сообщества России как субъект гражданского общества: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva> (доступ 29.06.2017).

обрядчество – 17, католицизм – 11, протестантизм – 304, иудаизм – 45, ислам – 34, буддизм – 18, индуизм – 7¹.

Официально в России зарегистрировано около 4,5 тыс. объединений, которые можно отнести к «нетрадиционным», около 80% которых составляют различные протестантские церкви. Примерно такое же число групп и общин действует без регистрации (по оценке представителей протестантов, в реальности существует в три раза больше общин и групп). По приблизительным оценкам, в России около 9-10 тыс. неправославных христианских общин и групп, объединяющих округ себя около 2,5-3 млн человек. Как правило, все верующие, которые относят себя к какой-либо протестантской конфессии, одновременно являются и практикующими верующими – для большинства это сложное осознанное решение. Кроме того, нормы соблюдения религиозных практик намного более строгие, чем в исторических этнических религиях².

Значительная роль евангельских церквей в религиозном развитии страны, в социальной сфере пока еще до конца не осознается властью и обществом. Отношение к протестантам осталось на уровне основных постулатов советской политики самого жесткого в этом отношении периода 1930-1950-х гг., которые, в свою очередь, восходят к нетерпимости к «сектантам» в царской России, нетерпимости Петровского времени по отношению к раскольникам, нетерпимости к еретикам во времена Иосифа Волоцкого. Инаковерующие стали идеологическим антиподом православия, их образ привычно наполняется советскими стереотипами о «сектах», «сектантах» и их «главарях» благодаря православным борцам с «сектами». Однако именно протестанты во многих регионах страны способны конкурировать с православием, и часть общества именно протестантов рассматривает как источник осознанной веры, свободной от идеологии.

1. Информация по состоянию на 4 декабря 2014 г. представлена об организациях со статусом «зарегистрирована», расшифрованы лишь наименование некоторых уникальных направлений. См.: Информационный портал Министерства юстиции РФ: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (доступ 22.06.2017).

2. Более подробно о статистике религиозной жизни середины – конца 2000-х гг. см.: Сергей Филатов, Роман Лункин, Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить. [В:] С.Б. Филатов (ред.), Религия и российское многообразие, Летний сад, Москва – Санкт-Петербург 2011, с. 5-30.

Лидеры протестантских церквей признают, что для осуществления своих «духовных» целей церкви и любому верующему необходимо участвовать в жизни гражданского общества и в исправлении его социальных пороков. Практически каждая протестантская община организует группы верующих по работе с наркоманами, беспризорными детьми, детскими домами и домами престарелых и т.д.

Участие протестантских церквей в жизни гражданского общества несоизмеримо большое в сравнении с их численностью в рамках страны, а также по сравнению с другими религиозными объединениями, прежде всего РПЦ, которая обладает огромными возможностями.

Тем не менее религиозное многообразие меняет отношение общества и представителей государства к межрелигиозному диалогу — даже при наличии официальной идеологии поддержки РПЦ и «традиционных религий» и неофициального подавления активности других религий и конфессий в регионах в процессе гражданского регулирования складывается вполне демократическая ситуация.

Выход из создавшейся ситуации подсказывает сама жизнь — люди, их общение, активность и общие интересы христианских церквей, которые активно привлекают молодежь или занимаются социальными проектами. Именно тогда официальные декларации теряют свой смысл, и основанием для диалога становится конкретное дело (социальное служение), необходимость вместе занимать в обществе солидарную позицию по социально-политическим вопросам.

Наиболее благоприятная ситуация с начала 2010-х гг. стала складываться в отношениях РПЦ с лютеранством. По признанию самих лютеран, при митрополите Илларионе (Алфееве), который стал главой Отдела внешних церковных связей в 2009 г., был достигнут самый высокий уровень отношений¹. Евангелическо-лютеранская церковь (ЕЛЦ) также развивает

1. Роман Лункин, Анна Цуркан, Религиозные объединения Москвы: история, особенности вероучения, социальная деятельность. [В:] Роман Лункин (ред.), Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы, Издательство ООО «Шварц медиа XXI век», Москва 2014, с. 62-66.

диалог и сотрудничество с РПЦ в социальной сфере. 29 января 2014 г. впервые глава ЕЛЦ Дитрих Брауэр, а также координатор диаконического служения Елена Курмышова приняли участие в круглом столе «Социальное служение религиозных общин — межконфессиональный обмен опытом» в рамках XXII Международных рождественских образовательных чтений. Совместно с православными епархиями лютеране уже осуществляют проекты в Петербурге, Волгограде, Самаре, Москве. Объединяют лютеран и РПЦ также общие подходы к ненавязыванию веры в ходе помощи нуждающимся, стремление сделать человека свободной полноценной личностью, в рамках реабилитации не подменять одну форму зависимости другой и т.д.

Лютеране и другие протестанты не входят в Межрелигиозный совет России, действующий с 1998 г. при Московском патриархате, его членами являются только представители «традиционных» религий — православия, ислама, иудаизма и буддизма, а почетным председателем — патриарх Кирилл¹. Формально действует и периодически собирается Христианский межконфессиональный консультативный комитет стран СНГ и Балтии (ХМКК)². ХМКК действует при Отделе внешних церковных связей (ОВЦС) РПЦ с 1993 года и объединяет все «иностранные» церкви, действующие в России, странах СНГ и Балтии: католиков, баптистов, пятидесятников, адвентистов, лютеран, Армянскую апостольскую церковь и т.д. Однако с конца 1990-х годов до 2010 г. комитет собирался всего несколько раз для обсуждения значения социального служения. Самым представительным за долгие годы был IV пленум ХМКК в Санкт-Петербурге, который состоялся 26 февраля 2014 г. (сопредседателями были глава ОВЦС митрополит Волоколамский Илларион, митрополит католической архиепархии Божией Матери в Москве архиепископ Павел Пецци и председатель Отдела внешних церковных связей Российского союза евангельских христиан-баптистов пастор Виталий Власенко). На пленуме

1. См.: Межрелигиозный совет России: interreligious.ru (доступ 22.06.2017).

2. См.: Христианский межконфессиональный консультативный комитет: <http://www.xmkk.org> (доступ 22.06.2017).

была отмечена общая позиция церквей по защите семейных ценностей и воспитанию молодежи, а также было принято заявление по Украине, в котором церкви призывали к миру и преодолению политических разногласий.

В 2009 г., когда митрополит Илларион стал главой ОВЦС, активизировались контакты с пятидесятниками. В мае архиепископ Илларион встречался с представителями Союза баптистов, 5 июня принял представителей Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников), в июле — всех глав и представителей протестантских союзов, 5 октября — около 60 протестантских пасторов, в том числе и пастора Дмитрия Таранова из саратовского «Слова жизни», 15 октября возглавил заседание секретариата ХМКК. Столь интенсивного диалога с отечественными протестантами в истории ОВЦС еще не было, однако встречи митрополита Иллариона с пасторами в 2009 г. все же носили, скорее, ознакомительный характер, так как фактически продолжения диалога не было.

На деле протестанты сотрудничали с православными, чтобы авторитетом православия поддержать какие-либо свои проекты. Например, 24 марта 2014 г. епископ Российского объединенного союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ) Сергей Ряховский презентовал в пресс-центре «Интерфакс» акцию против абортот «40 дней за жизнь — 2014 в России», в ходе которой устраивались мирные молитвенные стояния с плакатами в поддержку детских жизней возле абортариев, а также проект «Окно жизни» (окна для приема брошенных детей при больницах). В презентации также принимал участие глава Миссионерской комиссии при Епархиальном совете города Москвы иеромонах Дмитрий (Першин), который подтвердил общность позиций РПЦ и евангельских христиан в рамках борьбы с абортотами. Очевидно, что все презентованные проекты делались руками протестантов, но участие представителей РПЦ вместе с пятидесятниками в публичном мероприятии имеет большое значение, так как по-прежнему это редкое явление.

На региональном уровне неформальное сотрудничество разных конфессий или, по крайней мере, встречи священнос-

лужителей на равных, их живое общение становятся все более частым явлением. К примеру, с 2008 г. руководство Республики Карелия с благословения монастырского начальства проводит на Валааме межконфессиональные семинары-встречи с участием православных, лютеран, пятидесятников и мусульман. Семинары посвящены роли церквей в адаптации мигрантов, а также упрочению межнационального мира и согласия.

При поддержке властей на базе Карельской епархии РПЦ проводятся конференции по креационизму и семинары по семейным ценностям с участием лютеран и пятидесятников (Церковь христиан веры евангельской «Новая жизнь» стала инициатором семинаров о родительстве и супружестве). С протестантами активно сотрудничает глава миссионерского отдела священник Вячеслав Распутин. Ежегодно проводятся два больших фестиваля – духовной музыки «Пасхальный перезвон» и межконфессиональный фестиваль «Душа Карелии», где принимают участие церковные хоры православных, лютеран, пятидесятников и адвентистов. Открытость епархии РПЦ и лично архиепископа Мануила, сотрудничество не только с лютеранами, но и с пятидесятниками вызывают раздражение и критику у целого ряда священнослужителей РПЦ, которые служат в районах и выступают с антисектантских позиций.

По мнению главы Объединения Российской церкви христиан веры евангельской (пятидесятников) в Карелии Федора Акименко, Карелии повезло с людьми, которые осуществляли и сейчас осуществляют религиозную политику, а также с главой епархии РПЦ. Церковь, к примеру, проводит евангелизационный курс по изучению Библии «Альфа-курс», во время которого некоторые занятия проводит глава миссионерского отдела епархии отец Вячеслав Распутин. Вместе с православными пятидесятниками организуют лагерь для инвалидов-колясочников. Православная молодежь с благословения духовенства помогает в этой организации. Вместе верующие также участвуют в проведении раскопок командой следопытов. На семинары в епархии по семейным ценностям приходят верующие из церкви «Новая жизнь». Акименко отмечает, что он общался с владыкой Ма-

нуилом, обменивался с ним опытом веры, и было видно, что глава епархии — человек глубоко верующий, он рассказывал пастору о том, как мама в детстве привела его в церковь.

Личное общение пасторов и священников РПЦ также играет большую роль в изменении представлений церковью друг о друге. Пастор архангельской общины «Новое поколение» Сергей Латышев, например, подчеркивает, что в Архангельске и области есть целый ряд прогрессивных православных священников, таких как кочетковец отец Иоанн Привалов (приход отца Иоанна в Заостровье под Архангельском в 2012 г. был ликвидирован по приказу митрополита Даниила, главы епархии). Помимо этого, есть отец Феодосий в храме Александра Невского — Латышев встречался с ним и никакой вражды с его стороны не почувствовал, тем более что пасторы уважают таких священников за то, что они занимаются реальными делами. С отцом Феодосием также общается пастор Церкви христиан веры евангельской в Уйме Сергей Пестов, который организует концерты христианской рок-музыки (православные и протестантские рок-группы иногда встречаются на концертах)¹.

Самым неадекватным священником, по словам Латышева и по общему признанию всех протестантских служителей, является отец Евгений Соколов, с подачи которого епархия в 2005 г. выступала против социальной акции протестантов «Ощути силу перемен» (епископ Тихон встречался с пасторами накануне акции и поддержал их, но из-за заявлений отца Евгения изменил свое мнение). Отец Евгений также постоянно выступает с антисектантскими заявлениями против протестантских церквей города и области. Сам Латышев столкнулся с антисектантской акцией в 2011 г., когда православные казаки во главе с игуменом Феодосием захотели сорвать встречу с епископом обновленческой церкви Сергеем Журавлевым. Однако в результате все прошло мирно: отец Феодосий выступил со сцены и сказал, что в рамках одной церкви православные и протестанты не будут, и призвал не ругать то, о чем люди сами не знают. Казаки по-

1. Сергей Филатов, Ксения Деннен, Роман Лункин. Архангельская область и Ненецкий автономный округ. Религиозно-общественная жизнь российских регионов, Т. 1, Летний сад, Москва 2014, с. 141-180.

слушали песни, которые пели верующие. По словам Латышева, протестанты уважают отца Феодосия, так как он делает реальное дело — кормит бездомных при храме.

Во второй половине 2000-х гг. социальная акция «Ощути силу перемен» (организаторы — Ханну Хаукка и пастор Церкви Назарянина в Волгограде Юрий Ананьев), объединившая церкви разных конфессий в регионах, стала экзаменом на веротерпимость и готовность к диалогу с другими христианами для православных епископов. В Волгоградской епархии митрополит Герман, в Воронежской епархии митрополит Сергей поддержали акцию, в большинстве других епархий православные епархии официально обращались в прокуратуру с требованием убрать рекламу акции, а организаторов привлечь к суду за «религиозно-вербовочную деятельность» (в Архангельске, Уфе, Краснодаре, Сыктывкаре, Саратове, Рязани, Липецке).

Однако несмотря на то, что общество уже знает, что протестанты — это такие же граждане, как и все, что церкви помогают всем нуждающимся, взаимные страхи и опасения есть и у протестантов, и у православных, и у чиновников. Например, по словам старшего пресвитера баптистских церквей по Краснодарскому краю Николая Соболева, общество воспринимает баптистов в основном нормально, но с появлением в политическом истеблишменте Украины баптиста Александра Турчинова некоторые начинают думать и говорить, что все баптисты такие, как он, и относятся с подозрением или недоверием. Администрации, по мнению Николая Соболева, выгодна деятельность баптистов, но под давлением РПЦ вынуждена в этом отказываться.

Краснодарская церковь долгое время опекала несколько детских домов, но РПЦ договорилась с администрацией, и баптистов перестали туда пускать. Межконфессиональный совет священнослужителей евангельских церквей Краснодарского края, как отмечает Соболев, пытался наладить контакт с митрополитом РПЦ Исидором, но он на встречу отправил своего секретаря. На одном из круглых столов, на которые баптистов не приглашают, митрополит сказал, что «у РПЦ с баптистами хорошие

отношения» (из личных наблюдений). По словам Соболева, *«мы всегда, при всяком случае подчеркиваем несомненную значимость Русской православной церкви в противостоянии нашествию западных „ценностей“ — однополым бракам, ювенальной юстиции и т.д. Мы благодарим Бога за них, что они, имея влияние в стране, содействуют сохранению христианских ценностей в нашей стране. Мы готовы сотрудничать с ними в этом направлении и помогаем им, чем можем».*

В Волгоградской области протестантские пасторы также отмечают, что местное казачье население вполне терпимо относится к евангельским верующим. По словам пастора общины консервативных пятидесятников (незарегистрированных), Алексея Трещева, с казачеством в районах у пятидесятников складываются нормальные отношения: активными верующими часто становятся жены казаков, а их мужья просто иногда приходят в церковь, помогают во время праздников, являясь «тайными учениками». Как отмечает пастор, *«трудность евангелизации в том, что в казачестве люди могут пить, вести аморальный образ жизни, но выступать при этом за Русь православную. Мужья верующих казачек говорят, что все в вашей церкви хорошо, только еще бы иконы и кресты были бы, то ходили бы к вам»¹.*

В Калининградской области с 2010-х гг. действует Консультативный совет евангельских церквей, куда входят представители Российской церкви христиан веры евангельской (РЦ ХВЕ), Российский союз евангельских христиан-баптистов, Содружества церквей «Союз христиан» и целого ряда пятидесятнических церквей. Однако все попытки совета наладить сотрудничество с властями и инициировать создание Совета по религиозным объединениям при губернаторе Николае Цуканове не увенчались успехом. Администрация также отказалась включать протестантов в общественный совет. Вместе с тем совет евангельских церквей играет важную роль в выработке единой позиции протестантских общин по самым разным вопросам, в частности

1. Сергей Филатов, Роман Лункин, Краснодарский край. Религиозно-общественная жизнь российских регионов, Т. II, Летний сад, Москва – Санкт-Петербург 2016, с. 425-464.

по сотрудничеству в социальной сфере, в проведении летних лагерей для верующей и неверующей молодежи.

Отношения протестантов с РПЦ изначально, с 1990-х гг., складывались благоприятно – были совместные встречи представителей церквей при епископе Пантелеимоне (Кутовом), доброжелательные отношения поддерживали некоторые священники РПЦ и пасторы. К 2010-м гг. осталось лишь общение православной и баптистской молодежи в рамках встреч при молодежном отделе РПЦ. После того как в 2010 г. был принят закон о возврате имущества религиозного назначения, протестантские церкви также высказывали надежду на получение части имущества – зданий молитвенных домов, которые до 1945 г. принадлежали баптистам и пятидесятникам. Представители РЦ ХВЕ не стали обращаться к властям, решив, что им все равно не дадут и лучше строить самим. Объединение Союза баптистов предъявляло претензии на два баптистских молитвенных дома в области, но власти отказались их передавать Церкви евангельских христиан-баптистов. Массовая передача зданий кирх и территорий замков РПЦ вызывала критику в протестантской среде в адрес православия за «связь с властью» и «оторванность от народа в проповеди Евангелия»¹.

Однако, к примеру, у баптистов Калининграда с православными на личном уровне отношения достаточно хорошие. Ранее пасторы протестантских церквей встречались с викарным епископом Пантелеимоном (епископ Серафим никого из пасторов к себе не приглашал). Старший пресвитер общается с главой миссионерского отдела епархии отцом Александром. Молодежь из баптистской церкви приглашают на обсуждение Библии, библейские конкурсы, в которых протестанты обычно выигрывают, и православный священник ставит их знания всем в пример.

Именно религиозное многообразие предопределило противоречивость российского религиозного законодательства и попыток его изменить.

1. Сергей Филатов, Роман Лункин, Калининградская область. Религиозно-общественная жизнь российских регионов, Т. II, Летний сад, Москва – Санкт-Петербург 2016, с. 72-88.

На протяжении последних двадцати лет эксперты, правозащитники говорили о том, что закон о свободе совести доказал свою эффективность и что он работает на благо религиозной свободы в стране. Однако пора стабильности закончилась не только в России в целом, но и в этой сфере в частности. Изменения в закон о свободе совести стали предлагаться давно — с 2006-2009 гг. обсуждались проекты о регулировании миссионерской деятельности и о фактическом запрете религиозных групп с тем, чтобы их можно было контролировать.

Проекты были отвергнуты, когда оказалось, что они столь же больно ударят по РПЦ, как и по всем остальным, — проповедь и развитие общин являются одним из приоритетов деятельности православных епископов в регионах. В связи с этим реформа религиозного законодательства ограничилась внеправовым введением капелланов в армии, бесконфликтным экспериментом по преподаванию религиозных культур в школах, а также принятием закона о церковной реституции, который периодически оставляет музеи без помещений.

В процессе наблюдения за законодательной деятельностью оказалось, что логика у разных проектов специфическая. Ранее казалось, что во властных верхах есть намерение в целом поддержать направляющую роль РПЦ и задавить религиозные меньшинства. Но попытки внесения любых изменений в Конституцию РФ блокируются первым лицом государства — Владимиром Путиным. Контроль религиозных групп также не стал приоритетом для России, в первую очередь потому что этот путь показал свою неэффективность и хлопотность в республиках Средней Азии и потому что у России есть другой инструмент для выборочной дискриминации — Закон о противодействии экстремистской деятельности.

Прокуратуре и центрам по борьбе с экстремизмом в Министерстве внутренних дел РФ легче выбрать мишень для битвы в виде Свидетелей Иеговы, саентологов, некоторых пятидесятников, а не проверять все религиозные группы вообще. Законодатели предлагают поправки, которые решают сиюминутные проблемы власти и РПЦ, такие как законопроект о том, что ре-

лигиозные объединения не обязаны предоставлять сведения об обязательном объеме уставного капитала. В данном случае этот законопроект сможет облегчить жизнь также и другим религиозным объединениям, так как формально законы принимаются для общин всех вероисповеданий. Однако не все так просто – одновременно власть намеревается ужесточить контроль за финансами религиозных объединений. 24 ноября 2014 г. Министерство юстиции РФ предложило свои поправки к закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые устанавливают фактически систему тотального контроля за религиозными организациями. Формирование системы контроля очевидно не только из положения, которое касается поиска неформальных «иностранных агентов» среди религиозных объединений, но и из всего текста законопроекта.

Стоит обратить внимание, что отдельная отчетность о финансировании из отечественных и зарубежных источников является лишь одним из многих пунктов данного законопроекта Министерства юстиции РФ. Все остальные посвящены проверкам, обязанности предоставлять ту или иную отчетность и ответственности за непредоставление всей требуемой информации о деятельности организации. С одной стороны, законопослушным объединениям не стоит беспокоиться, если они готовы быть абсолютно прозрачными перед Министерством юстиции, прокуратурой и обществом, вывешивая, как этого требует законопроект, всю отчетность в интернете. Кроме того, официально никто статус иностранного агента все равно не присвоит – об этом речи нет. С другой стороны, судя по тексту законопроекта, провести проверку и затребовать отчетность после принятия закона можно будет когда угодно. Оснований для этого в проекте масса – от плановых проверок до ссылок на указания и распоряжения президента РФ и правительства РФ.

За непредоставление отчетности вовремя, за несообщение об иностранном финансировании религиозным объединениям грозит ликвидация. После 2009 г., когда разрабатывался закон «О некоммерческих организациях», сначала усложнилась,

затем упростилась отчетность некоммерческих организаций (НКО), многие религиозные объединения решили отказаться от регистрации своих филиалов, а также общественных инициатив в качестве организаций. И это учитывая, что существование в качестве религиозной группы без регистрации в 2000-е гг. стало казаться самым лучшим выходом, чтобы избежать претензий со стороны представителей власти.

Другой удар был нанесен, когда в 2013 г. в том числе и религиозные объединения стали проверять на наличие иностранного финансирования в рамках общей политики поиска иностранных агентов среди НКО. Были отдельные жалобы со стороны мусульман, протестантов, католиков на то, что верующим приходилось отвечать на унижительные вопросы, например: «а не шпионы ли вы?». Логика в этой кампании не было, так как статус иностранного агента не предусмотрен для религиозных объединений. Почти уверен, что, несмотря на принятый закон, любые финансовые отчеты подразделений РПЦ останутся государственной тайной, тем более что, согласно поправкам к Гражданскому кодексу, сообщать об уставном капитале необязательно. Большинство других религиозных объединений давно уже напрямую не получают значительной иностранной помощи. Поддержка мусульманских общин из-за рубежа является объектом пристального внимания спецслужб и вряд ли происходит и будет происходить открыто, и отражаться в отчетности. Поэтому реальный смысл поправок заключается в том, чтобы на самых законопослушных религиозных организаций, у которых все легально и открыто, таких как Свидетели Иеговы или Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, навесить новые неофициальные ярлыки. А также проверять кого захочется и когда захочется. Основные примеры странных проверок, помимо вопиющих антиэкстремистских процессов, касаются срывов богослужений у харизматов и Свидетелей Иеговы, что почему-то никогда не рассматривалось как оскорбление религиозных чувств.

С 2013-2014 гг. пошла волна проверок вероучений, так как чиновники решили, что они лучше знают, каким должно быть

вероисповедание. К примеру, в 2014 г. Министерство юстиции РФ вынесло предупреждение Союзу миссий христиан веры евангельской Тюменской области, где, помимо других претензий, вдруг указало, что «христиане веры евангельской» и христиане веры евангельской (пятидесятники) — это разные вероисповедания¹.

Союзу надо еще доказать, что он является христианским, так как христианство — это уже другое — третье исповедание. Подобные проблемы испытывает также Армия спасения — Министерство юстиции РФ отказывается признать ее отдельной христианской деноминацией. Церкви сайентологии отказывают в праве быть именно религиозной организацией (на основании экспертизы Экспертного совета при Управлении Министерства юстиции РФ в Москве, подписанной людьми, не имеющими отношения к религиоведению). За отказ быть нужным вероисповеданием грозит ликвидация.

Россия избежала пути среднеазиатских государств, когда жестко пресекается деятельность религиозных групп. Однако законодатели хотят контролировать публичное пространство, получая «домашние группы» в подполье. 7 октября 2014 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении проект поправок к закону о свободе совести. Они отменяют обязательный 15-летний срок существования для религиозных объединений до момента, когда они могут получить все права юридического лица. Однако вводится 10-летний срок, ужесточается регистрация религиозных групп. Главное, что группа, в соответствии с этим проектом, поражена в правах — она не может создавать средства массовой информации, учебные заведения, приглашать иностранных миссионеров.

В рамках российской прокурорской практики и проверок Министерства юстиции РФ все эти ограничения могут очень широко толковаться. Законодательные инициативы в России являются лучшим примером византийского лукавства и того, как в стране с французским определением светскости и отделени-

1. Роман Лункин, Аргументы против религии: эпидемия недоверия к вере: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/11/d33326/> (доступ 29.06.2017)

ем религии от государства в Конституции можно поддерживать одну конфессию, выборочно проверять и ограничивать другие, лавируя между разными влиятельными группами и церквями.

Россия не является монорелигиозным тоталитарным государством, как Иран, где есть одна «истинная религия». Кроме того, в России нет формально прописанной религиозной политики, а Конституция и законодательство РФ в религиозной сфере являются светскими. Они определяют очень широкие рамки для развития отношений власти и религиозных объединений, а также для межрелигиозных отношений. В отсутствие сильных гражданских институтов, демократических традиций, диалога различных конфессий, прежде всего христианских, между собой религиозное многообразие становится инструментом как поддержания свободы совести, так и регулирования отношений разных движений, религий в демократическом обществе. Как показывает российский опыт, для того чтобы религиозное многообразие начало менять церкви (историческую церковь — РПЦ) и общественную атмосферу, это многообразие должно проникнуть в гражданские институты, а не просто быть религиозным плюрализмом — простым сочетанием десятков или сотен религиозных движений в одном регионе. По прошествии почти 30 лет с момента распада советской системы религиозное многообразие стало самостоятельной категорией, меняющей облик российской провинции, а в будущем и страны в целом.

ПРАВОСЛАВНЫЕ КОНСЕРВАТОРЫ И ОБЩЕСТВО: ДВИЖЕНИЕ «СОРОК СОРОКОВ»

Одним из ярких явлений в российском обществе стало движение «Сорок сороков», которое воспринимается в либеральной среде как наиболее радикальное и вызывающее, хотя мало кто знает реальные взгляды его лидеров. Как и другие, более мелкие движения и проекты, такие как «Божья воля», отдельные известные активисты (как Иван Охлобыстин), Союз православных граждан, «Сорок сороков» сочетает защиту библейских ценностей с критикой либерализма и антизападной конспирологией. В отличие от других движений, «Сорок сороков» стало реально действующей демократической общественной силой (проявлением гражданского активизма, низовой демократии), которая работает с молодежью и проявляет себя в публичных акциях (по защите, к примеру, земельных участков для строительства православных храмов, в манифестациях в пользу анти-абортного законодательства, в стычках с «антицерковными» силами, как писала пресса, в «избиениях либералов на Торфянке» и т.д.). Можно без преувеличения сказать, что таких религиозных общественно-политических движений в России больше нет.

Своими основными целями «Сорок сороков» считает: защиту традиционных ценностей, защиту храмов, развенчание мифов о том, что православие религия слабых и интеллигенции (спортивные проекты), борьба с язычеством (язычество считается в движении легко воспринимаемой русским народом альтернативой православию и сектам). С начала «Сорок сороков» была только московской организацией, но к 2017 году стала активно развиваться в регионах.

Отправной точкой для создания движения, по словам его организаторов, стало выступление группы Pussy Riot в Храме

Христа Спасителя 21 февраля 2012 года и последующая критика в адрес Церкви (статья основана на интервью, которое автор взял у лидера движения Андрея Кормухина в декабре 2016 года). Активисты движения решили создать силу, которая защитила бы православие (официально движение создано в 2013 году) в эпоху постхристианства в Европе. Это третья эпоха после гонений на раннехристианские общины и Константиновской эпохи, когда евангельская вера пронизывала все сферы жизни общества. Дьявол решил доказать, что Бог был несправедлив к сатане и что человек сам себя уничтожает. Западная цивилизация, по мнению лидера «Сорок сороков», подвергает сомнению евангельские заповеди и нивелирует понятие «грех». На первый план выдвигается «трансгуманизм», где человек поставлен во главу угла. Формально эта система основана на благих намерениях защиты прав человека, но в итоге «англосаксы плюют на ООН и на самих себя, бомбят все страны, которые хотят, плюют на право, которое строилось на христианстве, пропагандируют однополые браки и гомосексуальный фашизм». Запад, по словам Кормухина, пугают в настоящее время именно христианские ценности, альтернатива, которую предлагает Россия: *«Ничего другого опасного для Запада у нас нет. Экономической модели, как в эпоху Коминтерна, нет. Культурных ноу-хау тоже уже нет. Патриарх Кирилл во время своего посещения Франции в 2016 году говорил о традиционных ценностях так, как сами католические прелаты не могли бы сказать об этом открыто».*

Несмотря на восприятие России как страны с богатой традицией православия, в «Сорок сороков» подчеркивают, что Российская Церковь — молодая. Исторически были нарушены связи Церкви и государства, как до революции, так и в советское время. В 1990-е годы РПЦ стартовала с менее выгодных условий, чем те, которые были у других христианских конфессий, обладавших технологиями и финансовыми ресурсами. По словам Кормухина, распространение других конфессий было размыванием традиции перед внедрением трансгуманизма. В постсоветское время в православие пришла интеллигенция,

неофиты, люди невоцерковленные, а также молодое духовенство, не терпящее компромиссов.

Сейчас, по мнению Кормухина, наступил переломный момент истории РПЦ в современной России. Церковь победит, если сумеет организовать эффективную миссию. Как отмечает Кормухин, *«у нас не было опыта миссии, все потеряли в советское время, а до революции 1917 года не думали о миссионерстве. Церковь выезжала на багаже прошлого. Зачем миссия в государстве, где все православные?»*. После распада СССР в Церковь также приходили случайно — строится храм, и он заполняется народом. С обществом никто не работал. И к началу 2010-х годов появляется поколение, с которым никто не разговаривал о Боге: *«В школу не пускали гуманисты из Минобразования, на улицу не шли, так как боялись и не умели работать»*.

Оценки лидера движения «Сорок сороков» во многом совпадают с выводами социологических исследований о роли РПЦ в обществе. По словам Кормухина, дело в том, что Церковь к 2010-м годам достигла своего потолка (5-10% практикующих верующих). Другая часть общества тоже не стояла на месте, *«развивалась и постепенно становилась винтиками в рамках идеологии трансгуманизма и комфортного общества потребления»* («бигмаком и отдыхом в Турции сатана заменяет реальный духовный мир»). Большинство людей и живет как в матрице: ты едешь подписывать важный контракт, сбиваешь вдруг человека, и вот тогда вдруг реальный мир вторгается в твою жизнь».

Ощущение окружающей социальной несправедливости также является частью идеологии «Сорока сороков». Изначально Бог создал мир, где все живут в справедливости и где всего достаточно. По словам Кормухина, мы же живем в несправедливом обществе, где *«грабят страну, пилят бюджет, и думают, что они живут, но они несчастны. Для счастья ведь много не надо»*. Православный человек — по определению счастлив, так как он узнает свою цель после смерти, когда спасет свою душу, а пока он находится с Богом везде.

Как заниматься миссией в современном обществе? Движение «Сорок сороков» дает на этот вопрос довольно аполитичный ответ. В миссионерстве должно быть меньше «самости» и больше Бога. На Западе думают, что могут сами созидать свое общество, а поэтому, как отмечает Кормухин, *«скатываются в ордена»*, но это неправославный путь. В этой связи движение «Сорок сороков» – уникальный институт, который не ставит своей целью создать могущественную организацию, а стремится развивать горизонтальные связи. В рамках движения не выстраивается система дисциплины или наказаний. Ставка делается на добровольцев.

На протяжении нескольких лет, начиная с 2012 года, после громких выступлений и силовых акций, ярлыков «боевого отряда РПЦ», «неофашистов» и «молодой гвардии патриарха Кирилла» в прессе и социальных сетях, «Сорок сороков» сформировалось в виде традиционалистского консервативного движения. Как подчеркивает Андрей Кормухин, *«наша первая задача – это создание миссионерского консервативного движения, в котором не будет ни ереси, ни обновленчества, а только незыблемое православие»*. Второй задачей организаторы считают слом общественных стереотипов о православии. Большая часть граждан полагает, что РПЦ не должна занимать активной позиции вне ограды храмов, все должно оставаться внутри, а в не церковных стен пусть будет светское государство. Однако, отмечают активисты, *«даже в таком светском обществе каждый имеет право защищать свои ценности»*.

Отмечая неготовность общества к восприятию активного православия, лидер «Сорок сороков» делает противоречивый вывод: «Если большинство людей исповедует традиционные ценности, то они и должны быть главными в обществе. Тогда как либералы полагают, что в светском обществе государство закладывает духовно-нравственные ориентиры. Но государство не эфемерно, а состоит из конкретных людей». Фактически активисты предполагают, что под «либеральным гнетом» общество находится в спящем состоянии и надо его только разбудить: *«Мы чувствуем, что Христос за нас пострадал, и Он –*

абсолютный авторитет, а кто вы такие, чтобы диктовать нам духовные ориентиры».

Как официальная Церковь относится к движению «Сорок сороков» и как сами активисты воспринимают поддержку Церкви? С середины 1990-х годов, когда РПЦ дистанцировалась от Союза православных братств и была осуждена деятельность Преображенского братства свящ. Георгия Кочеткова, руководство Московской патриархии никогда напрямую не поддерживало никакие даже самые лояльные Церкви организации. Самой безопасной сферой сотрудничества, которая не нарушает корпоративной целостности и безопасна политически для РПЦ – это охрана мероприятий, крестных ходов, визитов патриарха. Однако у Андрея Кормухина сложился и личный контакт с патриархом Кириллом, который понял значение движения, положительно воспринял идеи «Сорок сороков». По словам Кормухина, нельзя сказать, что у движения со всеми православными иерархами хорошие отношения, но с высшим церковным руководством есть консенсус. Проблемы возникали в самом начале, когда движение пытались «приструнить и вписать в структуры РПЦ», особенно, в регионах, где привыкли, что какие-либо инициативы есть только при епархии и при храмах. «Сорок сороков» осталась непонятной для многих епископов организацией, которая живет своей общественной жизнью.

В адрес движения «Сорок сороков» поступали угрозы от православных иерархов из-за несогласованных акций, стремление навязать движению духовника, отчего лидеры принципиально отказывались. В рамках общественного движения всегда есть угроза возникновения конфликта интересов, когда духовник благословляет деятельность движения в целом, а, к примеру, личный духовник каждого человека может выступить против. Как отмечает Кормухин, *«для православного человека – спасение души превыше всего, каждый отвечать будет перед Богом, а не перед организацией. Поэтому никто в движении удерживать человека не будет».* Кроме того, когда в «Сорок сороков» стали вступать люди из регионов, то оказалось физически невозможно иметь духовника для всего движения.

Патриарху Кириллу и другим иерархам «Сорок сороков» объясняет свое место в Церкви так: *«мы можем позволить себе публичную акцию и крепкое словцо, мы инициатива снизу, которую нельзя загонять в какие-то рамки бюрократических структур РПЦ. Хотя все равно враги будут связывать нас с РПЦ и обвинять в этом Церковь»*. С патриархом Кириллом по этому поводу у «Сорок сороков» не было конфликтов. *«Он понимает, что в обществе должна быть сила, которая представляет Церковь. Мы имеем право на ошибку, отстаивая традиционные ценности, а вот РПЦ не простят ничего»*. Хорошие отношения у движения сложились с информационным отделом и с отделом по социальному служению РПЦ, движение согласовывает некоторые свои акции с представителями отделов. *«Если Церковь скажет, что мы не имеем к ней отношения, то мы прекратим свое существование. Мы сектантами быть не хотим»*, подчеркивает Андрей Кормухин.

Политическая позиция движения «Сорок сороков» довольно расплывчатая, его лидеры хотят сохранить определенный нейтралитет. Движение тяготеет к государственным православным ценностям, но не готово поддерживать партию «Единую Россия», объявляет идеалом православную монархию («византийская экономика существовала без прибыли и спекуляций, как социалистическая модель»). Но и антидемократическим это движение не назовешь, так как оно основано на праве инициировать гражданские акции в интересах православия. Сам Андрей Кормухин лишь многопартийную систему считает не подходящей для России, так как она предполагает много компромиссов с «обществом потребления»: *«членом движения можно быть до тех пор пока Бог на первом месте, а не политика и политические лозунги»*.

В сознании «гвардейцев патриарха» довольно своеобразно переплетаются черты православной веры и гордости за достижения коммунистической эпохи. В мировоззрении Андрея Кормухина идеи социальной концепции РПЦ об идеальной византийской модели, речи патриарха и декларации Всемирного русского народного собора предстают в обостренном виде, где

противоречия очевидны, но не замечаются самим носителем мировоззрения. Византийская православная государственность стала разрушаться, по мнению Кормухина, Петром Первым, который «уже бесом приехал из Голландии». Советская система была «обезьяной Бога», но при этом большевики открыто говорили о своих преступных целях, а к белому движению больше претензий, так как оно предало Царя и Россию, совершив клятвопреступление. При этом, трудно объяснить, кроме повторения каких-то массовых стереотипов, суждение лидера движения о том, что *«Сталин установил крепкую дисциплину и восстановил институт семьи. Когда поколение, воспитанное в православной вере или православными родителями, умерло, то Советский Союз и распался. Пришли гайдары и чубайсы, которые стали рушить страну»*. Однако стоит признать, что для традиционалистского движения опора на «советские ценности» также своего рода неизбежность — без этого «православная традиция» не будет близка и понятна постсоветскому поколению, родившемуся до 1991 года.

Помимо политики, дистанцируется движение также и от социальной миссии как «ловушки» для православия, так как это также повод для церковных структур уйти от «переформатирования» общества, заниматься только благотворительностью. РПЦ стала заниматься социальной работой, так как столкнулась с «агрессией элит в 1990-е годы», а гражданская активность стала дополнительной и необязательной опцией, отмечают в «Сорок сороков».

К социальному служению, к политике, к гражданским акциям «молодая гвардия патриарха» относится с позиций христианского фундаментализма, который ориентирован на защиту библейских ценностей и евангелизацию — миссию. Такие же позиции занимают ряд католических движений в Польше, в Италии или во Франции и США (Движения «За жизнь», «Радио Мария», “Promouvoir”-«Содействие» во Франции и т.д.), баптисты и пятидесятники из числа протестантских конфессий в России.

В духе такого евангелизма Андрей Кормухин отмечает, что *«Церковь должна идти на улицы, а не приглашать к себе. Нель-*

зя соревноваться с трансгуманизмом, надеясь, что кто-то сам придет к тебе в храм. Надо самим предлагать форматы, которые заинтересуют людей». Правда, католиков и протестантов Кормухин считает еретиками, но изгонять их страны не призывает. По его словам, с ними можно сотрудничать по общественным вопросам, хотя он и против прозелитизма (у «Сорок сороков» есть контакты с итальянскими католиками). Именно протестанты в глазах лидеров движения являются в большей мере «западным проектом», предлагаемым взамен православия для России (поэтому и Кормухин повторяет мифы о «работе инаковерующих на западные спецслужбы»). Только православные ценности в начале XXI века, по мнению активистов, помогут России пройти по краю, как вымирающей нации.

Отрицая социальное служение как «панацею», между тем, движение делает все для того, чтобы «вымирающая нация» выживала. Как и все настоящие фундаменталисты, «Сорок сороков» на самом деле очень активна именно в социальной сфере. К примеру, движения против абортот существовали в Москве еще с начала 2000-х годов, патриарх Кирилл еще в 2012 году выступал в Госдуме РФ с просьбой принять соответствующее законодательство. Однако только движение «Сорок сороков» смогло собрать несколько тысяч человек 24 октября 2016 года на гражданское стояние против абортот «Битва за жизнь» на Суворовской площади. Инициаторами акции были движения «За жизнь», «Православные добровольцы», «Женщины за жизнь», но именно «Сорок сороков» было главным организатором участников из столицы и регионов. Вдохновляли активистов сам Андрей Кормухин (отец 9 детей) и координатор движения «Сорок сороков», чемпион России и Европы по боксу Владимир Носов. По словам Кормухина, довольно странно, что об этом событии написали, в основном, светские СМИ, а не православные: *«Многие в РПЦ говорят, что только на исповеди можно отговаривать от абортот, но это только небольшой процент – пять процентов, а что остальным 95% делать, как их затащить на исповедь?».*

По словам лидера движения, «Мы готовы воспринимать разные модели, которые покажут, как приводить людей в храмы

и отстаивать традиционные ценности. Но если вы ничего не делаете, то и не надо нам указывать». «Сорок сороков» проводили кубок свт. Николая Японского по единоборствам среди молодежи, за что также были раскритикованы многими священнослужителями, так как «православие и мордобой несовместимы». Спортивные состязания стали одной из форм привлечения молодежи в движение через бокс, военно-патриотические клубы и другие спортивные проекты. Регулярно проводятся Сороченские встречи, это дискуссии с известными священниками (прот. Дмитрий Смирнов, прот. Андрей Ткачев и т.д.), просмотр фильмов (например, фильм «Сын» про ювенальную юстицию). Составной частью социальной миссии движения являются также поездки с гуманитарной помощью на Донбасс и в Сирию.

Всего в рамках движения «Сорок сороков» около 200 активистов в Москве, 2-3 тысячи присутствует на мероприятиях, около 10 тысяч сторонников в Москве и близлежащих регионах. В одних случаях само движение не хочет создавать отделения в регионах, в других этому препятствуют епархии. «Информационную атаку» против движения «Сорок сороков» в светских СМИ в движении объясняют тем, что все сразу обратили на него внимание, ведь до этого в публичном пространстве «на православном поле были одни фрики». По словам Кормухина, к примеру, члены движения отнюдь не националисты и не антисемиты, как пишет светская пресса — движение вправе поднимать проблемы мигрантов (позиция «Сорок сороков»: «больше рожать своих детей»). Патриотизм, национализм — это «симулякры, которые могут быть сатанизмом, если они без Бога на первом месте».

Для общества, где большую роль играет Церковь, совершенно естественно иметь общественные движения, которые в той или иной степени защищают ее интересы. То, что этого долгое время не было — это нонсенс, симптом нездоровья, как Церкви, так и общества. Волонтерские проекты в епархиях довольно поздно стали выполнять похожую функцию, наряду с социальными задачами (Служба добровольцев «Милосердие» в Москве, существующая с 2006 года, долгое время была единственной). Общественные активисты, наряду с теми, кто

вовлечен в социальные проекты РПЦ, напоминают государственно-церковному истеблишменту о его ответственности перед обществом, восстанавливают религиозную суть Церкви с нуля, РПЦ как гражданскую силу и миссионерское движение. Политизированные, националистические движения перерождаются в молодежные спортивные и музыкальные клубы, социальные проекты, в которых защита интересов Церкви, в том числе в политической сфере, наполняется реальным содержанием по мере отказа от «образа врага» в пользу миссии.

РОССИЙСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА: В ПОИСКАХ ХРИСТИАНСКОГО ИДЕАЛА

Страдания объединили христиан в советский период, гонения породили мучеников и исповедников в самых разных конфессиях. Протестанты и православные — наследники гонимых церквей — никак не могут считать себя врагами и лишь отчасти могут быть религиозными конкурентами. РПЦ со своей последовательной антисоветской позицией никогда официально не называла консервативных баптистов и пятидесятников «сектантами», а со временем была вынуждена пойти на диалог и с «новыми» церквями 1990-х годов (особенно активно с 2009 года, когда главой Отдела внешних церковных связей стал митр. Иларион). Итогом жизни в СССР стало не только совместное мученичество, но и то, что протестанты интегрировались в советское общество, также как и Московская патриархия — в виде лояльности или фронды по отношению к советской власти.

После распада Советского Союза христианские церкви и религия в целом стали инструментом освобождения от постсоветских мифов и формирования нового христианского мировоззрения. Российский протестантизм ворвался во все сферы общества вместе с возрождением РПЦ. Сосуществование с демократической и миссионерски активной формой христианства оказывает большое влияние на социальное служение и миссию РПЦ. Протестантизм также испытал влияние общественных настроений — отказался от западничества и стал во многом исповедовать государственничество. Эту работу по изменению образа христианства в России протестантизм не смог завершить в начале XX века и делает это сейчас.

Российское христианство разделилось в 1990-е и 2000-е годы на две части по своим социально-политическим функ-

циям — на идеологическое в лице РПЦ и социальное — в лице протестантизма и частично католицизма. По существу довольно долго протестанты воспринимали себя как миссию, дополняющую православную, а РПЦ не давала поводов для того, чтобы можно было назвать ее милосердной и близкой к нуждам простого бедного человека. В 2010-е годы РПЦ и протестанты стали развиваться на равных в сфере социального служения, основываясь на одинаковых принципах, негласно перенимая опыт друг друга. Однако влияние протестантизма на социальную сферу оказалось огромным (протестанты лучше всего занимаются реабилитацией наркозависимых, пропагандой здорового образа жизни, организацией молодежного спорта, благотворительных фондов).

Советская атеизация и модернизация общества во второй половине XX века подготовили благоприятную почву для роста протестантизма — целый культурный слой предпринимателей и часть технической и гуманитарной интеллигенции. В протестантизме она реализовала свой скепсис по отношению к РПЦ и надежды на демократическое развитие страны в будущем. Однако во многом протестанты разошлись с демократической интеллигенцией в ее взглядах на христианство и роль церкви при демократии, несмотря на то, что баптисты и пятидесятники часто вместе защищали права человека с диссидентами из Хельсинкской группы. В этом протестанты стали союзниками консервативных православных. Эту позицию «христианского сопротивления» ярко и емко выразил православный литературовед профессор Иван Есаулов в своей книге «Постсоветские мифологии: структуры повседневности» (М., 2015): *«Советские диссиденты 70-х годов, за редкими, очень редкими исключениями, были настроены не только антисоветски, но и антирусски (чего решительно нельзя сказать ни о Первой эмиграции, ни о Второй). И даже те из них, кто вошел — в качестве «протестного акта» — в лоно Русской Православной Церкви, рассматривали этот шаг как своего рода вызов истории. Не советской, но, гораздо чаще, именно русской истории. Отсюда странная, на первый взгляд, мешанина из декларируемых*

христианских позиций и стремления к радикальной ревизии не советских установок в целом (здесь, напротив, тщательно отделяется «плохое» сталинское от «хорошего» интернационального ленинского), но к ревизии именно русской истории как таковой; в том числе, и ревизии истории Русской Церкви. Речь идет в данном случае не о критике тех или иных недостатков исторической Церкви, будь то преследования старообрядцев или сервелизм перед советской властью в годы гонений на христиан в СССР. Имеется в виду кардинальный пересмотр, суть которого лучше всего с бесхитростной простотой выразил вовсе не церковный диссидент, а потомственный советский пропагандист, ныне весьма преуспевающий в РФ телеведущий Вл. Познер: *«скверно уже то, что русские в свое время приняли именно Православие. Так что мое христианское сопротивление <...> не имеет ничего общего с такого рода советской — по своему происхождению — диссидентурой. <...> Это неприятие не только того, что происходит «дома», в РФ, но и той «дехристианизации», что совершается на христианском по своему происхождению Западе»*. Под этими словами Есаулова могло бы подписаться и большинство нынешних протестантских служителей.

В этическом смысле представители мелкого и среднего бизнеса в больше степени желали быть «честными», так как сами страдали от нечестности экономической системы (православие такой «честности» предоставить не могло, да и не требовало ее). Однако сами протестанты отмечают, что трудовая этика не до конца прижилась в евангельском движении — предприниматели искали формы, где бы неуплата налогов была «меньшим злом», в пятидесятничестве трудовая этика ушла на второй план перед лицом стремления к «процветанию» и эмоциональным «духовным дарам».

В культурном отношении протестанты фактически без труда завоевали постсоветское российское общество — без Реформации православия и трансформации основ общественного сознания. Еще до революции 1917 года повседневная жизнь жителей Российской Империи была, по сути, мало связана

с пониманием церковного вероучения, но во многом формально зависела от приходской жизни и круга праздников. В советское время был утрачен и церковный строй жизни, православный смысл (или смыслы) русской литературы, живописи. Тем более была прервана традиция богословия, социального измерения православного христианства. Можно сказать, что протестантизм, сам прошедший горнило репрессий, пришел в чистое поле — естественным инструментом миссии стала популярная культура, «попса», работа с субкультурами, преодоление псевдоправославных стереотипов о «сектах». Такие же методы пришлось использовать и православию. Наиболее близким к православию по своему отношению к культуре, классической музыке, в особенности, стало лютеранство (Церковь Ингрии и Евангелическо-Лютеранская церковь, которая только к 2010-м годам встала на ноги после массовой эмиграции немцев и ставшая русской).

Культурная интеграция евангельского движения зашла наиболее глубоко в сфере национальной миссии среди коренных народов России. Финно-угорские народы, народы Крайнего Севера, тюркские народы создали свои национальные протестантские церкви, общины, которых нет в отдельных случаях у РПЦ. Никто не может сказать, что культура марийцев или якутов — это не русская (российская) культура. Все они входят в наш «русский мир». Многонациональность сделала протестантизм частью российского пространства.

Российские пасторы прошли путь от стремления реформировать православие или мимикрировать под него, подражать, до осознания своей самостоятельной роли рядом с РПЦ, в православно ориентированном обществе. Об обновлении православия и реформации писал еще лидер евангельских христиан Иван Проханов. В 1990-е годы большинство служителей также надеялись на диалог с РПЦ и евангелизацию православия с тем, чтобы вместе изменить страну. В русле поисков своего исторического места были также и отдельные попытки стать «православными протестантами» — создать церковь с православным обрядом, использовать иконы, носить рясу с крестом и бороду.

Иллюзии изменения РПЦ, диалога с православием рассеялись. Однако осталась символика, которая позволяет быть на одном политическом уровне с представителями РПЦ — повсеместно объединения церковей именуются епархиями, старшие пасторы епископами, некоторые архиепископами, есть Дома молитвы, построенные в православном стиле.

Постсоветским феноменом стало то, что в российском обществе появилось и укрепилось общероссийское движение, принципиально приверженное демократическим ценностям и ориентированное на развитие институтов гражданского общества. Таким движением стал протестантизм — приверженность демократии, правам человека и рыночной экономике выражена в Социальных концепциях пятидесятников, адвентистов и в общепротестантской концепции. Но жизнь протестантов наполнена не только проповедью, социальной работой и «честным трудом» в духе протестантской этики. Евангельское движение — это олимпийские чемпионы, певцы, побеждающие в шоу «Голос» на Первом канале и в других конкурсах, рэп и рок-группы, хоровые коллективы, многодетные семьи, получающие ордена, фермеры, чиновники, политики в регионах, бизнесмены. Уже есть отдельные богословы (пятидесятник Михаил Дубровский) и общественные деятели (бывший глава Союза баптистов Юрий Сипко известен демократическими проповедями).

Попытка выработать свою демократическую патриотическую программу и найти свое место в истории происходит также в ходе Евангельских Соборов, которые протестантские общины, в основном, пятидесятники, проводят с 2010 года (материалы соборов размещены на портале <http://evangelicals.ru>). Соборы были посвящены самым разным темам: идентичности (2010), перманентной Реформации (2011), Будущему Церкви (2012), Церкви в мегаполисе (2013). В связи с украинской ситуацией проведение соборов было прервано, но постоянной традицией стало издание религиозно-философских тетрадей не только по итогам соборов, но и церковных конференций.

Наиболее показательным по числу поставленных задач и откровенно поднятых вопросов стал Первый Евангельский собор

2010 года. Уже тогда в тезисах собора отмечалось растущее отчуждение церковью России от других церквей постсоветского пространства, в том числе из-за политических событий в Украине, Грузии и странах Балтии. «Оранжевые» революции вызвали критику со стороны российских собратьев за участие местных церквей в политике, а русские церкви моментально стали восприниматься в качестве потенциально опасных проводников «западного влияния» в глазах российских властей.

Однако несмотря ни на что в 2010 году протестанты заявили о своем стремлении защитить идентичность и единство русскоязычного пространства евангельского движения. Как подчеркивали организаторы, «Особенно важно, что таким образом мы создадим механизм защиты от попыток «встроить» евангельское движение в привычную, и потому легко возобновляемую византийскую модель». Для преодоления византийского толкования истории соборяне ввели понятие «евангельского духа», связанного со свободной «неклерикальной» проповедью Евангелия. Эту теорию о борьбе византизма и евангелизма еще в 1990-е годы развивала Ассоциация «Союз христиан» во главе с Игорем Никитиным (умер в 2015 г.). Она позволяла подчеркнуть национальный характер протестантизма при отсутствии разработанного богословия и укорененности евангельских христиан в пределах Святой Руси, на исторической территории православия. То есть, по сути, позволяла найти то, чего не было:

«Действие евангельского духа в российской истории можно проследить задолго до князя Владимира — так, например, Он дышит в деятельности княгини Ольги и тех купцов, которые еще до официальной даты Крещения Руси строили в Новгороде, Киеве и других городах Гардарики (Руси как страны городов — авт.) храмы и учреждали христианские собрания. А после Крещения, которое формально христианизировало Русь, само христианство в значительной степени перестало быть свободным выбором человека, превратившись в политический проект князя и киевского престола.

Присутствие евангельского духа несомненно в жизни и деяниях великого князя и ученого Ярослава Мудрого и смиренно-

го подвижника Сергия Радонежского; многочисленных нестяжателей и московско-новгородских реформаторов; питерской интеллигенции, ищущей в формалиновом православном государстве Победоносцева живое слово Евангелия, и многих-многих других подлинных христиан» (Направления развития Евангельского движения. Постсоборные тезисы, 2010).

Работу по формированию своей идентичности было решено на Первом соборе вести по трем направлениям: преемственность от «Апостольской эпохи и Новозаветной Церкви вплоть до сегодняшнего дня», надконфессиональность («Требуется поставить евангельскую, даже более того — христианскую идентичность выше конфессиональной, не говоря уже о юрисдикционной, принадлежности...»), неразрывная связь российского евангельского движения с русскоязычными евангельскими церквями за рубежом, а также — с евангельским движением в мире в целом.

Протестанты также видели свою роль в развитии и процветании «русского мира». Первый собор поставил задачу приглашать на соборы «лучших представителей» русскоязычного евангельского движения со всего мира и «формировать собственное представление о том, что есть Русский мир».

Украинский теолог Михаил Черенков, участник Второго евангельского собора 2011 года, писал по его итогам: *«Для большинства идеологов «русского мира» православие и русский язык являются общими и обязательными скрепами, но для евангельских христиан не менее очевидны другие принципы: культурный и конфессиональный плюрализм, свобода идентификации, гетерогенность культурного и культового пространства. Мосты общения между народами, пережившими трагедию советского эксперимента, связанными языком и опытом совместной жизни, нужно строить таким образом, чтобы в полученном пространстве общения каждый субъект мог сбываться, а не забыться, найтись, а не потеряться, послужить другому, а не использовать соседа. Так что в поисках общности и в открытости к дружбе народов и культур, евангельские христиане сознательно отстраняются от политики, и сдвигают дискуссию*

о «русском мире» в сторону духовной культуры». Вместе с тем, российско-украинский кризис после 2014 года резко политизировал понятие «русского мира», сделал его символом «агрессии» для большинства украинских протестантов, посеял вражду между церквями России и Украины. Построение «русского мира» как в православном, так и в протестантском варианте оказалось под вопросом и, возможно, теперь отложено на несколько десятилетий.

Помимо сложностей с определением «русского мира» и места протестантов в нем, возник и целый ряд других проблем. Евангельские соборы так и не превратились в общепротестантские для России и стран СНГ. Главным организатором соборов так и остался Российский объединенный союз христиан веры евангельской (РОСХВЕ), то есть пятидесятилетняя структура. Российский Союз баптистов в 2015 году даже вышел из Совета глав протестантских церквей России из-за скрытого недовольства первенствующим положением в нем главы РОСХВЕ епископа Сергея Ряховского. Помимо этого, протестантам на высшем уровне удалось встроиться в ныне существующую «византийскую модель»: С.В. Ряховский входит в Общественную палату РФ с 2006 года, как и в президентский совет по религиозным объединениям. Многие представители РОСХВЕ, как иногда и баптистские пресвитеры, в регионах входят в местные общественные палаты и советы при губернаторах. Сотрудничество российских лютеран, баптистов и пятидесятников с РПЦ ведется через ОВЦС и Христианский межконфессиональный комитет (ХМКК) стран СНГ и Балтии. Протестантские лидеры выступают с позиций полной солидарности с руководством РПЦ и президента В. Путина (Союз баптистов РФ в 2015 году осудил революцию евромайдына 2014 года в Украине как «мятеж», церковь «Живая вера» в Пензе посылала помощь Новороссии и поддержала переход Крыма в РФ). Возможность принадлежать к политическому истеблишменту среди рядовых пасторов воспринимается как ценность сама по себе после десятилетий планомерного уничтожения церквей в советские годы. Кроме того, в этом также

есть элемент укоренения протестантизма на российской почве, поисков своей идентичности в рамках российского политического мировоззрения. Антизападная кампания и конфликт с Украиной значительно повредили образу протестантов в обществе: в масс-медиа их стали представлять как «проводников революций» и «американских агентов». Пятидесятников или адвентистов все реже, но упоминают в антисектантских сюжетах и статьях. Однако поскольку сами евангельские общины и их лидеры не дают повода для каких-либо обвинений любые упоминания протестантов в «сектантском» контексте воспринимаются как анахронизм советского периода.

Можно сказать что «инкультурация» протестантизма в России, по-прежнему неуклонно продвигается по следующим направлениям:

- 1.** Собственно культурное укоренение на русской почве — осознание протестантами своей принадлежности русской исторической традиции, русской духовности и ментальности.
- 2.** Осознание протестантами своей ответственности за судьбы родины, своей обязанности и способности изменить Россию к лучшему. Формирование русского протестантского патриотизма, предполагающее свое специфически протестантское национальное чувство.
- 3.** Признание русским общественным мнением, русским национальным сознанием протестантов и протестантской субкультуры своей неотъемлемой частью. (См.: Струкова А.С., Филатов С. Б. *От протестантизма в России к русскому протестантизму* // Неприкосновенный запас, 2003. — №6. — С.21-32).

На новом витке истории протестантизм бесспорно преумножит свои постсоветские достижения участием в демократическом становлении России, когда в публичном пространстве снова открыто будут обсуждаться вопросы гражданского переустройства страны. Протестантское почвенничество, соединенное с трудовой этикой, проявит себя, прежде всего, в политике, экономике, а, к примеру, в литературе и культуре в целом

снова и скорее, чем православные, может поставить вопрос о свободе, о «личном Боге» и личной ответственности русского человека. Происходящее сейчас на деле является не подспудной реформацией православия или русской культуры, и отнюдь не противостоянием и конкуренцией протестантов с РПЦ, а в намного в большей степени – исправлением и перевоспитанием искаженного советского человека с его мифом о патерналистском лицемерном обществе, равнодушном к вере.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ МИССИЯ В МЕГАПОЛИСЕ: ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К БОЛЬШОЙ ЦЕРКВИ

Одной из отличительных черт больших городов стали, в том числе, и большие церкви, которые совсем не похожи на приходы и небольшие общины прошлого с размеренным посещением богослужений и проведением совместных мероприятий. Для того чтобы сохранять людей и развивать общину в условиях постсекулярного общества, требуется применение особых технологий: социальной системы, которая работает внутри церкви и вовне ее на разных уровнях реального и виртуального пространств (феномен онлайн-церкви, сетевой структуры). В применении таких технологий в мире, безусловно, преуспели протестанты (евангельское движение XX века и его яркие представители — пятидесятники), но католики и православные во многом по такой же схеме выстраивают свою приходскую и миссионерскую работу.

Одним из ярких примеров, который показывает практически все возможные стороны городской мегацеркви и ее структуру, является одна из крупнейших церквей Москвы — пятидесятническая церковь «Благая Весть» (входит в Российский объединенный союз христиан веры евангельской — РОСХВЕ, Ассоциация церквей ХВЕ «Благая Весть», старший пастор — Рик Реннер, администратор — Андрей Васильев). Наряду с этой церковью, можно назвать и другие крупные пятидесятнические движения-церкви в столице — «Слово Жизни» (пастор — Исхоэл Маатс-Ола), «Церковь Божия» (пастор — Сергей Ряховский), Церковь Большого города (пастор — Иван Боричевский), но именно «Благой Вести» удалось сформировать значительную онлайн-общину.

«Благая Весть» была создана пастором Риком Реннером, который стал работать на постсоветском пространстве почти сра-

зу после развала СССР. В 1992 году он основал церковь в Риге, в Латвии, но остался проповедником в американской церкви в Талсе, в Оклахоме. Как отмечается на сайте семьи Реннеров, «Перелет семейства Реннеров в Латвию можно сравнить разве что с эпизодом из фантастического фильма, где герои на машине времени перемещаются из будущего в прошлое, и с трудом пытаются адаптироваться к новой действительности. Таким выраженным был контраст между благополучной Америкой и неустроенной постсоветской действительностью с ее пустыми полками магазинов. Народ находился в глубоком духовном кризисе. В стране, в которой десятилетиями насаждался атеизм и безбожие, царил хаос. В тот момент, когда рухнул «железный занавес» коммунизма и советский народ лишился кумиров-вождей, стал очевиден тот факт, что люди за время коммунистического правления стали духовно бедными и осиротевшими, в их сердцах открылась жажда не только правды, но и познания живого и настоящего Бога».

Активную роль в миссии и Церкви играет супруга Рика — Дэнис и его сын Павел. У Рика и Дэнис Реннер — три сына и семь внуков, супруга сына Павла Реннера — Полина Свешникова — руководит служением «Супер-мама» в церкви «Благая весть». Дэнис Ренер — в прошлом оперная певица и создатель женского движения «От сердца к сердцу». Телевизионные программы Рика Реннера транслируются в США, Европе, Азии странах СНГ и Балтии. С 2009 года действует церковь «Благая Весть» в Киеве, продолжает развиваться и первое служение Реннера в Риге.

Служение Рика Реннера — пятидесятническое по вероучению и стилю (как правило, церкви этого направления называют харизматическими, хотя это те же самые пятидесятники, исповедующие протестантизм, но признающие различные действия Святого Духа и «огненное крещение» со знамением говорения на иных языках). Как объясняют сами пасторы церкви, с баптистами их роднит то, что верующие чтят и изучают Библию, с христианами веры евангельской (пятидесятниками) то, что они признают действие даров Святого Духа. Принцип пастора Рика заключается в том, чтобы держать баланс между изучени-

ем Библии и духовными дарами. Особенно странных явлений во время богослужения (падений на сцене, например) в церкви нет, но, конечно, как и во всех пятидесятнических церквях, присутствует молитва исцеления людей ото всех болезней, эмоциональность, громкая музыка.

В Москве церковь появилась в 2000 году, община сменила семь зданий, первые служения проводились в арендованном помещении в гостинице «Россия» в зале на 200 человек (а потом в кинотеатре «Мир» на Цветном бульваре, в ДК МИИТа и т.д.) Больше всего церковь выросла, когда проводила служения в МДМ на Фрунзенской, но там начали ставить мюзиклы и договор аренды с общиной расторгли. Долгие годы церковь арендовала здание на Щелковской. Постепенно церковь пришла к необходимости построить свое здание — оно было куплено и перестроено общими усилиями членов общины в районе Гольяново.

Устройство молитвенного здания само по себе многое говорит о целях и задачах церкви. В 2014 году Церковь «Благая Весть» открыла двери своего собственного здания, которое стало самым большим современным церковным комплексом протестантов в столице (в России можно найти аналогичные большие современные здания евангельских церквей — в Мурманске, Перми, Нижнем Новгороде, Тюмени и т.д.). В Москве, безусловно, есть Дома молитвы баптистов, адвентистов, пятидесятников, но по своей технической оснащенности и отделке с домом Церкви «Благая Весть» может сравниться, наверное, только здание пятидесятнической церкви «Слово Жизни» у метро Алексеевская. Эти Дома молитвы перестроены из бывших домов культуры, фактически построены заново и модернизированы изнутри в стиле хай-тек, более минималистском, как в «Слово Жизни», или в более помпезном с мебелью под XIX век, как в церкви «Благая Весть». В таких больших протестантских церквях большое внимание уделяется добротным материалам в отделке, а также наличию высококлассной аппаратуры, игровых и образовательных зон и зон отдыха для детей и взрослых. Как и во многих западных церквях есть даже спе-

циальные стойки, к которым верующие могут подойти и сделать пожертвование в электронном виде. Отличительная черта данного типа Дома молитвы, который широко распространен в Америке, это его комплексный характер — он существует не только для богослужения, а построен как культурно-образовательный комплекс вокруг служения, где есть все от школы и кафе до звукозаписывающей студии и детских кружков. Это как большой дом для большой семьи.

«Реальная церковь»

В окраинном районе Москвы — Гольяново, где находится церковь, проживает более 150 тысяч человек. В районе есть православная и адвентистская церкви, а теперь и большая протестантская церковь пятидесятников. В общине полагают, что они находятся в правильном месте. Местные жители хорошо знают о существовании церкви «Благая Весть», люди либо согласны с ее существованием либо смирились, если ранее относились к появлению новой церкви подозрительно.

«Через общение и доверие складываются отношения. Сегодня евангелизация может быть и такой — чтобы те, кто вас злословит, славил Господа. Когда люди приходят в церковь — это и есть евангелизация, это работа на будущее». Пасторы не испытывают иллюзий по поводу эффективности массовых мероприятий, которые проводит церковь, приглашая всех желающих. Однако люди находят помощь в церкви — «это не значит, что они придут на воскресное богослужение, но это значит, по мнению служителей церкви, что если у них возникнет в жизни какой-либо важный вопрос, то они могут придти именно в церковь».

Отношения с властями с самого начала складывались у церкви «Благая Весть» доброжелательно. Руководство церкви подошло серьезно и очень дипломатично к контактам с местными чиновниками. С помощью епископов Российского объединенного союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ) и специалистов из московского правительства были налажены контакты с управой: «договорились, что каждый будет заниматься своим делом».

На воскресном богослужении собирается до 2 тысяч человек регулярно, но в самой церкви — более 4 тысяч, которые приходят на разные служения и в разное время. По воскресеньям 4 церковных автобуса возят прихожан от метро на службу. По субботам в здании «Благой Вести» также собирается пятидесятническая церковь «Исход».

Община развивается как семья, поскольку все видят, что члена церкви никогда не оставят одного. Развита программа помощи прихожанам церкви. В церкви существует запас продуктовых наборов для тех, кто находится в трудной ситуации. Как и во многих других евангельских общинах есть доска взаимопомощи и просто доска объявлений, где кто-либо пишет о том, какие вещи он может отдать, или кто-то пишет о том, что ему нужен холодильник. Программа по раздаче одежды действует постоянно и, по крайней мере, два раза в год устраивается день открытых дверей для всех желающих — и в церковь приходит около 500 чел. с улицы. В управе Гольяново община взяла списки нуждающихся и разослала по ним приглашения — сначала управа послала около 100 пригласительных билетов, чтобы посмотреть, как церковь работает, а теперь рассылается не меньше 500 (сама раздача одежды проходит три дня). Помимо этого, при участии местных властей в церкви проводятся новогодние елки.

Церковь «Благая Весть» активно привлекает волонтеров и делает это целенаправленно — именно это привлекает молодых и активных людей. Приходящих в церковь учат тому, что надо что-то делать, раскрывать свои способности и таланты, какими бы они ни были. Некоторые «служат» наркоманам, другие (через Фонд «Милосердие») собирают и кормят, затем реабилитируют бездомных и т.д. Как правило, церковь не работает с теми, кто хочет, чтобы им просто заплатили и все, поэтому в каждом проекте есть полные энтузиазма добровольцы. Управляются все проекты централизованно — есть старшие по каждому из проектов из команды церковных менеджеров. Более того, в общине проводятся специальные тренинги и обучающие курсы по проектированию, управлению, финансам.

Государственные гранты фонды или сама община не получали, так как не хотят быть обязанными по отношению к власти (получение грантов сопряжено с бумажной волокитой и церкви проще самой управлять своими проектами).

Социальная стратегия церкви направлена на помощь людям, пропаганду крепкой семьи и противодействия абортот. В церкви действует хорошая психологическая служба, в которой на постоянной основе работает христианский психолог. Проводятся добрачные консультации для верующих и неверующих. Из числа людей, которые приходили в церковь, удалось спасти 50-60 семей от развода. В самой общине разводы бывают, но 1-2 раза в год.

В помощь родителям создан проект «Снова в школу» — он начал действовать после того, как начался экономический кризис (еще с 2008 года). Верующие поняли, что есть потребность в рюкзаках и школьных принадлежностях. В Гольяново все необходимые вещи раздаются через управу для малоимущих семей, которых приглашают в церковь с 2014 года — ежегодно приходит около 200 детей и 100 родителей. Детские постановки устраивает театральная труппа церкви.

Отдельно проводится программа для 10 разных детских домов, которые члены церкви посещают периодически. Поскольку, как правило, детские дома центрального региона довольно обеспеченные, верующие восполняют другие пробелы — говорят о нравственности и учат девочек, к примеру, как пользоваться косметикой (проект «Между нами девочками»). Этой работой занимается фонд «Возможность», основанный Риком Реннером. Фонд «Дом милосердия» Александра и Лилит Гореловых занимается школой приемных родителей, так как они сами взяли ребенка в семью. В церковь на концерты приглашают и детей-инвалидов с родителями (таких около 25).

Для детей и подростков проводится служение по воскресеньям в рамках церковных программ. В здании общины часть первого этажа занимает «Библейская страна» — комнаты, где в картинах и фигурах представлены герои Библии. Однако основными по существу являются внецерковные проекты и встре-

чи — подростки вместе ходят в кино, катаются на лыжах и коньках, на горках и прыгают на батутах. Многие родители рады тому, что могут отправить ребенка в такую христианскую среду, а не куда-либо в подворотню, на улицу. Среди молодежи также популярны библейские квесты, как и в других протестантских церквях, когда подростки ищут ответы на вопросы из Ветхого Завета, например, ищут выход в «Исходе», преодолевая египетские казни. Вместо «Хэллоуина» молодежь проводит «Аллилуйя», когда всю ночь проводятся какие-то молодежные мероприятия и концерты.

Для пожилого возраста с 2005 года действует клуб «Золотой век» и организуются концерты «Золотые звезды». В этих концертах принимали участие известные актеры и певцы Зельдин, Боярский, Малинин. На самый большой концерт, который устраивала церковь вместе с управой приходило до 15 тысяч человек. Церковь проводила серию концертов на футбольной арене ЦСКА в зале на 2500 зрителей, каждому раздавался проднабор и каждого приглашали на церковную программу. Помимо этого, ранее существовал клуб «Витамин», в котором пожилые, соответственно, получали витамины. Все эти проекты проводились на средства спонсоров, которых привлекала сама община. После открытия здания в Гольяново бесплатные и светские по содержанию концерты устраиваются в церкви — на них приходит до 800 человек, и где-то 50% — это пожилые люди из окружающего общину района, причем, по утверждениям пасторов, постоянно приходят какие-то новые люди. Для пожилых выступали солисты Геликон-оперы и Новой оперы, певица Славяна и другие — часть артистов посещает церковь, часть дает благотворительные концерты, так как доверяет «Благой Вести». После таких светских концертов — около половины людей потом еще раз приходит в церковь.

«Виртуальная церковь»

В церкви разработана двойная миссионерская стратегия, которая рассчитана на большую городскую мегацерковь. Она состоит из непосредственного увеличения количества мест

и собраний (филиалов церкви), а также из виртуальной Церкви-онлайн — второго дна общины, которое позволяет ей не замыкаться в стенах своего здания. С одной стороны, расширение церкви предполагает организацию филиалов в разных районах города, так как община расширяется, а многим прихожанам далеко ехать до основного Дома молитвы. Помимо, базовой общины на метро Щелковская есть Благая Весть-Юг на метро Чертановская и Благая Весть-Север на метро Петровско-Разумовская.

С другой стороны, община развивает онлайн-служение в Интернете, в котором есть и отдельные «прихожане», и виртуальные группы и реальные небольшие церкви. Виртуальной онлайн-Церковь остается по большей части из-за того, что люди не могут вживую присутствовать в здании «Благой Вести» и слушать пастора, но могут делать это по Интернету и даже в прямом эфире. Изначально этот проект был создан для тех людей, которые живут в регионах, поскольку у Рика Реннера не было намерения развивать свою собственную региональную сеть церквей, как это обычно бывает у протестантских миссий — «Благая Весть» сконцентрировалась на Москве. На самом деле потребителями миссионерских продуктов «Благой Вести» являются и члены других церквей, которые одновременно могут слушать проповеди Рика Реннера и его сына Павла, супруги Дэнис Реннер, и ходить в свою общину. Бывают ситуации, когда в отдаленном регионе собирается группа верующих и на воскресном богослужении в реальном времени смотрит трансляцию из московской церкви «Благая Весть» — таким образом, группа по сути становится «церковью» с виртуальным пастором.

Отличительной особенностью онлайн-проекта церкви «Благая Весть» является то, что она предлагает не только трансляции проповедей или тренингов на разные темы, что уже делают многие, в особенности, протестантские, да и православные общины в России. «Благая Весть» предлагает всеохватывающее духовное консультирование, выходящее за рамки прослушивания проповеди по воскресеньям и позволяющее погрузить

человека в культуру церковной жизни, даже если он находится далеко от столицы в какой-нибудь деревне.

В специальном обращении Рика Реннера говорится: «Мы будем оказывать Вам пасторское попечение, молиться конкретно о Ваших нуждах и давать консультации тем, у кого появятся вопросы. Онлайн-церковь не заменяет полноценную церковь: здесь мы не сможем возлагать на Вас руки в молитве, проводить причастие или водное крещение, и мы настоятельно рекомендуем Вам посещать поместную церковь и быть верным ей. Мы хотим, чтобы Вы знали, что мы — команда, которая любит вас и хочет заботиться о Вас».

Личностный подход и ориентация на быстрое преобразование жизни человека, процветание, основаны на пятидесятническом богословии духовных даров, которые действуют непосредственно в жизни каждого. Как отмечается в письме к новообращенным в онлайн-церкви: *«Господь милостив и благ не просто ко всем людям, а непосредственно и лично к Вам... Присоединяйтесь к сообществу «Благая весть онлайн» чтобы узнать, как наслаждаться жизнью вместе с Богом. ... МЫ ВЕРИМ, ЧТО БОГ ХОЧЕТ И МОЖЕТ ДАТЬ ВАМ ПРЕКРАСНОЕ ЗДОРОВЬЯ... МЫ ВЕРИМ, ЧТО БОГ ЖЕЛАЕТ И МОЖЕТ БЛАГОСЛОВИТЬ ВАС МАТЕРИАЛЬНЫМ ПРОЦВЕТАНИЕМ. Предназначение верующих в Иисуса Христа — жить в таком финансовом избытке. ... Бог хочет, чтобы у каждого верующего было достаточно финансов не только для себя, но также для того чтобы благословлять других. ... Бог ненавидит бедность. Нищета не является частью Божьего плана для Вас. Бедность, по сути, — это проклятие, которое разрушает жизнь, а Бог не является источником проклятия. Напротив, избыток и преуспевание — это часть благословения Божьего. ... МЫ ВЕРИМ, ЧТО ГОСПОДЬ ЖЕЛАЕТ ВАМ ЛУЧШЕГО БУДУЩЕГО».*

Онлайн-церковь регулярно посещает более 12 тысяч человек, которые оставили свои контакты — обычно электронный адрес — и получают письма и советы от церковных активистов. Просто трансляции проповедей посещает намного большее количество сетевых пользователей. В проекте работает 12-13 че-

людей и 20 консультантов, в основном, это психологи, которые отвечают на разные вопросы. Большой популярностью также пользуется «Молитвенная стена» на сайте церкви, где желающие оставляют просьбы молиться об их нуждах. 150 консультантов добровольцев помогают осуществлению проекта в регионах, рассылаются цитаты из Библии на каждый день, видео из домашних групп по разным темам, ответы на вопросы, письма пасторов. По мнению лидеров церкви «Благая Весть», онлайн-церковь это возможность превратить бесконтрольное пространство Интернета в общину: «Раньше церковь шла на площадь, а теперь идет в Интернет».

Но руководителям проекта всегда имеют в виду, что такая виртуальная церковь никогда не заменит реальную, так как верующие должны получать духовное попечение вживую и в церкви надо что-то реально делать. В Подольске, к примеру, около 300 человек регулярно смотрят воскресные трансляции, в Королеве — 200 чел., в Сергиевом Посаде — 50 чел. В связи с этим пасторы задумываются об открытии там реальных филиалов «Благой Вести». Но если человек крестился и принимает причастие в другой церкви, продолжая поддерживать духовную связь со служением Рика Реннера, то онлайн-проект считает свою миссию выполненной. В ближайшем будущем предполагается достичь 100 тысяч членов онлайн-церкви. По признанию самих пасторов церкви, онлайн-проект оказался очень затратным и фактически подготовка его в нынешнем масштабе заняла пять лет.

В интервью сайту РОСХВЕ (cef.ru) в 2012 году Рик Реннер отмечал: *«Изначально, я вообще не верил в успешную работу на фэйсбуке, считал его глупым изобретением, и был уверен, что люди зря теряют там своё время. Но потом я стал глубже изучать интернет-ресурсы и, в том числе социальные сети. Я начал практически жить в глобальной сети и только тогда понял, какой потенциал и в интернете, и, в частности, в фэйсбуке. Подумайте об этом, у меня на фэйсбуке 25 тысяч друзей, тех, кому интересно мое мнение, кто хочет читать мои записи. Я могу отправить одно сообщение, и если хотя бы сто из них поделятся*

со своими друзьями, аудитория еще больше умножится. Я просто напечатал несколько строк и этим прикоснулся к большому количеству людей, чем я встречусь за год на разных служениях, даже разъезжая по всему миру!»

В результате появилось 16 различных сайтов на русском и английском языках – служения «Медиамир», сайт «Реннергрупп», портал «Аминькафе.ру», которые так или иначе связаны с онлайн-служением. Прежде всего, основатель церкви Рик Реннер рассчитывал привлечь самую недоступную и трудноуловимую аудиторию для проповеди, которая не готова, скорее, к живой встрече с пастором: *«Вот, во что я верю по-настоящему. В России около 35 тысяч деревень и маленьких населенных пунктов, в которых вообще нет никаких церквей. Еще в бытность свою Президентом, нынешний премьер Дмитрий Медведев многое делал для того, чтобы интернет пришел во все населенные пункты России. Можно годы и годы готовить миссионеров, чтобы донести туда евангелие, а можно начать служить уже сейчас».* Время показало, что в российской провинции также есть живой интерес к христианской проповеди как среди тех людей, которые не могут найти себе церковь поблизости, так и среди тех, кто готов читать и слушать проповеди, но не готов ходить в церковь и воспринимать пастора или священника как «духовного отца» вживую. И последних большинство.

Наряду с этим, как и в каждой протестантской церкви, в «Благодать Вести» также есть свои домашние группы – их немногим более 200 в Москве. Такого рода небольшие группы верующих собираются, где смогут, в своем районе поблизости от дома. Среди недели группы читают и обсуждают Библию, проводят другие мероприятия совместно. По воскресеньям на большом экране транслируется проповедь из базовой церкви «Благая Весть», а вживую поет своя группа прославления. Так реализуется принцип единого пасторского попечения, связи с основным пастором – Риком Реннером и его сыновьями.

Многонациональность церкви также является одним из направлений миссии, но без служения на национальных языках. В церкви устраивается Праздник народов, во время которого

в Дом молитвы приходят люди в своих национальных костюмах, с флагами, готовят блюда своей кухни (в церкви насчитали до 45 разных наций). Франкоязычное служение есть для выходцев из Африки, для других иностранцев служение на английском. Есть армянская, киргизская, узбекская группы, которые могут говорить на своем языке в группах, но все в обязательном порядке участвуют в общем служении на русском. Это делается для того, чтобы отдельные группы не обособлялись, потому что в церкви «мы все едины и говорим на одном языке».

В церкви мегаполиса, естественным образом, встает вопрос о церковном менеджменте, о том, как управлять многообразными проектами и людьми. Залог миссионерского успеха «Благой Вести» в принципиальной опоре на профессионалов и в подборе «церковной команды». Принцип Рика Реннера – в команде должны быть способные люди, которым надо хорошо платить. У многих лидеров проектов есть степени MBA, в общине работают IT-специалисты высокого класса. Помимо этого, церковь сама отправляет своих специалистов на обучение и не жалеет на это средств. В духовном руководстве важен принцип теократии – духовной власти Бога, от Которого руководство получает свое помазание. Последнее слово – всегда за пастором, но на нем лежит и большая ответственность.

Многие служители евангельских церквей, как и в «Благой Вести», на вопрос о своем христианском патриотизме отвечают так: «Для меня очень странно, что в России живет столько много умных и образованных людей, но живут они плохо. Поэтому патриотизм – это сделать так, чтобы они жили хорошо». Протестантские церкви, в том числе пятидесятнического направления, как церковь «Благая Весть», предлагают свой конкретный путь, как «сделать хорошо». Это модернизированный образ христианской общины для современного мира, где сочетаются элементы виртуального пространства и личного участия для людей с разными способностями и разного возраста. Пятидесятнический менеджмент «Благой Вести» с использованием современных информационных технологий служит одним из эффективных инструментов построения мегацеркви в столице России.

Хотя многим из тех, кто привык к образу православного прихода, это и может показаться непривычным «бизнес-проектом». В построении таких мегацерквей Москва не отстает от других мировых столиц — Нью-Йорка или Лондона, сотни тысяч людей такие церкви собирают в Латинской Америке, Африке и Индии, где также работают российские пятидесятники. Однако наследие постсоветского времени делают этот протестантский опыт с необычными формами христианства чрезвычайно востребованным в российском обществе. Отсутствие у людей привычки ходить в церковь и малое количество организованных общин в регионах ставят часто непреодолимое психологическое препятствие перед человеком, который никогда не видел «живого верующего» и боится попасть в «секту». Протестанты научились разрушать страх перед религией и «сектантами».

РЕЛИГИЯ КАК ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ВЕРУЮЩИХ

К концу 2010-х годов российское общество оказалось в ситуации, когда соблюдение международных стандартов религиозной свободы оказалось под вопросом. Свобода совести оказалась испытанием, которое Россия не прошла по самым разным причинам — страна перешла к регулированию религиозной деятельности, жесткость которого зависит от региона. Наряду с этим, и религиозное многообразие никуда не делось. Стремление вписать это многообразие в строгие административные рамки с помощью штрафов, скрытого и открытого давления на общины и целые движения, не приносит своих результатов. Религиозные объединения уходят в полуподполья, отказываясь от регистрации, и государство по итогам такого рода политики получает лишь недовольство верующих — правоохранительные органы и органы юстиции злоупотребляют проверками и штрафами, общины снова вспоминают позднесоветские времена, когда они платили штрафы и существовали под негласным контролем.

Основное отличие от советского времени состоит в непоследовательном применении законодательства по отношению к религиозным объединениям, часто в отсутствии здравого смысла в требованиях органов власти, в судебных решениях и экспертизах. В большинстве российских регионов неправославные общины почитают за благо, если представители власти вообще не обращают на них внимания, игнорируя религиозный фактор. По сравнению с советским периодом, резко возросла социальная и культурная роль самых разных религиозных движений, прежде всего, мусульманских и христианских. Часто поводом для проверок и судебных процессов становится

ся именно социальная активность различных церквей в том или ином регионе (как, например, пятидесятнической церкви «Новое поколение» в Благовещенске). К 2010-м годам можно сказать, что несколько миллионов граждан России (что лишь примерно в два раза меньше, чем число практикующих православных) вовлечены в гражданскую активность тех неправославных христианских церквей, которые подвергаются давлению в рамках современной религиозной политики.

Рост числа общин верующих самых разных направлений и их социальной активности также совмещается в России со стремлением государства не только контролировать религиозную жизнь, но и с желанием построить монорелигиозное государство. Между тем, построение «православной государственности» в стране, где уже в постсоветское время был достигнут высокий уровень религиозного многообразия, приводит к целому ряду противоречий. Одно из основных противоречий связано с вытеснением религиозных организаций из публичного пространства и ограничениями миссионерской деятельности для всех общин и движений. Попробуем разобраться, почему и как в стране, которая ассоциируется с богатой духовной культурой, снова оказался возможен поворот к ограничению религиозного пространства.

Прежде всего, массовый интерес к религии, к любой вере, к любым богам после перестройки довольно быстро сменился в середине 1990-х годов представлением о том, что вполне достаточно быть православным по идеологии, по культурной самоидентификации. Сама по себе религиозная жизнь перестала быть обязательной, а православие стало и формой легитимации современной российской государственности и, как говорят социологи, «социальной нормой» для политиков и большинства населения. В ходе опросов 2000-х годов выяснилось, что большинство респондентов проявляют свое отношение к различным конфессиям не на основании их близости к христианству или РПЦ, а по чисто идеологическому признаку их «традиционности». Социологи К. Каарийнен и Д. Фурман подчеркивали, подводя итог исследования, потенциальную опасность ситуации, когда виртуальная готовность поддерживать

«традиционные религии» и противодействовать нетрадиционным не подкреплена практической верой: «Данные опросов позволяют говорить об увеличивающемся разрыве между усилением идеологической роли религии, нетерпимости к иным конфессиям и нерелигиозным взглядам и очень низким уровнем институциональной религиозности. Общество все более заявляет о себе как о религиозном, оно готово к установлению над собой идеологического контроля церкви, но при этом людей, которых действительно можно назвать верующими, в нем крохотное меньшинство, перспективы роста которого сомнительны. Так, на наш взгляд, возникает болезненная и потенциально конфликтная ситуация»¹.

Инаковерующие стали идеологическим антиподом православия, их образ привычно наполняется советскими стереотипами о «сектах», «сектантах» и их «главарях». На фоне страшных фобий, которые связываются с другими церквями, особенно ярок образ «золотых куполов» православия. В силу глубоких исторических комплексов все недостатки РПЦ и социальной культуры в обществе с легкостью объясняются происками врагов извне. Фобии, которые десятилетиями прививались обществу в СССР, были с легкостью, как и многие другие элементы советской поп-культуры и массового сознания, перенесены в православное сектоборчество, в государственную политику, в медийные образы практически любых инаковерующих (неправославных, немусульман, небуддистов, неиудаистов)². Россия, провозгласившая себя страной религиозного возрождения в постсоветское время, осталась крайне нетерпимой к проявлениям веры как таковой. Однако, как подчеркивает социолог Сергей Филатов, унификация религиозной жизни отнюдь не предопределены русской культурой³. Монорели-

1. Фурман Д., Каариайнен К. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Обществ. науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 95 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/01/1214824169/Furman.pdf>); см. также: Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России // Под ред. К. Каариайнена и Д. Фурмана. – М.; СПб.: Летний сад, 2007.

2. См. также: Лункин Р., Филатов С. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. – М., 1999. – С. 136–150.

3. Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 399 с. – (Религия в Евразии). С. 9.

гиозность возникла как результат атеистической политики советского времени, которая привела к искоренению народной религиозности и обеднению конфессионального многообразия России. В 2000-е годы социологами и религиоведами был зафиксирован рост влияния католических и протестантских общин¹, формирование нового типа приходских практик² и социального служения в Русской православной церкви³, развитие многообразных направлений в исламе и его становление как общественной силы⁴.

В начале формирования религиозного законодательства и политики в России от общего религиозного пространства страны были, прежде всего, отделены «нетрадиционные религии». Примечательно, что это определение – «традиционные религии» – также является чисто символическим, идеологическим понятием, так как в преамбуле Закона о свободе совести 1997 года его нет. Однако эта условная идеологема прочно закрепилась в политическом лексиконе. Несмотря на то, что среди четырех исторически укорененных в России направлений в Законе перечислены, наряду с православием и иудаизмом, буддизм и ислам, на практике далеко не все течения в буддизме и исламе признаются представителями власти «традиционными» (к примеру, на федеральном уровне власти сотрудничают лишь с Буддийской Сангхой Бурятии, а из мусульманских общин власти регионов пытаются, как правило, создать единое духовное управление области или республики, которое и считается «традиционным»).

Само по себе признание верховенства православия и ислама или буддизма в национальных регионах не является условием преследования верующих других конфессий и религий,

1. Атлас современной религиозной жизни России. Под ред. М. Бурдо, С. Филатова. Т. 1-3. Кестонский институт. М.; СПб.: Летний сад. 2005-2009.

2. Религиозные практики в современной России. Составители: Кати Русселе, Александр Агаджанян. М.: Новое издательство, 2006; Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности. Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Издательство «Весь Мир», 2011.

3. Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт : [коллективная моногр.] / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки, Ин-т Европы Российской акад. наук, Центр по изучению проблем религии и о-ва ИЕ РАН ; под ред. А. А. Красикова и Р. Н. Лункина. – М. : ИЕ РАН, 2016.

4. Ислам в России: Взгляд из регионов / науч. ред. А. В. Малашенко. – М.: Аспект Пресс, 2007; Ислам в Европе: учеб. пособ. / Дамир Мухетдинов, Сергей Бородай. – Москва: ИД «Медина», 2016.

так как сфера идеологии и реальной религиозной жизни находятся в двух параллельных мирах. Однако политическая эволюция — ужесточение регулирования общественной жизни в России — привела к постепенному сужению религиозной картины. Условное разделение на «традиционных» и «нетрадиционных» верующих с соответствующим поражением в правах постепенно было воплощено в жизнь.

В 2000-е годы болезненно стал восприниматься чиновниками, спецслужбами и руководством РПЦ рост представителей неправославных христианских конфессий (протестантов и католиков) в российских регионах. К ним сложилось отношение как к «неизбежному злу»¹. Неизбежное «зло» — потому что католиков и протестантов невозможно обвинить в «экстремистской деятельности», и тем более нельзя их вычеркнуть из российской истории, а поэтому от них никуда не деться. Католикам, в отличие от православных, не возвращают церковные здания, которые принадлежали им до революции 1917 года. Протестантов (баптистов, пятидесятников, евангелистов, адвентистов) вытеснили из социальных учреждений, которым они помогали. Евангельским церквям фактически запрещено проводить любые публичные акции (большая часть мероприятий церкви проводят от лица созданных ими светских некоммерческих структур). Отдельно, как в советское время, стали преследовать пятидесятников, известных своей практикой «говорения на иных языках» и эмоциональной молитвой — в 2009-2010 годах был ряд процессов над церквями пятидесятников², которым вменялось причинение психологического вреда гражданам, но прокуратуре не удалось ликвидировать церкви на этом основании.

Под «злом», которое можно искоренить, в российском контексте стали пониматься новые религиозные движения. Многие автохтонные российские новые движения, не имевшие поддержки на Западе и возникшие самостоятельно в конце

1. Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. — 406 с. — (Религия в Евразии).

2. См.: Лункин Р. Межконфессиональный конфликт в Амурской области. 29 Октября 2013 года. www.invictory.com.

1980-х – начале 1990-х годов, были уничтожены или ушли в подполье. Это, к примеру, своеобразные православные харизматы – Церковь Божией Матери Державной (Богородичный центр) во главе с пророком Иоанном Береславским, которому пришлось бежать в 2000-е годы от преследований за границу. Кроме того, в 2016 году в Нижегородской области был ликвидирован индуистский монастырь Дивья Лока российско-украинского движения Адвайта-веданта. Церковь Последнего Завета Виссариона-Христа существует только потому, что ее общины имеют легальный статус только в глуши – на юге Красноярского края. Движение «Радастея» Евдокии Марченко, проповедующее действие «космических лучей и ритмы», ушло в интернет-пространство. Практически все новые движения, которых, как правило, боятся и считают «сектантами» не только в России, но и в других странах, оказались слабыми и довольно быстро сдавали свои позиции, хотя до конца и не исчезли. Между тем, в России остались движения западного происхождения – Свидетели Иеговы, мормоны и саентологи.

Показательным для религиозной политики властей стал пример организаций Свидетелей Иеговы, которые были запрещены как экстремистские на территории всей страны решением Верховного суда РФ от 20 апреля 2017 года. Свидетели Иеговы – достаточно сильная общероссийская сеть общин (около 400) с десятками тысяч верующих – 170 тысяч последователей, по их собственным данным, скорее всего, цифра завышенная. Но даже 100 тысяч граждан России, признанных потенциальными экстремистами, – это много. Помимо этого, существует более 2 тысяч групп, которые могут собираться по домам.

Как это ни странно, преследования Свидетелей Иеговы начались в те годы, которые считаются самыми либеральными за последние 20 лет – в эпоху правления Дмитрия Медведева. С 2009 года прокуратурами регионов инициировались процессы против Свидетелей Иеговы – 8 организаций было признано экстремистскими, 87 наименований литературы включены в Федеральный список экстремистских материалов. В марте 2017 года Минюст РФ обратился в Верховный суд РФ с прось-

бой признать Управленческий центр Свидетелей Иеговы и его подразделения, то есть все общины, экстремистскими и ликвидировать по совокупности накопленных обвинений и запретов. Фактически у Верховного суда РФ почти не оставалось никакого другого решения, кроме поддержки требований Минюста, так как многие решения региональных судов о ликвидации организаций и о запрете литературы, которые верующие обжаловали, также подтверждал Верховный суд. Кроме того, антиэкстремистское законодательство не дает простора для проявления милосердия, так как в общинах находили журналы «Сторожевая башня», признанные экстремистскими. Позиция защиты состоит в том, что отдельные общины независимы и не имеют прямого отношения к Управленческому центру, а журналы подбрасывали сами представители спецслужб, что подтверждает видеосъемка. Во время процесса в Верховном суде представители Минюста РФ не стали представлять никаких иных доказательств, многие адвокаты признали позицию Минюста безосновательной. Вопреки распространенному мнению, вопросы об отказе Свидетелей Иеговы от службы в армии или о переливании крови и имуществе верующих (или бывших верующих) даже и не рассматривались.

Запрет «странного» и одиозного для большинства общества движения Свидетелей Иеговы стал проявлением новой политики, которую сложно объяснить логически. Во многом «невыразимость» этой политики и ее нелогичность связаны с тем, что она направлена против религиозной деятельности как таковой. При этом, мало, кто в здравом уме и памяти будет заявлять в России о том, что он хочет снова избавить общество от религии или ограничить любую религиозную активность. Это само по себе прозвучит абсурдно и неразумно.

Однако подобное безумие происходит и воплощается на практике. Движущей силой этой политики является маргинальная, но влиятельная группа православных чиновников, политиков, активистов, для которых воплощение православия как идеологии государства является высшей целью. Ради этого лоббистская группа готова пожертвовать религиозным много-

образом страны. Представителем этой группы является министр юстиции Александр Коновалов, имеющий богословское образование. В 2009 году в Экспертный совет при Минюсте РФ А. Коновалов пригласил целый ряд православных активистов, которые с 1990-х годов боролись с инаковерующими с помощью оскорбительных статей в прессе (самый известный автор — сектоборец Александр Дворкин, в совет входит также сотрудник Всемирного русского народного собора Роман Силантьев и др.). Но теперь новая группа «экспертов» Минюста РФ получила возможность законодательно ограничить деятельность неправославных общин. Многие депутаты Госдумы РФ, сотрудники спецслужб полиции, прокуратуры в период антизападной кампании и страха перед «оранжевыми революциями» легко восприняли конспирологические идеи этой маргинальной группы (учитывая, что конспирология всегда была частью сознания правоохранительных органов еще с советского времени). В 2012 году была создана группа по защите христианских ценностей в Госдуме РФ — одним из лидеров группы стал глава думского Комитета, который, в том числе, занимается религиозными объединениями, Сергей Гаврилов. Главой аппарата этого думского Комитета является координатор православного движения «Георгиевцы» Степан Медведко. В ноябре 2016 года аналогичная группа по «борьбе с сектами» была создана в Совете Федерации по инициативе Елены Мизулиной. На думских круглых столах и на тех, которые были организованы Мизулиной, присутствовали все те же «эксперты» Минюста РФ.

Минюст РФ периодически предлагал различные проекты ограничения миссионерской деятельности, пока они не воплотились в положениях «Закона Яровой». Известный как Закон или «пакет Яровой» документ официально называется так: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Поправки, касающиеся верующих и религиозных объединений,

вступили в силу 20 июля 2016 года (тогда как поправки, касающиеся хранения баз данных сотовых операторов и предоставления их спецслужбам, вступают в силу только в июле 2018 года). Закон внес изменения в Закон о свободе совести (Глава III-1. Миссионерская деятельность. Статья 24-1. Содержание миссионерской деятельности. Статья 24-2. Порядок осуществления миссионерской деятельности), в Кодекс об административных правонарушениях (в статье 5.26 КоАП РФ) и в Жилищный кодекс РФ (часть 3 статьи 17 и статья 22 часть 3-2).

Если суммировать положения «Закона Яровой» о миссионерстве, то они заключаются в следующем:

- Каждый верующий, говорящий о Боге вне культового здания от имени религиозного объединения, должен иметь при себе документ от организации (но в реальности полиция и суды штрафуют или задерживают всех, даже тех, кто лично от себя проповедует).
- Религиозные группы, которые уведомили о своем существовании, также должны выдавать документы своим миссионерам (в реальности полиция и суды стали требовать, чтобы любые группы уведомляли о своем существовании, хотя по закону это необязательно).
- В жилых помещениях можно проводить обряд, но нельзя проповедовать или приглашать туда неверующих. Кроме того, жилое здание нельзя сделать культовым.
- Проповедующий свою веру в сети Интернет, в средствах массовой информации «либо другими законными способами» также должен иметь документ от организации.
- Иностранному миссионеру должен заключить трудовой договор с религиозной организацией, то есть приехать по гуманитарной или религиозной визе и получить квоту, а проповедовать только на территории, на которой по уставу действует пригласившая организация.
- Санкции предусматривают штрафы для граждан до 50 тысяч, а для организаций до 1 млн рублей.

Закон Яровой даже спустя короткое время после своего принятия оказал большое влияние на общественную атмосферу.

Он стал своего рода символом и воплощением контроля государства за жизнью граждан и общественных организаций¹.

Еще ранее, в июле 2015 года, были приняты поправки к Закону о свободе совести, согласно которым религиозные группы фактически должны уведомлять органы власти о своем существовании, что в совокупности с «Законом Яровой» привело к тому, что любая группа верующих, собравшаяся сама, без какого-либо разрешения на улице или в частном доме, может быть оштрафована. По совпадению активное участие в разработке этих законов принимала Московская патриархия в лице игуменьи Ксении Чернеги, а больше всего штрафуют по этому закону — протестантских проповедников (более 50 дел с июля 2016 года).

Многие дела о штрафах за миссионерство были возбуждены вполне в духе советского атеистического времени — против религиозных выступлений как таковых. К примеру, 30 июля 2016 года в деревне Мари-Шолнер Мари-Турекского района Республики Марий Эл проводился обычный деревенский праздник. Староста деревни пригласил на праздник своего знакомого — лидера религиозной группы христиан веры евангельской (пятидесятников) «Новое поколение» Александра Якимова. На сцене повесили старый баннер «С праздником, моя деревня», на котором имелась надпись «Церковь «Новое поколение». Александр Якимов вышел на сцену, произнес несколько теплых слов и призвал благословение Божие на всех жителей Мари-Шолнер, выступил против алкоголизма. Прокурор особенно подчеркивал в ходе процесса, что проповедь и молитва произнесены осознанно и намеренно в присутствии несовершеннолетних. Такого рода слова, безусловно, по мнению прокурора, придавали криминальный оттенок «проповеди и молитве». 31 августа 2016 года мировой судья судебного участка Сернурского судебного района Республики Марий Эл приговорил пастора Церкви ХВЕ «Новое поколение» Александра Якимова к штрафу в размере 5 тысяч рублей за «незаконное миссионерство». Пастор не признал себя виновным.

1. Подробнее о правоприменительной практике «Закона Яровой» см.: Лункин Р.Н. От религиозного бума к Закону Яровой: атеизм без атеизма и православие без православия. Русское ревью Кестонского института, Edition 69: ноябрь 2016. URL: <http://www.keston.org.uk/russianreview-69.php>

Насколько тенденция к вытеснению религии из публичного пространства затронула «традиционные религии»? Формально считается, что они не пользуются преференциями со стороны государства, а положения «Закона Яровой» не применяются к ним. Представителей буддизма и иудаизма проводимая властями политика не коснулась в силу того, что они не так активны в миссионерской деятельности и малочисленны (численность общин буддистов и иудеев, например, сравнима с количеством организаций Свидетелей Иеговы). Вместе с тем, ислам был затронут государственной политикой по контролю религиозной сферы. В мусульманской среде правоохранительные органы отделяли «традиционные» и «нетрадиционные» общины, движения и верующих. Инструментом этой политики стал Закон о противодействии экстремистской деятельности, принятый в 2002 году, в котором содержится максимально широкое определение «экстремизма». Мусульманская литература (к примеру, книги Саида Нурси или Фетхуллага Гюлена) признавалась экстремистской на основании экспертиз, в которых говорилось о том, что в материалах пропагандируется превосходство и истинность одной религии над другой. Это значит, что к части мусульманского общества уже более 10 лет применяются те же самые основания, которые позволили ввести запрет на движение Свидетелей Иеговы. Помимо этого, обычной практикой сдерживания общественной активности исламских объединений со стороны властей является противопоставление двух конкурирующих объединений. Как правило, лидеры заявляют о своей «традиционности», обвиняя оппонентов в «ваххабизме». На общероссийском уровне — это Духовное управление мусульман РФ и Центральное духовное управление мусульман. Примечателен пример Крыма, где под контролем российской власти, после 2014 года, наряду с Духовным управлением мусульман Крыма, возник Таврический муфтият, которые позиционирует себя в качестве «антиваххабитской» и «пророссийской» структуры. Проявлением борьбы мусульман за свое место в публичном пространстве стало отстаивание прав школьников на ношение хиджаба в условно «русских» регионах — на Ставрополье и в Мордовии (в 2013 и 2014 годах

суд отказал мусульманкам в праве носить хиджаб в школе, тогда как в традиционно исламском регионе — в Чечне — это было открыто разрешено).

Сакральный статус православия и Русской православной церкви не позволяет применять к представителям РПЦ какие-либо меры наказания, которые используются для контроля других религий и конфессий. Но по мере обострения борьбы с «западным влиянием» и жизни в условиях санкций, патриотической волны «возвращения Крыма» чиновники разных уровней, политики и сотрудники прокуратуры стали считать своим долгом «защитить» РПЦ и православные ценности. Первым делом в защиту РПЦ стало дело Pussy Riot в 2012 году (членам группы дали два года колонии). 11 июня 2013 года был принят закон о защите религиозных чувств. Довольно быстро появился целый ряд судебных дел с обвиняемыми — по поводу женщин, которые прикуривали от свечи в храме в Кемерово и Белгороде, дело блогера, который ловил покерменов в храме в Екатеринбурге (прокурор потребовал 3,5 года колонии). В целом ряде регионов православные епархии выступали за отмену театральных постановок (в Новосибирске режиссера оперы «Тангейзер» также пытались обвинить в оскорблении религиозных чувств). Наконец, в 2017 году депутат Госдумы РФ Наталья Поклонская обвинила режиссера фильма «Матильда» Алексея Учителя в оскорблении чувств верующих за неканоничный образ царя-мученика Николая II. Основная черта этих судебных процессов и заявлений политиков — их идеологический характер. В большинстве случаев РПЦ формально не является источником обвинений, а само по себе существование обвинений связано с политическим имиджем РПЦ, а не с христианским вероучением. Именно поэтому дела о защите чувств верующих нельзя назвать «обезьяньими процессами» — в США, к примеру, протестантские деятели защищали идеи креационизма, то есть свои фундаменталистские христианские убеждения. В случае с «защитой православия» в России общественность и православные активисты концентрируются на далеком от христианских убеждений стремлении — на наказании обвиняемых.

После периода советского атеизма и религиозного бума 1990-х годов религия снова стала источником зла и, как и в эпоху позднего СССР, для проповедников стало безопаснее не выходить за границы культового здания. Вместе с тем, в отличие от советского времени появилась часть общества, для которой вера и свобода совести стали ценностью. С критикой «Закона Яровой» выступали практически все религиозные объединения – мусульмане, христиане, иудеи, кроме РПЦ. С заявлениями против запрета Свидетелей Иеговы выступили только Союз баптистов России (5 апреля 2017 года) и секретарь конференции католических епископов России Игорь Ковалевский (Свободная католическая газета. 2 мая, 2017). Митрополит Иларион (Алфеев), глава Отдела внешних церковных связей, заявил, что РПЦ не инициировала запрет Свидетелей Иеговы, хотя и не против этого. Публично против «Закона Яровой» и запрета Свидетелей Иеговы выступили православные публицисты – дьякон Андрей Кураев, Андрей Десницкий, Сергей Худиев, которые заявили, что это не только несправедливо, но и вредит православному миссионерству.

Однако маргинальное конспирологическое сознание существует совсем не в безвоздушном пространстве. Идеологические внерелигиозное восприятие православие поддерживается невежеством в вопросах религии и тем, что реальной общинной жизни, культурной или социальной роли религиозных общин в прессе, в выступлениях чиновников и часто самих иерархов РПЦ, не уделяется почти никакого внимания. Анти-сектантские кампании и антизападный вектор патриотической пропаганды также смогли оказать большое влияние на самые разные слои российского общества. Почти 60% опрошенных в ходе социологических исследований поддерживали принятие Закона о защите чувств верующих и одобрили внесение в Уголовный кодекс РФ наказание за богохульство, хотя очевидно не знают, как он может применяться и что это такое¹. В 2016 году всероссийский опрос Левада-Центра выявил

1. Россияне о репрессивных законах. Левада-Центр. 25.11.2013. URL: <http://www.levada.ru/2013/11/25/rossiyane-o-repressivnyh-zakonah/>; Россияне о религии и Церкви. Левада-Центр. 11.10.2012. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/11/rossiyane-o-religii-i-tserkvi/>

высокий уровень враждебности в общественном сознании к «сектам» и «сектантам», под которыми респонденты также понимают самую общую неизвестную угрозу, созданную масс-медиа. На первом месте среди характеристик сектантства респонденты поставили мошенничество (40%), второе и третье места (по 30%) поделили такие качества как безумие и создание преступного сообщества. Почти 12%, естественным образом, после такого рода ассоциаций ощущают ненависть и вражду, а почти 22% хотят исключить их из общества. Только 13% признались в том, что эти образы и ассоциации созданы средствами массовой информации, хотя, очевидно, что абсолютное большинство подобных характеристик заимствованы из прессы и телевидения. В рамках столь враждебной атмосферы лишь 7% считают, что употребление этих понятий неприемлемо. Тогда как 6% готовы, несмотря ни на что, называть «сектантами» неправославных христиан¹.

И простой рабочий, и профессор, и либерал, и единокорссейчас одинаково подозревают и боятся «сектантов». Все с интересом смотрят сюжеты на телевидении о самых разных церквях, которых часто называют сумасшедшими или мошенниками, обвиняя их в том, что во все времена и во всех странах всегда составляло существо религиозной деятельности — регулярная молитва, обучение последователей, пожертвования в пользу общины, провозглашение истинности своей веры. С одной стороны, такое раздражение общества по отношению к религии связано с откатом от религиозной всеядности 1990-х годов и желанием обрести стабильную «православную идентичность». С другой стороны, новая «антирелигиозная» кампания уже не уничтожит сложившегося религиозного многообразия. По мере преодоления невежества и роста реального гражданского влияния, прежде всего, христианских и мусульманских общин власть и общество привыкнут к нему.

Привыкание к веротерпимости и религиозному плюрализму, вопреки страхам, существующим в православной среде,

1. Экспертное исследование по поводу употребления понятий «секта» и «сектанты» в масс-медиа в отношении верующих и их объединений. 8 Января 2017 года. Славянский правовой центр. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=464&ELEMENT_ID=7392

не приведет к падению влияния Русской православной церкви. Напротив, в современном обществе большие исторические церкви не могут расти и активно развиваться без конкурентной среды — сильных миссионерских церквей (также католическую миссию в Латинской Америке активизировал рост евангельских церквей). Отсутствие страха перед религиозной деятельностью, перед религией вообще приведет только к увеличению потока граждански активных прихожан в РПЦ и к складыванию различных форм социального партнерства между неправославными церквями и властью. Преодолению конспирологии, связанной, прежде всего, с неправославными христианскими церквями, уже способствует социальная работа этих движений на благо общества, их патриотическая позиция, уважение к православию.

Современный тренд на размывание религиозного законодательства (понятий миссионерства, экстремизма, религиозная группа, санкций за отсутствие регистрации и т.д.) трудно преодолить. Он связан с общим контролем общественной сферы, с идеологизацией православия и антизападными тенденциями в политической сфере. Однако национальные интересы и демократическое развитие России требуют (или потребуют в ближайшие 5-10 лет) внимания к основным принципам религиозной свободы. Это означает, что, во-первых, тем религиозным общинам, группам, движениям, которые хотят получить право юридического лица, такое право должно быть предоставлено автоматически (возможно, без налоговых льгот, согласно практике многих европейских стран, где для получения привилегий надо доказывать свою укорененность в обществе и свою религиозность). Во-вторых, проверки, нелепые судебные процессы против верующих и общин, провоцирование таких процессов правоохранителями (а так было в большинстве дел по «незаконной» миссионерской деятельности) должны рассматриваться как нечто неприемлемое и преступное, если, конечно, общины или верующие не нарушают законодательство РФ сами. В-третьих, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ

должен реагировать на изменение религиозного поля, побуждать к созданию аналогичных и равнозначных советов в регионах – в каждом субъекте РФ есть практически такой же набор конфессий и религий, который есть и в президентском Совете, но на местах религиозное многообразие часто игнорируется. В этом случае религиозные проявления гражданского активизма перестанут пугать как православных активистов, так и правоохранительные органы.

СВЕТСКОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Подлинная гарантированность свободы вероисповедания обеспечивает высокую степень ее реализации, включая эффективную правовую защиту и охрану религиозных прав и свобод. Гарантированность свободы вероисповедания зависит от многих факторов: состояния экономики, политического режима, уровня культуры в обществе, конституционно-правовой политики государства и других. Исходя из этого, в самом общем виде гарантии свободы вероисповедания делятся на общие и специальные (юридические) гарантии.

Традиционно в литературе общие гарантии подразделяют на экономические, политические, культурные и идеологические. В свою очередь, юридические гарантии охватывают правовые нормы, с помощью которых достигается беспрепятственное пользование правами и исполнение обязанностей, а также защита и охрана прав и свобод. Исходя из этого, они делятся на гарантии реализации прав и свобод и гарантии их защиты и охраны. Юридические гарантии могут быть закреплены в Конституции Российской Федерации, федеральном законодательстве, в законодательстве субъектов Федерации и т.д. По поводу классификации и содержания гарантий прав и свобод личности имеется обширная научная литература, поэтому мы не останавливаемся на данной проблеме подробнее¹.

Среди юридических гарантий свободы вероисповедания мы особо выделяем важнейшую конституционно-правовую

1. См., например: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 305-313; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. М.: МГУ, 1997. С. 221-236; Права и свободы человека и гражданина в современной России и роль адвокатуры в их защите: Учебное пособие. / Под ред. проф. Т.Н. Радько. М., 2004. С. 38-67 и др.

гарантию реализации данного права – светскость российской государственности. Эта гарантия содержится в части 1 статьи 14 Конституции: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Однако было бы неправильно полагать, что только в светском государстве может реально гарантироваться свобода религии. Как справедливо указывает М.А. Краснов: «Глубокое заблуждение полагать, будто именно отделение Церкви от государства обеспечивает свободу совести, а «не отделение» препятствует этой свободе свобода исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, может обеспечиваться государством любой системы; государство может совершенно по-разному строить свои отношения с разными религиозными объединениями при соблюдении главного условия: эти отношения не должны отразиться на равноправии граждан и на праве на религиозную свободу каждого»¹. Таким образом, мы исходим из того, что светскость как конституционно-правовая характеристика государства – важнейшая, но не единственная гарантия свободы религии. Полнота свободы религии также зависит от политического режима, развития демократии и институтов гражданского общества, уровня веротерпимости и т.д.

Несмотря на лаконичность конституционной формулировки, светскость государства как правовая категория явление не только новое в науке отечественного конституционного права, но и сложное для понимания. Как справедливо указывает И.В. Понкин, одной из существенных причин такой сложности являются цивилизационные изменения и стремительное развитие общества и государства. Набор признаков, с приемлемой точностью характеризующий содержание и особенности светскости государства в XIX – первой половине XX в., уже не может адекватно и корректно отражать

1. Краснов М.А. Государство светское или секулярное? // Нескучный сад. Журнал о православной жизни. 2011. 7 октября. Электронный доступ <http://www.nsad.ru>.

особенности светского государства в конце XX – первой половине XXI в.¹

По мнению другого ученого Р.А. Подопригоры, светский характер государства, особенно в современных условиях, определяется не столько наличием или отсутствием государственной церкви или религии, сколько влиянием последних на различные государственные и общественные институты, частную жизнь граждан. А общей тенденцией в мире является снижение такого влияния. При этом не должны вводить в заблуждение положения конституций и законодательства многих государств о привилегированном, государственном, официальном или традиционном характере отдельных религий и религиозных организаций. Такое закрепление показывает скорее дань традиции, чем реальное влияние религии и религиозных организаций на государственно-правовые институты².

Конституционный Суд РФ также признает, что относящийся к основам конституционного строя Российской Федерации принцип светского государства не может истолковываться и реализоваться без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий³.

Прежде всего, «светское государство» – это государство не церковное, мирское, противоположное государству клерикальному (религиозному). Именно так его определяют практически все толковые словари русского языка⁴. Сравнительный анализ западных конституций с Конституцией Российской Федерации показывает, что с формально-правовой точки зрения Россия является одним из самых светских государств мира.

1. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003. С. 33.

2. Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). Алматы, 2002. С. 87-88.

3. Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 15 декабря 2004 г. «По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина // Российская газета. № 3663. 2004 г. 24 декабря.

4. См., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 610.

Пожалуй, ни одна конституция в мире не содержит столь подробных положений на этот счет, как это зафиксировано в Конституции Российской Федерации. Профессор Ю.А. Нисневич в этой связи говорит даже об уникальности Конституции России среди мировых конституций¹. Однако здесь необходимо различать правовое закрепление данного принципа как некоего конституционно-правового идеала с одной стороны, и практику его реализации, которая в разных государствах имеет свои специфические проявления, с другой. Например, было бы не правомерно судить на основании данных признаков, являются ли светскими некоторые из европейских государств, в которых юридически хотя и сохранился статус государственной церкви, но фактическое положение религиозных объединений близко к равноправному. В качестве наглядного примера можно привести опыт ряда европейских государств, где церковь, хотя формально и является государственной, однако это не приводит к ущемлению прав других конфессий и по своему статусу церковь близка к статусу других религиозных объединений².

Современные ученые выделяют и анализируют различные признаки светскости государства³. Анализ теоретических и правовых источников позволяет сформулировать наиболее характерные признаки светского государства как сложносоставного явления. На наш взгляд, таковыми признаками являются следующие: нейтралитет государства во взаимоотношениях с религиозными объединениями; отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом; равенство прав и свобод граждан независимо от отношения к религии; веротерпимость.

1. Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. Монография. М.: КНОРУС, 2012. С. 43.

2. Подробнее см.: Г. Робберс (сост.) Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений) / Под ред. М. Воскресенского, А. Красикова (отв. ред.), Р. Лункина, Р. Подопригоры, Л. Симкина и И. Шалобиной. М., 2009.

3. См. например: Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. С. 33-50; Религия и светское государство. Принцип *laïcité* в мире и Евразии / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М., 2008; Конституционное право России: Учебник / Под ред. А.Е. Постникова. М., 2007. С. 74; Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М., 2004. С. 126; Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. М., 2007. С. 52 и др.

Рассмотрим данные признаки ближе.

1) Нейтралитет как основа отношения государства с верующими и религиозными объединениями характеризуется как «воздержанье, невмешательство, невступательство». Именно так трактует данный термин словарь В.И. Даля¹. Светское государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, а также не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит закону. В этом контексте можно говорить о религиозной автономности личности и духовном суверенитете религиозных объединений.

Принцип нейтральности светского государства в отношении религии и религиозных объединений, на наш взгляд, наиболее характерен для сепарационной и в меньшей степени кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений².

На необходимость соблюдения строгого нейтралитета по отношению к религиозным объединениям как важнейшем признаке светского государства указывают многие авторитетные ученые³.

Е.М. Мирошникова выделяет несколько аспектов нейтралитета государства по отношению к религиозным объединениям: нейтралитет как невмешательство; нейтралитет как неидентификация; нейтралитет как равенство в шансах; нейтралитет как отказ от привилегий⁴.

В той мере, в которой вероисповедание выходит за пределы частной жизни и затрагивает права и свободы других лиц, светское государство регулирует деятельность индивидов и их объединений, но не как собственно внутреннюю религиозную (каноническую) деятельность, а как свободу выражения убеждений

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 432.

2. Подробнее о типах (моделях) государственно-конфессиональных отношений в светском государстве см.: Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2011. С. 23-24; Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. С. 171-204.

3. См., например: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. М., 1998. С. 122.

4. Мирошникова Е.М. Конституционно-правовой механизм государственно-церковных отношений в ФРГ // Мировой опыт государственно-церковных отношений. – М., 1998. С. 83-84.

и мнений (статья 29) либо свободу объединений (статья 30). Государство не регламентирует содержание религиозных верований и богословских доктрин, порядок совершения религиозных обрядов и богослужений и т.п. Для светского государства безразлично, имеет ли деятельность в рамках осуществления названных свобод религиозное, мистическое или иное духовное содержание. Государственная защита свободы вероисповедания от вмешательства частных лиц или чрезмерного администрирования отдельных должностных лиц, это защита самой конституционной свободы, но не защита определенных вероучений как самых истинных, благодатных или политически выгодных религий.

В этой связи Европейский Суд по правам человека выработал четкую позицию, которую он продемонстрировал в делах Бессарабская Митрополистская Церковь и другие против Молдовы (пункты 118, 123), Хасан и Чауш против Болгарии (пункт 62) и Свидетели Иеговы против России (пункт 99). Суд указал, что обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений¹.

Такой же подход продемонстрировал и Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 22 декабря 2000 г. № ГКПИОО-1419, которым было отказано в удовлетворении жалобы о признании незаконным постановления ЦИК России о назначении даты дополнительных выборов (совпавшей с Днем Святой Троицы). Основанием такого решения явилось то, что в России никакая религия не может быть установлена в качестве государственной и никакие канонические правила не могут оказывать воздействие на деятельность органов государственной власти. Государство, таким образом, показало свой нейтралитет и равную удаленность от различных религий, в том числе при решении вопроса о назначении дня выборов, когда он выпадает на день религиозного праздника.

1. Бессарабская Митрополистская Церковь и другие против Молдовы (Metropolitan Church of Bessarabia and others v. Moldova), жалоба № 45701/99. Постановление ЕСПЧ от 27 марта 2002 г.; Хасан и Чауш против Болгарии (Hasan and Chaush v. Bulgaria), жалоба № 30985/96. Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2000 г.; Свидетели Иеговы г. Москвы против России (Jehovahs witnesses of Moscow v. Russia), жалоба № 302/02. Постановление ЕСПЧ от 10 июня 2010 г.

Таким образом, светское государство — это государство нейтральное по отношению к религии. Оно нейтрально до тех пор, пока религия остается в сфере частной жизни, и не затрагивает права и свободы других лиц. В частности, противоправная деятельность в светском государстве запрещена независимо от наличия или отсутствия религиозной подоплеки этой деятельности. Более того, совершение некоторых преступлений по мотиву религиозной ненависти или вражды является отягчающим обстоятельством. Аналогично должны запрещаться любые общественные объединения, цели и деятельность которых противоправны, независимо от того, имеют или не имеют они религиозный характер¹. Принцип нейтральности также не означает, что светское государство не взаимодействует с религиозными объединениями в области социального партнерства.

2) Отделение религиозных объединений от государства и равенство их перед законом. Данное конституционное требование нашло развитие в пункте 2 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Касаясь взаимоотношений государства и религиозных объединений, данная норма закона устанавливает, что государство:

- не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания;
- не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;
- не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит закону;

1. См. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий/ Отв.ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 96–97.

- обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

В свою очередь, и религиозные объединения в соответствии с конституционным принципом отделения от государства создаются и осуществляют свою деятельность независимо от государства.

По закону религиозное объединение:

- создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям;
- не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления;
- не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления;
- не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

Как видим, законодатель достаточно подробно прописал, в чем заключается смысл и содержание такого отделения. По этому поводу имеется обширная практика Европейского Суда по правам человека¹. Однако напрашивается вопрос, предполагает ли «отделение» полное отсутствие отношений между государством и религиозными объединениями? Если российское государство и религиозные объединения отделены, то почему государство выплачивает денежное содержание священнослужителям Вооруженных сил и других воинских формирований, взаимодействует с религиозными объединениями в вопросах социального служения, а в некоторых государственных Вузах сегодня преподается теология. В этом смысле термин «отделе-

1. См. подробнее: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. М., 2011. С. 95-99; Маранов Р.В. Практика Европейского Суда по правам человека по делам о свободе совести. М., 2009.

ны» не совсем удачен. С нашей точки зрения более правильно было бы говорить о *функциональной независимости государства и религиозных объединений*. Такой подход подчеркивает не только признание существования друг друга, но и взаимное уважение. На этом основании мы полагаем, что в Конституции Российской Федерации и в законодательстве необходимо говорить о функциональной обособленности двух институтов.

Что касается конституционного принципа равенства религиозных объединений перед законом, то здесь не все так однозначно. Существует точка зрения, согласно которой суть данного принципа состоит «в применении равного юридического масштаба, приложении единой правовой мерки ко всем субъектам права»¹. Применительно к конституционному принципу равенства религиозных объединений перед законом, по нашему мнению, подразумевается, прежде всего, их юридическое равенство или равные возможности как субъектов государственно-конфессиональных отношений.

По мнению некоторых исследователей, равенство перед законом можно истолковать в довольно узком смысле. Вот как пишет об этом И.А. Куницын: «Следует обратить внимание, что, вопреки устоявшемуся мнению, речь здесь идет не о равноправии религиозных объединений, а о равенстве перед законом. Разница между ними весьма существенна. Равноправие – наделение законом того или иного субъекта равным объемом прав по сравнению с другими. Равенство перед законом означает, что деятельность всех религиозных объединений, независимо от их конфессиональной принадлежности, должна осуществляться на основании и в соответствии с законодательными актами Российской Федерации»².

Приведем также точку зрения на этот счет И.В. Понкина: «Принцип равенства религиозных объединений перед законом отнюдь не диктует построения отношений государства с ними как с равнозначимыми. Собственно, этот принцип предполагает

1. Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 22.

2. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России. М., 2000. С. 128–129.

равенство основных прав религиозных объединений (свобода вероисповедания, отправление культа, распространение вероучения и т. д.), а также равенство их как субъектов права. В то же время, при равенстве основных прав, государство и общество могут оказывать религиозным объединениям поддержку или не оказывать таковой на избирательной основе, учитывая количество последователей религиозного объединения, его традиционность, гражданскую позицию его последователей и лидеров, включенность в общественно полезную деятельность, наличие или отсутствие фактов противозаконной деятельности последователей и лидеров, доказанной в суде и обусловленной их религиозными взглядами, тенденций к экстремизму»¹.

Иными словами данные авторы теоретически обосновывают то, что некоторые крупные религии должны иметь преференции. Практика идет именно по такому пути. Например, допуск священнослужителей в Вооруженные силы, школы и тюрьмы, наглядно показывает, что государство подходит к решению этих вопросов избирательно с точки зрения социальной значимости той или иной религии. В самом деле, по уровню влияния, авторитету, социальной значимости и количества последователей, нельзя, например, сравнивать Русскую православную церковь и религиозные организации Веры Бахаи или Свидетелей Иеговы. В этой связи, как нам представляется, назрел вопрос о некой дифференциации религиозных объединений.

В настоящее время юридические лица согласно российскому законодательству делятся на коммерческие и некоммерческие организации. Возможно, стоит обратить внимание на европейский опыт разделения религиозных организаций на субъекты публичного и частного права (как, например, это делается в Германии или Чехии). Субъекты публичного права имеют определенные преференции во взаимоотношениях с государством. Им обеспечены преимущества по реализации социальных проектов, их допускают в воинские части, в тюрьмы, лечебные и иные социальные учреждения, они имеют право на участие в образовательном процессе. Такое право от государ-

1. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. С. 129.

ства могут получить лишь священнослужители самых крупных и укорененных религиозных объединений. Такой статус, на наш взгляд, могли бы получить, по крайней мере, представители десяти крупнейших конфессий, представители которых входят в Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и участвуют в заседаниях Комиссии по религиозным объединениям при Правительстве России. В этот состав входят православные, старообрядцы, католики, пятидесятники, адвентисты, лютеране, евангельские христиане-баптисты, иудеи, мусульмане, буддисты. Православная церковь здесь является первой среди равных, *primus inter pares*. Дополнительным аргументом в пользу такого предложения является то, что *de facto* в России такое разделение религиозных объединений уже существует на практике. Поэтому приоритетное внимание со стороны государственных органов к сотрудничеству в социальной сфере с наиболее распространенными и исторически укорененными в России конфессиями нельзя однозначно признать противоправным или носящим черты, так называемой позитивной дискриминации.

Возможен и иной подход, который мы рассматривали в параграфе 1.2, где речь шла о допустимости дифференциации религиозных объединений в зависимости от их традиционности на определенной территории России. Безусловно, делать это должно максимально деликатно, без дискриминации и ущемления основных прав религиозных меньшинств.

Сегодня практически только Русская православная церковь может беспрепятственно и в полном объеме реализовать свои права, например в воинских частях и в местах лишения свободы. Остальные религиозные организации испытывают немалые трудности. Такая ситуация порождает недоверие со стороны верующих к правоохранительным органам и органам исполнительной власти, которые являются проводниками подобной политики либо попустительствуют ее нарушениям.

3) Равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии. Данный принцип закреплен в статье 19 Конституции Российской Федерации. На наш взгляд

содержание данного принципа сводится к следующим положениям: а) равенство перед законом, включая равную ответственность за его нарушение; б) равное обращение со стороны публичных властей; в) равные возможности реализации права каждого на исповедание веры; г) запрет дискриминации в политической, социальной или экономической жизни по признаку отношения к религии. Забвение данных аспектов свободы вероисповедания делает призрачным саму идею данной свободы как правового института.

С учетом приоритета прав человека, которые означают, в частности, всеобщее формальное равенство, равенство граждан перед законом следует понимать как их равноправие. Закон не должен устанавливать привилегии для граждан по признаку их отношения к религии. Светское государство не делает различий между религиозным и нерелигиозным мировоззрением граждан. Это сфера частной жизни гражданина¹. Верующие граждане не пользуются никакими преимуществами по сравнению со свободомыслящими и неверующими гражданами и не могут быть подвергнуты никаким ограничениям по сравнению с другими. Поэтому дискриминация граждан по религиозному признаку является уголовно-наказуемым деянием и карается в соответствии со статьей 136 Уголовного кодекса РФ.

В контексте сказанного заслуживает особого внимания принципы государственной службы: равного доступа к государственной службе граждан независимо от их религиозной принадлежности; профессиональной нейтральности, исключающей возможность влияния на профессиональную деятельность религиозных объединений; запрет на использование должностных полномочий в интересах религиозных объединений. Данные принципы закреплены в статьях 4, 17 и 18 Федерального закона от 27 июля 2004 года №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». К сожалению, на практике они нередко нарушаются – в государственных учреждениях и светских учебных заведениях совершаются кол-

1. Согласно мнению ученых частная жизнь охватывает, в том числе духовную и религиозную сферу жизнедеятельности человека. Подробнее см.: Замошкин Ю.А. Частная жизнь, частный интерес, частная собственность // Вопросы философии, 1991. № 1. С. 4-5, 10-11.

лективные молебны и освящения, строятся комнаты молитвы для представителей одной конфессии и т.п. В этой связи было бы целесообразным в Кодексе поведения государственного служащего, утвержденного Указом Президента Российской Федерации, выделить специальный раздел, посвященный данному вопросу.

4) Особого внимания среди гарантий свободы вероисповедания заслуживает понятие *веротерпимости (толерантности)*, идеи которой содержатся в общепризнанных принципах и нормах международного права.

Ранее мы говорили о веротерпимости как принципе в научных изысканиях. Однако значение и масштабы реализации данного принципа значительно шире. Россия обладает уникальным по многообразию национальным и конфессиональным составом. Среди многонационального народа Российской Федерации имеются последователи всех мировых религий. На ее территории проживает свыше 160 наций и народностей, действует более 60 конфессий. Поэтому религиозная толерантность является основой социальной стабильности и национальной безопасности страны.

Нормы веротерпимости, хотя косвенно и без упоминания этого слова, зафиксированы в статьях 19 и 29 Конституции Российской Федерации, которые содержат запрет на любые формы ограничения прав граждан по признаку религиозной принадлежности, а также не допускают пропаганду или агитацию, возбуждающую религиозную ненависть и вражду и запрещают пропаганду религиозного превосходства.

Преамбула Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» также гласит: «Федеральное Собрание Российской Федерации, ... считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон».

Однако современное понимание веротерпимости не сводится только к терпимости к инаковерующим и неверующим, поскольку такой узкий подход плохо согласуется с реалиями

жизни и необходимостью решения проблем по кардинальному искоренению религиозной ксенофобии и дискриминации в нашем обществе. Это более емкое понятие, которое имеет в своей основе уважение к достоинству личности, к ее праву на религиозное самоопределение и религиозную идентичность. Это также открытость для диалога различных религий, их мирное сосуществование в рамках единого государственного и общественного порядка.

Антонимом веротерпимости является нетерпимость, которая основана на непризнании за другими людьми возможности иметь собственные мировоззренческие мнения, взгляды, убеждения, отличные от собственных. Лица, проявляющие религиозную нетерпимость, фактически отказывают другим в способности разумно мыслить и действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями, они, по сути, отрицают свободу вероисповедания для других.

Практика реализации требования веротерпимости в государственно-общественной сфере весьма многообразна. Например, в соответствии с требованиями статей 17, 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в ходе прохождения гражданской службы служащему предписывается не оказывать предпочтение каким-либо религиозным объединениям и соблюдать нейтральность, учитывать особенности различных конфессий и способствовать межконфессиональному согласию. Весьма похожие положения к поведению сотрудников органов внутренних дел содержатся в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹. Согласно статье 7 данного закона беспристрастность во взаимоотношениях с верующими и религиозными объединениями относится к одному из важных принципов деятельности сотрудников полиции.

Особое значение веротерпимости приобретает в области государственного и общественного воспитания, способствуя компромиссу между религиозным воспитательным правом родителей, задачами государства в деле воспитания, и пра-

1. СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

вом религиозных организаций на определенное влияние в воспитании школьников — соответственно своим убеждениям и общественными интересами. Принцип веротерпимости означает, что преподаватель обязан соблюдать строгую религиозную терпимость по отношению к обучающимся. Отдых в религиозные дни или замена одной гражданской обязанности на другую по религиозным мотивам, принимается лицами, исповедующими другую веру как уважение требования веротерпимости.

В основу понимания данной модели общения положено признание Декларации принципов толерантности, принятой на 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами, в том числе и Россией. Данная Декларация определяет толерантность как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это свобода в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира»¹.

Веротерпимость имеет не только конституционно-правовые, но и религиозные основания. Православный ученый и публицист игумен Вениамин (Новик) сформулировал следующие основания религиозной толерантности:

«1. Равенство всех людей в их достоинстве и свободе, как сотворенных по образу и подобию Бога.... Каждый имеет право на свое мнение, т.е. на непохожесть на других. Никто, кроме Бога, не обладает монополией на истину и правом на особую близость к ней.

2. В библейской традиции утверждается, что человек поврежден первородным грехом. Совокупности людей, коллективы, правящие структуры, государство также не гарантированы

1. Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика. С. 345.

от ошибок. Никто не должен обладать монополией на истину. Памятование человека об этом учит человека скромности.

3. Существуют общеобязательные нормы поведения, зафиксированные в мировых религиях (не убивай, не воруй, не вреди и др.), нарушение которых не подлежит включению в сферу толерантности. Не случайно многие заповеди носят отрицательный (запретительный) характер. Нельзя требовать любви, но можно потребовать недопущения практического выражения ненависти»¹.

Сказанное не означает, что веротерпимость является синонимом беспринципности и равнодушия к истине.

Несмотря на то, что требование толерантности все более декларируется как один из принципов международного и российского конституционного права, религиозная нетерпимость и дискриминация по признаку отношения к религии сохраняются во многих российских регионах. В этой связи важнейшей задачей настоящего периода является выработка конкретных правовых и социальных механизмов, направленных на развитие и утверждение в обществе норм толерантности. В частности, было бы целесообразно в действующем законодательстве вернуться к формулировке, содержащейся в Законе СССР от 10 октября 1990 года «О свободе совести и религиозных организациях». Статья 5 данного Закона, в частности, гласила: «Государство способствует установлению отношений взаимной терпимости и уважения между гражданами, исповедующими религию и не исповедующими ее, между религиозными организациями различных вероисповеданий, а также между их последователями». Подобная формулировка могла бы усилить и Конституцию Российской Федерации.

В конституциях многих государств мира принцип веротерпимости также рассматривается как важная гарантия соблюдения прав и свобод человека, как принцип межконфессионального мира и согласия. Например, статья 31 Конституции Республики Молдова гласит: «Свобода совести гарантируется. Она должна проявляться в духе терпимости и взаимного уважения. ... В от-

1. Вениамин (Новик). Духовный смысл толерантности // Религия и право, 2003. № 4. С.12.

ношениях между религиозными культурами запрещаются любые проявления вражды»¹.

В качестве дополнительного аргумента можно привести Основной Закон ФРГ, который исключил возможность гарантии толерантности лишь только в смысле обычной «терпимости» определенного вероисповедания и мировоззрения, имевшее место в раннем немецком федеральном праве. Теперь к важнейшим конституционным принципам ФРГ принадлежит толерантность как уважение религиозных убеждений, отличных от религиозных убеждений других. Федеральный Конституционный суд Германии постановил, что «свобода вероисповедания подчинена требованию толерантности» и в связи с этим требование толерантности образует ограничения для выражения религиозной свободы².

Наличие такого обязывающего требования в российском законодательстве могло бы способствовать выработке последовательной государственной политики в области формирования толерантности в российском светском государстве.

Таким образом, мы приходим к выводу, что светскость государства является на сегодняшний день важнейшей конституционно-правовой гарантией свободы вероисповедания. Дальнейшее теоретическое и законодательное развитие качественных характеристик данного конституционного принципа является важнейшей задачей науки конституционного права в данной области общественных отношений на ближайшие годы.

1. Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2 / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Изд. НОРМА, 2001. С. 553.
2. Kirche und Staat in der neueren Entwicklung. Hrsg. Von Paul Mikat. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchverlagsgesellschaft, 1980. S.376.

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТОВ В СФЕРЕ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Практика реализации конституционных положений, закрепляющих качественные характеристики правовой системы России, вскрывает такие проблемы, как бессистемность в принятии нормативных правовых актов, их неполнота, противоречивость и дублирование актами субъектов Российской Федерации действующих федеральных норм. В этой связи актуализируется требование единого правового пространства, которое охватывает конституционно-правовые характеристики правовой системы Российской Федерации как единой системы федерального права, которой соответствует единая система федеративного законодательства¹.

Обеспеченность и защищенность прав и свобод человека возможны только в рамках сильного государства с развитой правовой системой. Речь идет о таком государстве, которое как особая политическая организация способно решать крупные экономические и социальные проблемы универсального характера, охватывать единой системой регулирования и управления все элементы общества, придавать им согласованный вид².

Требование единого правового пространства вытекает из системного анализа конституционных установлений, закрепленных в части 2 статьи 4, части 1 статьи 15, части 2 статьи 76 Кон-

1. Подробнее см.: Барциц И.Н. Конституционно-правовое пространство России: формирование и динамика. М.: Изд-во РАГС, 2001; Пирбудагова Д.Ш. Единое правовое пространство и проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С. 5 и др.

2. Мальцев Г.В. Социальные основы права. М., 2007. С. 496.

ституции Российской Федерации. К предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации пунктами «б» и «е» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации отнесены «защита прав и свобод человека и гражданина» и «общие вопросы воспитания, образования, ... культуры». Данный вывод не отрицает двух уровней в системе законодательства, которые закреплены в статьях 71, 72 Конституции Российской Федерации и определяют предметы ведения Федерации и ее субъектов. Регулирование прав и свобод человека и гражданина является исключительной прерогативой федеральной власти, а их защита находится в совместном ведении. Следовательно, субъекты Российской Федерации своими законами и другими нормативными актами не вправе сужать и ограничивать свободу вероисповедания и деятельность религиозных объединений, установленную Конституцией РФ и федеральным законодательством.

В целом, анализ законодательства субъектов Федерации в исследуемой области общественных отношений показывает, что осуществлявшийся в рамках конституционных реформ процесс разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации практически не затронул область религиозных отношений и защиты свободы религии, имеющей также культурное и образовательно-воспитательное измерение.

В то же время на практике имеются случаи, когда в отдельных субъектах Федерации принимаются нормативно-правовые акты, направленные на регулирование свободы совести и вероисповедания и деятельности религиозных объединений, которые по своему содержанию противоречат требованиям федерального законодательства. Подобного рода законотворчество, хотя оно подчас и вызвано пробелами в федеральном законодательстве, с формальной точки зрения является нарушением конституционного разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами. Конституция Российской Федерации предоставляет субъектам Федерации иную возможность — выступать с законодательной инициати-

вой, дабы инициировать процесс принятия необходимого нормативно-правового акта на федеральном уровне.

Что касается содержания Конституций (Уставов) субъектов Федерации, то в них, как правило, вопросы свободы вероисповедания не упоминаются, а если упоминаются, то почти всегда дословно воспроизводится статья 28 Конституции Российской Федерации.

Сложнее дело обстоит с профильным законодательством. В настоящее время более чем в пятнадцати субъектах Российской Федерации действуют собственные законы и иные нормативные правовые акты по вопросам реализации свободы вероисповедания и регулирования государственно-конфессиональных отношений. Ранее таких законов было значительно больше. По сведениям Министерства юстиции РФ они были приняты в 33 субъектах Федерации¹. Всплеск активности регионального правотворчества приходится на начало второй половины 90-х годов прошлого столетия. Однако после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» многие из этих региональных законов как несоответствующие требованиям Конституции Российской Федерации и федерального законодательства были отменены.

Наиболее типичные недостатки принятых региональных актов и допускаемые при этом нарушения федерального законодательства сводятся к следующим:

- отступление от принципа верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов;
- ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- нарушение конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии и равенства религиозных объединений перед законом;
- нарушение в области разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами;

¹. Атлас современной религиозной жизни России. Под ре. М. Бурдо, С. Филатова. Т. 1-3. Кестонский институт. М.; СПб.: Летний сад. 2005-2009.

- ограничение прав иностранных граждан на территории конкретных субъектов Федерации, тогда как права иностранных граждан могут быть ограничены только федеральным законом или международным договором Российской Федерации;
- введение дефиниций и понятий, не поддающихся четкой правовой регламентации и имеющих оценочный либо явно дискриминационный характер.

Специалисты выделяют, как правило, две главных причины всплеска регионального правотворчества и несовершенства принимаемых в субъектах Федерации правовых актов.

Первая порождается недостатками федерального законодательства, что проявляется как в отсутствии норм, регулирующих отдельные правоотношения в сфере религиозных прав и свобод, так и в том, что отдельные правовые акты устарели и не отвечают реалиям сегодняшнего дня. В частности, принимая законы, упорядочивающие миссионерскую деятельность иностранных религиозных организаций в своих регионах, соответствующие субъекты Федерации стремились восполнить существующий правовой вакуум и пробелы федерального законодательства по этим вопросам.

Вторая причина — в недостаточной правовой и религиозно-правовой квалификации специалистов, занимающихся правотворческой деятельностью в данной сфере общественных отношений¹.

Начало практики отмены региональных законов положило решение Верховного Суда Удмуртской Республики от 5 марта 1997 г. о признании недействительным и не подлежащим применению регионального закона «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики»². С исковыми требованиями в суд обратились верующие граждане Церкви евангельских христиан. Согласно данному закону, например, любой российский гражданин, прибывающий в Удмуртию,

1. Подробнее см.: Кудрявцев А.И. Конституционно-правовые основы отношений государства и религиозных объединений / Вероисповедная политика российского государства. Учебное пособие. М., РАГС. 2003. С. 76-91.

2. Известия Удмуртской Республики. № 126-127, 17 августа 1996 г.

при желании посетить религиозную организацию, обязан был пройти процедуру аккредитации «в паспортно-визовых подразделениях внутренних дел» (статья 12), а также «собеседование» (статья 9). Для несовершеннолетних при посещении богослужения требовалось «письменное согласие их родителей» (статья 15).

Любопытным является и закон Республики Тува от 16 марта 1995 г. «О свободе совести и религиозных организациях»¹, который определяет в качестве традиционных конфессий шаманизм, буддизм и православие и запрещал создание и деятельность религиозных организаций «которые выступают против национальных традиций и морали общества». Данный закон в последующем претерпел серьезные изменения. Хотя, на наш взгляд, положения закона в части защиты традиционных религий для конкретного региона скорее можно отнести к положительным, нежели отрицательным моментам.

Весьма спорные положения содержались в законе Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»². Согласно статье 4 данного закона для осуществления благотворительной деятельности религиозная организация обязана была получить специальное разрешение министерства юстиции республики, оплатив предварительно пошлину в размере ста минимальных окладов труда. При этом разрешение выдавалось только на один год. С точки зрения здравого смысла трудно дать объяснение таким положениям закона. Скорее законодатель в данном случае руководствовался некими сиюминутными соображениями экономической выгоды, а вопросы прав и свобод верующих оказались на втором плане.

Спорные положения содержались и в уже упомянутом ранее Законе Рязанской области «О регулировании миссионерской (религиозной) деятельности иностранных организаций на территории Рязанской области»³. Смелая попытка регионального

1. Тувинская правда, 23 мая 1995 г.

2. Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия. 1998. № 21.

3. Приокская правда. № 272. 28 ноября 1996 г.

законодателя раскрыть понятия «религиозная секта», «проповедник», «миссионер» с научной точки зрения оказалась не совсем удачной. Закон не только не урегулировал актуальные проблемы государственно-конфессиональных отношений, но и породил новые, связанные с серьезными ограничениями конституционного права на свободу вероисповедания. Как следствие, не просуществовав и двух лет, 2 сентября 1998 г. закон был отменен. В свете сказанного следует согласиться с утверждением, что «единство правовой системы Российской Федерации не в последнюю очередь обеспечивается единством терминологии, языка законотворчества, едиными стандартами оформления законов»¹.

Перечень подобных законодательных инициатив субъектов Федерации можно было бы продолжить. Однако, как уже было отмечено, многие законы субъектов Федерации в исследуемой области общественных отношений сегодня отменены либо в них были внесены поправки и изменения. Вместе с тем, в некоторых субъектах Федерации продолжают действовать законы, содержание которых вызывает серьезные вопросы. К примеру, статья 2 Закона Республики Дагестан от 22 сентября 1999 г. № 10 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»² устанавливает разрешительный порядок получения религиозного образования за пределами Республики Дагестан и Российской Федерации. При этом разрешение выдается органом управления республиканской религиозной организации, согласованное с государственным органом по делам религий Республики Дагестан. Получается, что данный закон серьезным образом ограничивает конституционное право каждого на выбор образования.

В последние два года в более пятнадцати субъектах Российской Федерации приняты нормативные акты об административной ответственности за распространение религиозных

1. Исаков В.Б. Проблемы обеспечения единства законодательства в Российской Федерации // Законодательство. 1997. № 4. С. 58.

2. Собрание законодательства Республики Дагестан. 2007. № 3, Ст. 141.

убеждений, содержание которых также не может не вызывать озабоченности, поскольку данные положения находятся в противоречии с Конституцией Российской Федерации и ущемляют права религиозных организаций и верующих.

К таким регионам относятся Амурская, Белгородская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Костромская, Орловская, Омская, Рязанская, Смоленская, Томская, Ульяновская области, Красноярский и Хабаровский край, Республики Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика.

Так, согласно статье 1.2 Закона Красноярского края от 2 октября 2008 г. № 7-2161 (ред. от 29 января 2009 г.) «Об административных правонарушениях»¹ приставание к гражданам в общественных местах, выразившееся в навязчивых действиях в целях гадания, попрошайничества, религиозной агитации, оказания услуг сексуального характера, — влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от ста до одной тысячи рублей. В одном ряду с оказанием услуг сексуального характера (либо с проституцией, как, например, в законодательстве Томской области) названа «религиозная агитация», что само по себе способно оскорбить чувства верующих. Более того, в российском законодательстве отсутствует такое понятие, как «религиозная агитация», по сути, означающее не что иное, как распространение религиозных убеждений. В то же время, такие действия не просто разрешены действующим законодательством, но и прямо гарантированы статьей 28 Конституции Российской Федерации, а также многочисленными международно-правовыми документами в качестве одного из фундаментальных прав и свобод человека и гражданина.

Законом Республики Башкортостан от 4 апреля 2004 г. № 84-Э (ред. от 24 ноября 2008 г.) «Об административных правонарушениях»² предусмотрена ответственность за назойливое обращение к гражданам на улицах и в иных общественных

1. Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. № 54. 27 октября 2008 г.

2. Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. № 12 (186). 2004. Ст. 680.

местах с целью гадания, попрошайничества или навязывания религиозных убеждений (статья 43.2). Закон Кабардино-Балкарской Республики от 22 июля 2003 г. № 66-РЗ (ред. от 12 января 2009 г.) «Об административных правонарушениях»¹ преследует за приставание к гражданам с целью гадания, попрошайничества, вовлечение в религиозное вероучение (статья 4.4).

Таким образом, законами субъектов Российской Федерации признаются административно-наказуемыми действия, направленные на реализацию конституционного права. В соответствии же со статьей 55 Конституции Российской Федерации права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Приведенные нормы регионального законодательства не отвечают ни одному из названных критериев.

Как представляется, целью введения указанных положений является попытка необоснованно ограничить миссионерскую деятельность представителей религиозных организаций. В связи с этим уместно напомнить, что в решении Европейского суда по правам человека по делу Коккинакиса против Греции (1993 г.) применительно к миссионерской деятельности указывается, что евангельская проповедь является ответственной миссией и обязанностью для каждого христианина и для каждой церкви. Без свободного распространения религиозных убеждений, без права обучать своей религии соседа, без права менять религию или убеждения, предусмотренные Европейской конвенцией религиозные права, осталось бы пустыми словами².

Обращение к гражданам с какими-либо разговорами само по себе не нарушает общественного порядка, тогда как термин

1. Кабардино-Балкарская Правда. № 173-176. 25 июля 2003 г.

2. Подробнее см.: Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов. С. 562-571.

«приставание» допускает самое широкое толкование и не несет в себе конкретного юридического содержания.

Даже при наличии общественной озабоченности в связи с возможными злоупотреблениями со стороны представителей отдельных религиозных объединений, введение соответствующей нормы является излишним. Если действия по распространению религиозных убеждений каким-либо образом связаны с нарушением общественного порядка, то ответственность виновных лиц может наступить по имеющимся нормам действующего законодательства и не требует внесения в него изменений.

Очевидно понимая, что названные нормы в сфере административной ответственности не отвечают требованиям Конституции Российской Федерации, в регионах началась процедура по внесению изменений в региональное законодательство с целью его надлежащего упорядочивания. Так, например, по сообщению Пресс-службы Президента Кабардино-Балкарской республики Правительство Кабардино-Балкарской республики в сентябре 2011 г. одобрило законопроект, предусматривающий внесение изменений в статью 4.4 Кодекса Кабардино-Балкарской Республики об административных правонарушениях.

Как пояснил министр по делам молодежи и работе с общественными объединениями Кабардино-Балкарской республики, содержание статьи 4.4 Кодекса Кабардино-Балкарской Республики об административных правонарушениях в части «приставание к гражданам с целью вовлечения в религиозное вероучение» прямо противоречит статье 28 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет за человеком и гражданином «право иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Причем, распространение религии и религиозных убеждений является основной целью любой законно действующей в Российской Федерации религиозной организации, и решениями Европейского Суда по правам человека такая форма религиозной деятельности признана законной.

Серьезную дискуссию в обществе вызвал вопрос об установлении дней религиозных праздников в шести субъектах Феде-

рации. Речь, в частности, идет о праздничных днях для мусульман, которые законодательно установлены в северокавказских республиках, а также в Башкортостане и Татарстане еще в начале 1990-х годов.

Так, Законом Республики Башкортостан от 27 февраля 1992 г. № ВС-10/21 «О праздничных и памятных днях в Республике Башкортостан» установлены религиозные праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. Даты их проведения в соответствии с лунным календарем ежегодно объявляются Правительством Республики Башкортостан не позднее, чем за три месяца до их наступления. При совпадении выходного и указанных праздничных дней, выходной день переносится на следующий после праздничного рабочий день. Данная практика не вызывала возражений вплоть до лета 2011 г., поскольку с точки зрения гарантированности свободы вероисповедания данный шаг вполне последователен и оправдан. Достаточно напомнить, что на федеральном уровне нерабочим праздничным днем объявлено 7 января — Рождество Христово (статья 112 Трудового кодекса РФ).

Закон Республики Башкортостан возник не сам по себе, а в силу пункта 7 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», который наделяет органы государственной власти в Российской Федерации правом объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях. То есть, Закон является планомерной реализацией трудовых прав граждан и одновременно обеспечивает права граждан на отправление ими их религиозных убеждений и мировоззрений.

Вместе с тем, в Верховный суд Республики Башкортостан обратился гражданин Д. с заявлением о признании недействующими требований данного Закона, ссылаясь на противоречие Конституции Российской Федерации, Конституции Республики Башкортостан, Трудовому кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «О свободе совести и религиозных объединениях».

Д. полагал, что оспариваемое им правовое регулирование установлено законодательным органом государственной вла-

сти Республики Башкортостан с превышением полномочий, предоставленных субъектам Российской Федерации федеральным законодательством, допускает дискриминацию прав граждан в сфере трудовых отношений, не относящихся к исламскому религиозному объединению.

Определением Верховного суда Республики Башкортостан от 27 июня 2011 г. производство по делу в части признания оспариваемых норм не соответствующими Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Башкортостан прекращено. Решением Верховного суда Республики Башкортостан от 27 июня 2011 г. гражданину Д. отказано в удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе в Верховный Суд РФ Д. просил решение отменить, как вынесенное с нарушением норм материального и процессуального права.

Проверив материалы дела Судебная коллегия по административным делам Верховного суда РФ, своим решением от 31 августа 2011 г. № 49-11-57 отменила решение Верховного суда Республики Башкортостан. Суд посчитал, что объявление нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации праздничных дней нерабочими означает не что иное, как превышение субъектом Российской Федерации нормотворческой компетенции. И лишь после того, как данное дело получило широкую огласку в средствах массовой информации, Верховный Суд Российской Федерации признал за субъектами Федерации право объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями с учетом национальных, исторических, религиозных особенностей и традиций субъекта Российской Федерации.

Таким образом, сказанное подводит нас к следующим выводам:

- а) процесс регионализации законодательства Российской Федерации о религии за последние 20 лет во многом носил спорадический и казуистический характер, был лишен необходимой системности и ощутимой практической пользы. Принимая законы в области свободы

вероисповедания, упорядочения миссионерской деятельности и деятельности религиозных объединений, субъекты Федерации, как правило, выходили за пределы нормотворческой компетенции, определяемой Конституцией Российской Федерации.

- б) на фоне некоторой амбивалентности в виде перекосов в «свободе регионов», выразившихся в принятии на региональном уровне некоторых законодательных положений, объективно противоречивших статьям 71 и 28 Конституции Российской Федерации и незаконно воспрепятствовавших реализации свободы религии, хотя при этом и не достигавших заявленных целей борьбы с маргинальными религиозными группами, вместе с тем, опыт субъектов Российской Федерации в принятии собственных законов о религии в ряде случаев носил позитивный характер. Однако политика государства, направленная на борьбу с любыми выходами в региональном законодательстве за рамки Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (невзирая на наличие или отсутствие в этих «выходах за рамки» противоречий Конституции Российской Федерации), фактически привела к рестрикции региональной законодательной активности и инициативы в исследуемой сфере;
- в) в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» отсутствуют комплексы норм, определяющие разграничение компетенции между Российской Федерации, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления в области религиозных отношений, а также комплексы норм, определяющих исключительную компетенцию Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.
- г) внесение не всегда удачных изменений в Кодексы об административных правонарушениях является попыткой субъектов Федерации направить религиозную

деятельность главным образом новых религиозных движений в правовое русло и оградить граждан от прозелитизма и навязчивой миссионерской экспансии.

В целом такие тенденции в правовом регулировании свидетельствуют об отставании федерального законодательства о религии от реальных общественных потребностей, что в свою очередь препятствует формированию в России единого правового пространства.

Именно федеральный закон должен стать в первую очередь гарантом свободы вероисповедания для каждого человека, в каком бы из субъектов Федерации он ни находился.

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПОРЯДКА ПРОХОЖДЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

В современной России право на альтернативную гражданскую службу (далее АГС) гарантировано частью 3 статьи 59 Конституции Российской Федерации 1993 года¹. Данная статья звучит следующим образом: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой».

Еще ранее, это право было провозглашено в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Постановлением Верховного Совета РСФСР 22 ноября 1991 г. № 1920-1. Статья 15 Декларации гласила: «Каждый гражданин РСФСР, убеждениям которого противоречит несение военной службы, имеет право на ее замену выполнением альтернативных гражданских обязанностей в порядке, установленном законом»².

Однако до принятия Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» было еще долгих 12 лет. Вступил же в силу названный Федеральный закон еще позже – 1 января 2004 года³.

Поскольку Конституция Российской Федерации согласно части 1 статьи 15 имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории России, а законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции,

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. № 237. 25.12.1993 г.

2. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

3. СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3030.

то сложилась правовая коллизия. Конституция Российской Федерации право на замену военной службы альтернативной гражданской службой гарантировала, а механизма реализации этого конституционного права не было еще долгие годы. В сложившейся ситуации, призывники, чьи религиозные и пацифистские убеждения не позволяли брать в руки оружие, обращались за защитой своего конституционного права на АГС в суды общей юрисдикции и последние выносили решения в их пользу. Таким образом, определенная часть призывников была вообще выведена из под юрисдикции законов в части обязанности прохождения военной либо альтернативной гражданской службы. Автору этих строк доводилось неоднократно выступать в судах в разных регионах России на стороне призывников, и суды почти всегда выносили решения в их пользу со ссылкой на прямое действие Конституции Российской Федерации. К этому обязывало и Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Например, только одним решением Центрального районного суда г. Тулы от 28 мая 1997 г. суд освободил от военной службы шестнадцать призывников — студентов Духовной академии Церкви адвентистов седьмого дня, обязав военный комиссариат Тульской области не чинить препятствий в реализации их конституционного права на альтернативную службу¹.

Таким образом, противники АГС, каковых было немало среди депутатов Государственной Думы и лоббистов Министерства обороны, сами того не желая, своими действиями направленными против принятия закона, сослужили медвежью услугу. Огромное количество призывников в ожидании закона об АГС не прошли ни военную, ни альтернативную гражданскую службу. При этом значительная часть призывников не имели ни религиозных, ни пацифистских убеждений, а просто восполь-

1. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский. М.: Юриспруденция, 2001. С. 360-364.

зовались ситуацией, связанной с юридической неразберихой и неопределенностью. А ведь АГС предполагает выполнение определенных обязанностей в интересах общества и государства, по своему статусу является особым видом государственной службы и, смеем высказать суждение, такая же важная и почетная миссия, как и военная служба.

Главным аргументом противников АГС было то, что введение данного института существенно снизит количество призывников на военную службу, которые воспользуются предоставленным правом выбора. Однако, как и предполагалось этого не произошло.

Например, в России по итогам 2011 г. на прохождение альтернативной гражданской службы были направлены всего 538 человек. А по состоянию на 1 ноября 2011 г. АГС проходили 1 тыс. 102 человека, из них 417 человек в федеральных органах исполнительной власти, 685 человек — в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Всего с момента вступления в силу Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» в январе 2004 г. на прохождение АГС были направлены 2 тыс. 910 человек¹.

Как видим, число лиц направляемых на альтернативную службу абсолютно не критично и составляет всего доли процента от общего числа ежегодно призываемых на военную службу. Для сравнения, как мы уже отмечали, в ФРГ таковых 35 процентов.

Итак, согласно статье 1 названного Федерального закона, альтернативная гражданская служба — особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву. Порядок направления на АГС и ее прохождения регламентированы названным Федеральным законом № 113-ФЗ, а также Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2004 г. № 256 (в ред. Постановления от 17.02.2007 № 96), утвердившего «Положение о порядке прохождения альтернативной гражданской службы».

1. Более подробную информацию см. на сайте: sclj.ru от 22 декабря 2011 г.

На альтернативную гражданскую службу направляются граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, которые не пребывают в запасе, имеют право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, лично подали заявление в военный комиссариат о желании заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой и в отношении которых призывной комиссией принято соответствующее решение.

Уклонение от призыва на альтернативную гражданскую службу образует состав уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного частью 2 статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Место прохождения альтернативной гражданской службы

В соответствии со статьей 4 указанного закона граждане проходят АГС службу индивидуально, а также в составе групп или формирований:

- в организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти;
- в организациях, подведомственных органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации;
- в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в качестве гражданского персонала.

Граждане проходят АГС, как правило, за пределами территорий субъектов Российской Федерации, в которых они постоянно проживают.

При невозможности направления граждан для прохождения АГС за пределы территорий субъектов Российской Федерации, в которых они постоянно проживают, граждане в соответствии с решением специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти могут быть направлены для прохождения альтернативной гражданской службы в организации, находящиеся на территориях субъектов Российской Федерации, в которых они постоянно про-

живают.

Граждане, относящиеся к коренным малочисленным народам, направляются для прохождения АГС в организации традиционных отраслей хозяйствования и традиционных промыслов.

Перечни видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие АГС, а также организаций, где предусмотрено прохождение АГС, в настоящее время определяются приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15 февраля 2010 г. № 84н. По сведениям названного министерства в 2011 г. в перечень вошли 695 организаций, которые предоставляли вакансии по 125 профессиям и специализациям. При этом более 60% служащих «альтернативно» работают в организациях социальной сферы (больницы, дома престарелых, дома инвалидов и образовательные организации).

При определении вида работы, профессии, должности, на которых может быть занят гражданин, направляемый на АГС, и места прохождения АГС учитываются образование, специальность, квалификация, опыт предыдущей работы, состояние здоровья, семейное положение гражданина, а также потребность организаций в трудовых ресурсах. Однако по данным Минсоцразвития 52% призывников на АГС вообще не имеют никакой специальности, а 15% имеют специальности, которые не востребованы работодателями. В таких случаях молодые люди направляются, как правило, на малоквалифицированные должности. В подавляющем большинстве сегодня молодые люди проходят АГС в качестве младшего медицинского персонала, почтальонов, водителей, слесарей, электромонтеров, дворников и т.д.

В некоторых странах, например, в ФРГ, практикуется оставление молодых людей для прохождения АГС при религиозных организациях, членами которых они являются. В частности, они проходят АГС в службах социальной помощи пенсионерам и инвалидам, а также в благотворительных организациях при церквях. Учитывая, что религиозные

объединения в России сегодня являются активными элементами гражданского общества, осуществляют различные социальные проекты, в том числе безвозмездного ухода за лежачими больными, реабилитации алкоголиков и наркоманов и т.п., есть смысл учесть этот опыт и использовать его в России.

В 2011г. заявления о замене военной службы по призыву на АГС подали 879 человек. Удовлетворено было около 80% заявлений. При этом среди основных причин, указываемых молодыми людьми в своих заявлениях, около 85% составляют религиозные убеждения, около 5% — принадлежность к коренным малочисленным народам, остальные указывают на свои убеждения, противоречащие несению срочной военной службы.

Гражданину, проходящему АГС, выдается соответствующее удостоверение.

Срок альтернативной гражданской службы

Срок АГС в 1,75 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву и в настоящее время составляет 21 месяц.

Срок АГС для граждан, проходящих данную службу в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в 1,5 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву и составляет 18 месяцев.

Началом АГС гражданина считается день его убытия к месту прохождения АГС, указанный в предписании военного комиссариата.

Окончанием АГС гражданина считается день прекращения работодателем срочного трудового договора с гражданином при его увольнении с АГС. При этом срочный трудовой договор с гражданином, проходящим АГС, должен быть прекращен работодателем в день истечения срока его альтернативной граж-

данской службы.

В срок альтернативной гражданской службы не засчитываются:

- прогулы (отсутствие на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня);
- время нахождения в дополнительных отпусках, предоставляемых работодателем гражданам, обучающимся в образовательных учреждениях;
- время отбывания уголовного или административного наказания в виде ареста;
- появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения (статья 5).

Организация альтернативной гражданской службы

Согласно статье 11 закона призывник должен лично подать в военный комиссариат заявление о желании заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой. Заявление подаётся: до 1 апреля – гражданином, который должен быть призван на военную службу в октябре – декабре текущего года; до 1 октября – гражданином, который должен быть призван на военную службу в апреле – июне следующего года. Это важное обстоятельство. Практика показывает, что большинство призывников в силу незнания требований закона, пропускают сроки подачи заявлений на АГС и подают их, как правило, после получения повестки о явке в военкомат. В результате по формальным основаниям многие получают отказ в предоставлении права на АГС.

Требование о подаче заявления за полгода до начала призыва, на наш взгляд, не оправдано ни с организационной, ни с юридической точки зрения. Законодатель упустил из вида то важное обстоятельство, что за полгода до призыва в жизни молодого человека могут произойти серьезные изменения духовного порядка. Он может уверовать и его религиозные убеждения не позволят ему проходить военную службу с оружием в руках. Реализация АГС показала, что такая проблема

реально существует и закон в этой части нуждается в корректировке.

Статья 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» закрепила за гражданином обязанность довести до сведения призывной комиссии, иного уполномоченного органа, а также суда доводы о наличии у него убеждений или вероисповедания, которые противоречат несению военной службы. При этом согласно Определению Конституционного суда РФ от 17 октября 2006 г. № 447–О статья 11 по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего законодательства, закрепляющая обязанность гражданина довести до сведения призывной комиссии, иного уполномоченного органа, а также суда доводы о наличии у него убеждений или вероисповедания, которые противоречат несению военной службы, не может рассматриваться как устанавливающая такие сроки обращения гражданина с заявлением о замене военной службы по призыву АГС, которые в случае их пропуска по уважительным причинам не могли бы быть восстановлены судом или иным уполномоченным органом.

В соответствии со статьей 12 рассматриваемого закона гражданину может быть отказано в замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случаях, если:

- он нарушил срок и (или) порядок подачи заявления о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой;
- характеризующие его документы и другие данные не соответствуют доводам гражданина о том, что несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию;
- в заявлении гражданина о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой и прилагаемых к нему документах указаны заведомо ложные сведения;
- он дважды вызывался на заседания призывной комиссии и не являлся на них без уважительной причины;

- ранее ему была предоставлена возможность пройти альтернативную гражданскую службу и он от нее уклонился.

Гражданину, в отношении которого вынесено заключение о замене военной службы альтернативной гражданской, вручается повестка на медицинское освидетельствование и заседание призывной комиссии для решения вопроса о направлении на АГС. Гражданин, которому отказано в замене военной службы, подлежит призыву на военную службу на общих основаниях.

Решение призывной комиссии об отказе в замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой может быть обжаловано гражданином в суд в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В случае обжалования гражданином указанного решения его выполнение приостанавливается до вступления в законную силу решения суда.

Порядок прохождения альтернативной гражданской службы

Согласно требованиям изложенным в статье 16 закона работодатель, к которому гражданин прибыл для прохождения альтернативной гражданской службы, обязан заключить с ним срочный трудовой договор на период прохождения альтернативной гражданской службы в этой организации.

По решению федеральных органов исполнительной власти или органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в пределах их компетенции граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу в организациях, подведомственных этим органам, могут привлекаться к ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф и иных чрезвычайных ситуаций на территории Российской Федерации.

Гражданину, проходящему АГС, предоставляются отпуска в порядке, установленном Трудовым кодексом Российской Федерации.

Продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска и отпуска без сохранения заработной платы увеличивается

на количество календарных дней, необходимых для проезда к месту использования отпуска и обратно.

Граждане, проходящие АГС, обладают правами с некоторыми ограничениями, установленными федеральными конституционными законами. Им предоставляются социальные гарантии и компенсации, связанные с особым характером их трудовой деятельности. Время прохождения гражданином АГС засчитывается в общий и непрерывный трудовой стаж и в стаж работы по специальности.

Время прохождения гражданином АГС в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в районах и местностях, где установлены районные коэффициенты и процентные надбавки к заработной плате, засчитывается в стаж работы в этих районах и местностях.

Время прохождения гражданином АГС на должностях и по профессиям, которые связаны с выполнением тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, засчитывается в стаж, дающий право на социальные гарантии и компенсации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

За гражданином, проходящим АГС, сохраняется жилая площадь, занимаемая им до направления на альтернативную гражданскую службу. При этом он не может быть исключен из списков лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

За гражданином, работавшим до направления на АГС в государственной или муниципальной организации, в течение трех месяцев после его увольнения с АГС сохраняется право поступления на работу в ту же организацию и на ту же должность, а при ее отсутствии – на другую равноценную работу (должность) в той же или, с согласия работника, другой организации.

За гражданином, направленным на АГС в период его обучения в образовательном учреждении, при увольнении с АГС сохраняется право быть зачисленным для продолжения учебы в то образовательное учреждение и на тот курс, где он обучался до направления на альтернативную гражданскую службу. Граждане, проходящие АГС, имеют право на обучение во внерабо-

чье время в образовательных учреждениях по заочной или очно-заочной (вечерней) форме обучения.

Гражданам, проходящим АГС, гарантируется право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь оказывается в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения по месту прохождения ими альтернативной гражданской службы.

Расходы, связанные с реализацией права граждан, проходящих АГС, на бесплатный проезд к месту жительства при использовании ежегодного оплачиваемого отпуска и обратно, компенсируются за счет средств работодателя в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

В соответствии со статьей 20 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» оплата труда гражданина, проходящего АГС, производится организацией в соответствии с действующей в организации системой оплаты труда.

Организации, где предусматривается прохождение АГС, бесплатно обеспечивают общежитием граждан, проходящих альтернативную службу вне территории, где они постоянно проживают. Размещение граждан, проходящих АГС в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в одном здании с военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, не допускается.

Обязанности граждан, проходящих АГС, и ограничения их прав и свобод

Граждане, проходящие АГС, обязаны:

- 4.** соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и другие федеральные законы, выполнять требования, установленные настоящим Федеральным законом, положением о порядке прохождения АГС, локальными нормативными актами организаций;
- 5.** соблюдать дисциплину труда, добросовестно исполнять трудовые обязанности, возложенные на них сроч-

ным трудовым договором.

Граждане, проходящие АГС, не вправе:

- отказываться от заключения срочного трудового договора, а также от исполнения трудовых обязанностей, возложенных на них срочным трудовым договором;
- занимать руководящие должности;
- участвовать в забастовках и иных формах приостановления деятельности организаций;
- совмещать АГС с работой в иных организациях;
- заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также оказывать содействие физическим и юридическим лицам в их предпринимательской деятельности, получать за это вознаграждение и пользоваться социальными гарантиями;
- покидать населенный пункт, в котором расположена организация, где они проходят АГС, без согласования с представителем работодателя;
- прекращать (расторгать) срочный трудовой договор по своей инициативе;
- оставлять рабочее место и покидать организацию, где они проходят АГС, в период рабочего времени, установленного правилами внутреннего трудового распорядка и графиками сменности.

Основания и порядок увольнения с АГС

Гражданин подлежит увольнению с АГС:

- по истечении срока АГС;
- в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе или ограниченно годным к военной службе;
- в связи с осуществлением им полномочий члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, а также в связи с избранием его депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутатом законодательного (предста-

вительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), депутатом представительного органа местного самоуправления, главой муниципального образования и осуществлением указанных полномочий на постоянной основе;

- в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении гражданину наказания в виде лишения свободы.

Решение об увольнении гражданина с АГС принимается должностными лицами, определяемыми руководителем федерального органа исполнительной власти или руководителем органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, которому подведомственна организация, где гражданин проходит альтернативную службу.

Работодатель производит соответствующую запись в трудовой книжке гражданина о причинах прекращения срочного трудового договора. При прекращении срочного трудового договора работодатель обязан выдать гражданину в день увольнения (последний день работы) трудовую книжку.

Граждане, прошедшие АГС, зачисляются в запас Вооруженных Сил Российской Федерации. На военные сборы они не призываются.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ ИЛИ МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В Российской Федерации человек, его права и свободы, включая свободу вероисповедания, провозглашены высшей ценностью.

Конституция Российской Федерации 1993 года¹, Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»² с учетом международно-правовых требований в области прав человека и тенденций современной юридической науки закрепили ряд принципиальных положений, обеспечивающих реализацию индивидуальных и коллективных религиозных прав и свобод граждан. Конституционно-правовое обеспечение этих прав и свобод необходимо, в первую очередь, для свободного развития каждого человека и формирования полноценного гражданского общества.

Несмотря на определенный прогресс в исследуемой области, следует констатировать, что развитие конституционно-правовых основ свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России осуществляется неоднозначно. Наша страна подошла к моменту формирования демократического государства в 1990-е гг. без накопленного положительно-го опыта в области юридического гарантирования прав человека в сфере религии. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» принимался в сложной борьбе представлений о том, что именно и в каких пределах должен гарантировать этот закон.

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. № 237. 25.12.1993 г.

2. СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

Конституционно-правовые проблемы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений длительное время были обделены должным вниманием в отечественной юридической литературе. Можно назвать две главные причины сложившейся неутешительной ситуации.

Первую причину можно объяснить продолжительным идеологическим господством в советской общественной науке атеистического предрассудка «отмирания» религии как «опиума для народа», который объективно препятствовал нормальному развитию соответствующих научно-правовых исследований, так как неоправданно сужал и сковывал свободу добросовестного научного поиска в этой сфере. Большинство работ советского периода по данной тематике в силу известных причин не содержат ответа на многие всегда актуальные и поныне злободневные вопросы, которые волнуют все поколения людей в нашей стране.

Вторая причина заключается в том, что часть рассматриваемых проблем находится на стыке правоведения и религиоведения. В то же время современная методология, терминология, а также необходимый эмпирический материал в названных отраслях научного знания по данной проблематике еще только начинают нарабатываться. Качественным исследованиям существенно препятствует все еще бытующий в ученой среде сугубо специализированный «ведомственный патриотизм», мешающий плодотворно использовать существенные достижения современных социальных наук. К этому следует добавить то обстоятельство, что большинство российских юристов, как правило, не сведущи в проблемах религии, что проявляется в ненадлежащем поиске оптимальных конституционно-правовых трактовок содержания и выражения свободы вероисповедания и правомерности религиозной деятельности.

Однако в последние годы все большее количество ученых правоведов обращается к теме теоретического осмысления и законодательных гарантий религиозных прав человека. С принятием Федерального закона № 374-ФЗ от 6 июля 2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодей-

ствии терроризму» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (так называемый «закон Яровой») интерес, как ученых, так и верующих к конституционно-правовым гарантиям свободы совести существенно вырос. В первую очередь это объясняется тем, что данным законом были внесены существенные поправки в Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части правового регулирования миссионерской деятельности.

С одной стороны, религиозная проповедь является неотъемлемой частью вероучительной практики для религиозных объединений любых конфессий. Так в Евангелии от Матфея сказано: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мтф. 28, 19); подобное указание содержится и в Евангелие от Марка: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мрк. 16, 15-16).

С другой стороны, для духовенства и верующих любой религии вероотступничество, переход в другую религию, представляется тяжким грехом. Поэтому деятельность миссионеров и проповедников, стремящихся убедить последователя какого-либо вероучения переменить религию, воспринимается ими крайне негативно. Особенно болезненную реакцию у части российского общества вызывает миссионерская деятельность представителей новых, нетрадиционных для нашей страны религиозных движений. Это актуализирует противоречие между «объективными потребностями развития в России национальной культуры и навязываемыми нам чуждыми духовными ценностями»¹. Можно констатировать наличие конкуренции или антагонизма между конституционным правом на распространение религиозных убеждений и правом личности на защиту от недобросовестных или насильственных попыток изменить

1. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 465.

её религиозные убеждения. В условиях поликонфессионально-го российского общества оптимальное правовое регулирование должно гарантировать, как право верующего переубедить другого, так и право верующего «не быть переубеждаемым» против своей воли, путем обмана или принуждения. Только при достижении этой цели возможно мирное сосуществование и веротерпимость между последователями различных конфессий, деятельность практически каждой из которых включает более или менее активные усилия по обращению сограждан, в том числе инаковерующих, в свою религию.

В этой связи представляется целесообразным установить те специфические особенности, которые отличают миссионерскую деятельность как частное понятие от более общих понятий, связанных с правом распространения убеждений.

Среди прав и свобод, гарантируемых Конституцией Российской Федерации, наиболее широкое содержание имеет свобода слова (часть 1 статьи 29), обеспечивающая возможность распространять любые убеждения, включая религиозные, философские, политические, экономические, научные и т.д. Более частный характер имеет предоставляемое статьей 28 Конституции Российской Федерации право распространять религиозные и иные убеждения. Не ограничивая обеспеченное конституционной свободой слова право распространять *любые* убеждения, данная норма предоставляет дополнительную специальную гарантию права распространять *убеждения мировоззренческого характера, связанные с отношением к религии вообще и к конкретным религиям*, включая собственно религиозные, атеистические, религиозно-философские и т.п. убеждения.

Аналогично международно-правовым документам, гарантирующим основные права и свободы человека, Конституция Российской Федерации называет религиозные убеждения отдельно от «иных убеждений», связанных с отношением к религии и мировоззрением. Таким образом, распространение религиозных убеждений можно рассматривать в качестве особо упомянутой в Конституции разновидности права распространять «религиозные и иные убеждения».

Распространение религиозных убеждений может осуществляться в качестве личной инициативы человека, от своего имени, в качестве высказывания личных убеждений или же от имени и по поручению религиозного объединения. Последний подвид деятельности по распространению религиозных убеждений мы и определяем как *миссионерскую деятельность*.

Таким образом, следуя от общего к частному, можно выстроить следующую иерархию понятий:

- распространение убеждений (идей и информации);
- распространение религиозных и иных убеждений (мировоззренческого характера, выражающих отношение к религии);
- распространение религиозных убеждений;
- миссионерская деятельность.

В зарубежной литературе в качестве термина, обозначающего деятельность по распространению религиозных убеждений, используется термин «прозелитизм»¹. В некоторых конфессиональных документах этот термин имеет негативное значение и обозначает нечто вроде агрессивного и недопустимого переманивания верующих из одной религиозной организации в другую. Так, в документе, подготовленном Совместной богословской комиссией Всемирного совета церквей и Католической церкви заявляется, что «к прозелитизму относится всё то, что нарушает право человека, независимо от того, христианин он или нехристианин, на свободу от внешнего принуждения в религиозных вопросах, а также всё то, что при провозглашении Благой вести не согласуется с теми способами, с помощью которых Бог привлекает к себе свободных людей в ответ на его призывы служить в духе и истине»². В противоположность этому, в научной литературе, так же как и в решениях Европейского Суда по правам человека, термин «прозелитизм» имеет нейтральный характер, обозначающий любую деятельность

1. См, например: Станке Т. Право на убеждение и привлечение последователей в религиозной сфере / Свобода религии и убеждений: основные принципы. / Под ред. Торе Линдхольма, Кола Дурэма, Бахии Тазхиб-Ли. М., 2010; Plana S. Le prosélytisme religieux a l'épreuve du droit privé. P., L'Hartmann, 2006; Prosélytisme / Droit des religions. Dictionnaire. P., CNRS Editions, 2010. P. 605-610.

2. The Ecumenical Review. 1990. № 1. С. 23.

по распространению религии, а «недобросовестный прозелитизм» рассматривается лишь как частное проявление. Ввиду юридической неопределенности термина «прозелитизм», в диссертационном исследовании нами используется выражение «распространение религиозных убеждений» (за исключением прямого цитирования источников).

Т. Станке констатирует, что в международных документах в области прав человека не содержится прямого упоминания о свободе распространять религиозные или иные убеждения. Единственным исключением является Американская Конвенция о правах человека 1969 г., в статье 12 которой прямо утверждается, что право на свободу религии или убеждений включает в себя свободу «распространять свою религию или убеждения». Спорный момент в интерпретации положений международных документов обусловлен тем, что присутствующее во Всеобщей Декларации прав человека, Международном Пакте о гражданских и политических правах выражение о праве «исповедовать свою религию или убеждения» не вполне тождественно явному признанию права «распространять свою религию или убеждения», то есть целенаправленно воздействовать на сознание другого человека с целью изменить его убеждения. «С учетом того, что проповедь религиозного опыта и убеждений важна для многих крупнейших религий мира, представляется логичным, что свобода выражения религиозных или иных убеждений должна распространяться и на попытки убедить других людей принять новые религиозные убеждения или принадлежность»¹.

В международном сообществе существуют разногласия по поводу того, является ли неотъемлемой составной частью свободы мысли, совести и религии право человека пытаться обратить другого человека в свою веру. В некоторых мусульманских странах отступничество от ислама карается уголовным законом. Отсюда естественным образом следует, что и попытка убеждать мусульманина изменить свои религиозные убеждения подвергается запрету. Например, правительство Малайзии

1. Станке Т. Там же. С. 535.

утверждает, что запрет на прозелитическую деятельность среди мусульман не является ограничением права мусульман менять свою религию: «Если какой-либо мусульманин желает получить знания о другой религии или даже принять другую религию по собственной воле и по собственной инициативе, то законы, запрещающие прозелитизм, не могут ему в это воспрепятствовать. Эти законы направлены лишь на защиту мусульман от попыток обратить их в другую религию»¹.

Европейский Суд по правам человека указывает, что «религиозная свобода, будучи прежде всего предметом совести каждого человека в отдельности, предусматривает, среди прочего, свободу «исповедовать [свою] религию». Свидетельствование словами и делами неразрывно связано с существованием религиозных убеждений. В соответствии со статьей 9 свобода исповедовать свою религию не только осуществима в сообществе с другими, «публично» и внутри круга тех, чью веру разделяет человек, но может утверждаться и «индивидуально», «в частном порядке»; более того, она включает в принципе право пытаться убедить своего ближнего, например, через «обучение», без чего «свобода изменения [своей] религии или верования», закрепленная в статье 9, осталась бы мертвой буквой»².

Следует также учитывать то обстоятельство, что в международных документах в области прав и свобод человека употребление выражений «свобода мысли, совести и религии», «свобода исповедовать свою религию» не сопровождается определением понятия «религия». Соответственно, не существует жестких критериев, позволяющих различать распространение религиозных убеждений от распространения иных убеждений. Практическая необходимость в такой демаркации может возникать только в некоторых случаях, например, при определении Европейским Судом по правам человека, имеет ли место нарушение статьи 9 (свобода мысли, совести и рели-

1. Цит. по: Свобода религии и убеждений: основные принципы. С. 539.

2. Дело Коккинакиса против Греции. Судебное решение от 25 мая 1993 г. / Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский, С.В. Чугунов; под общ. ред. А.В. Пчелинцева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 566.

гии) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) или же статьи 10 (свобода выражения мнения)¹. Кроме того, статья 10 ЕКПЧ включает более пространный перечень оснований для ограничения свободы выражения мнения, чем для свободы исповедовать свою религию или убеждения.

Можно придти к выводу, что на уровне международного права дискуссионным является вопрос о *границах* права распространять свои *религиозные или иные* убеждения с целью изменить убеждения другого человека. Однако и распространение религиозных, и распространение атеистических и других нерелигиозных убеждений считаются защищенными принципами свободы мысли, совести и религии и свободы выражать своё мнение. Никаких специальных ограничений и правил для распространения религиозных убеждений в отличие от иных видов убеждений мировоззренческого характера международные документы не устанавливают.

Следует также обратить особое внимание на то, что международное право не разграничивает деятельность по распространению религиозных убеждений по субъекту деятельности. В актах Европейского Суда по правам человека по жалобам, связанным с прозелитизмом², ни упоминаемые решения национальных властей государств-ответчиков, ни сам Европейский Суд не придают значения тому обстоятельству, действовал ли заявитель (заявители) жалобы как уполномоченное лицо какой-либо религиозной организации (как миссионер) или же, как частное лицо, проповедующее религиозные учения от собственного имени.

Российская Конституция с полной определенностью включает в состав свободы совести и свободы вероисповедания (статья 28) право распространять религиозные и иные убеждения. С учетом вышесказанного в отношении международно-правовой защиты религиозной свободы и в свете

1. См., например: Маранов Р. Практика Европейского Суда по правам человека по делам о свободе совести. М., 2009. С. 58-59.

2. Кокинакис против Греции, Лариссис и другие против Греции.

системного толкования норм Конституции Российской Федерации, гарантирующих основные права и свободы человека и гражданина, в частности статей 28 и 29, представляется возможным сделать вывод о том, что отдельное упоминание права распространять религиозные убеждения не противопоставляет это право праву распространения иных убеждений, не ограничивает содержание этого права, а напротив, служит дополнительной гарантией того, что религиозные убеждения могут распространяться наряду с иными убеждениями без специальных ограничений.

Ввиду полного отсутствия в международном праве остановимся на определении этого понятия в российском законодательстве.

Так, миссионерской деятельностью согласно с п. 1 ст. 24.1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами.

Важной характеристикой миссионерской деятельности является то, что она осуществляется субъектом (религиозной организацией) сознательно, целенаправленно и идентифицируется им самим в качестве миссионерской деятельности путем формального наделения миссионера соответствующими полномочиями. При идентификации деятельности религиозной организации в качестве миссионерской недопустимо руководствоваться так называемым «принципом объективного вменения», то есть только объективными признаками вопреки позиции самой религиозной организации.

Нельзя считать приемлемыми и попытки распространить содержание понятия «миссионерская деятельность» на высказывания, осуществляемые личностью по собственной инициативе, даже если они направлены на то, чтобы убедить слушателя стать участником конкретного религиозного объединения. В религиозной жизни весьма типичны ситуации, когда верующий рассказывает о выдающемся проповеднике или пастыре, о святых реликвиях и о чудотворениях, призывая собеседника посетить храм или религиозное собрание. Включать все эти бесконечно разнообразные формы личного общения в понятие «миссионерская деятельность» означало бы расширить его до полной утраты им четкости и конкретности.

Попытки подвести под понятие «миссионерская деятельность» все виды распространения религиозных убеждений и придать данному виду религиозной деятельности разрешительный характер со стороны государства, неизбежно приведут к необоснованным ограничениям свободы вероисповедания и связанных с нею в данном случае иных свобод (свобода собраний, свобода слова, свобода передвижения и др.), будут являться неправомерным вмешательством в частную жизнь граждан и во внутренние дела религиозных объединений.

Следует иметь в виду, что согласно статье 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» всякое религиозное объединение создается в целях совместного исповедания и *распространения веры*. В смысловом единстве со сказанным выше о соотношении объема понятий «распространение религиозных убеждений (веры)» и «миссионерская деятельность» можно сделать вывод о том, что всякое религиозное объединение занимается распространением религиозных убеждений, но не обязательно в форме миссионерской деятельности¹.

1. Важная аналогия прослеживается в новейшей правоприменительной практике. К числу обязательных признаков религиозного объединения относится «обучение религии и религиозное воспитание». В недавнее время к нескольким религиозным организациям были предъявлены претензии в осуществлении образовательной деятельности без получения лицензии. В этом случае различие между «обучением религии, религиозное воспитание» и лицензируемой образовательной деятельностью получило практическую значимость.

Такие формы распространения религиозных убеждений могут также осуществляться религиозными организациями при осуществлении различных видов деятельности, которые они не позиционируют в качестве миссионерской — культурно-просветительной, образовательной и т.д.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в российском законодательстве правовое регламентирование миссионерской деятельности должно осуществляться на основе принципа добровольного декларирования религиозными организациями своей миссионерской деятельности, не исключающее права религиозных объединений и граждан распространять религиозные убеждения иными методами.

Инна Загребина

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП: ГДЕ ДВОЕ ИЛИ ТРОЕ, ТАМ И МИНЮСТ ПОСРЕДИ НИХ

10 марта 2010 г. вступило в силу Постановление Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Кимля и другие против России». Данным Постановлением было установлено, что требование части 1 статьи 9 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», о необходимости подтверждения существования религиозной группы не имеющей подтверждения о вхождении ее в централизованную религиозную организацию на протяжении не менее 15 лет, не соответствует положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод. По мнению ЕСПЧ данная норма не отвечала критерию необходимости в демократическом обществе, который является одним из условий правомерного ограничения прав и свобод человека.

Поскольку в соответствии с часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17 Конституцией Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права, наряду с международными договорами Российской Федерации, являются составной частью ее правовой системы, то они должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений.

На этом основании норма о 15-летнем «стаже» для религиозных групп должна была быть отменена, что и было сделано. Однако правовое регулирование деятельности религиозных групп, на наш взгляд, только ужесточилось.

Начнем по порядку.

В соответствии со ст. 28 Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая

право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

П. 1 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», как и ст. 28 Конституции, гарантирует свободу совести, добавляя при этом право создавать религиозные объединения.

Согласно ст. 6 этого закона религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Религиозные объединения могут создаваться как в форме религиозных групп, так и форме религиозных организаций.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозной группой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации.

Таким образом, основными признаками религиозной группы являются:

- Добровольное объединение граждан.
- Образованное в целях совместного исповедания и распространения веры.
- Осуществляющее деятельность без государственной регистрации.

Именно совокупность данных признаков позволяет квалифицировать группу граждан как религиозную.

При этом право граждан исповедовать и распространять свою веру без государственной регистрации является суще-

ственным признаком, отличающим религиозную группу от религиозной организации. Государственная регистрация является правом, а не обязанностью религиозного объединения.

Государственная регистрация связана исключительно с приобретением правоспособности юридического лица, и ее никак нельзя рассматривать как разрешение на деятельность. Иначе это бы вступало в противоречие со ст. 28 Конституции РФ. Гарантированное этой статьей право на совместное вероисповедание является непосредственно действующим и не связано с какой-либо регистрацией.

В силу той же ст. 7 закона в новой редакции объединения граждан образованные в целях совместного исповедания и распространения веры должны подавать уведомления в Минюст или его территориальные органы. Следует отметить, данная норма подразумевает не право, а обязанность религиозных групп. Обязанность, в свою очередь, должна поддерживаться мерой государственного принуждения, что уже само по себе нарушает конституционный принцип свободы совести.

Уведомления вправе будут подавать руководители (представители) религиозной группы, а также, в случае вхождения религиозной группы в структуру централизованной религиозной организации, руководящий орган (центр) централизованной религиозной организации.

Следует обратить внимание, на форму уведомления, утвержденную Минюстом. В которой должны быть представлены следующие сведения:

- об основах вероисповедания;
- о местах совершения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- о руководителе (представителе), гражданах, входящих в религиозную группу, с указанием их фамилий, имен, отчеств, местожительства.

Последнее требование вызвало вполне обоснованное негодование как юристов, так и многих священнослужителей, еще не забывших репрессии в отношении верующих в советский период.

Требование о предоставлении списков граждан, входящих в религиозную группу, не только с указанием их фамилий, имен, отчеств, но и адресов, по нашему мнению, прямо противоречит конституционному принципу неприкосновенности частной жизни, изложенному в ст. 23 Конституции. А также вступает в конфликт со ст. 24 Конституции, согласно которой сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Также налицо противоречие и с п. 5 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которому никто не обязан сообщать о своем отношении к религии.

Более того, совсем не понятно, как руководитель религиозной группы или орган централизованной религиозной организации сможет заставить всех граждан, посещающих ту или иную религиозную группу, предоставить столь полную личную информацию о себе.

Следует отметить, что данное требование несовместимо и с Федеральным законом от 27 июня 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». В соответствии с п. 1 ст. 3 данного закона любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация являются персональными данными.

В соответствии с п. 1 ст. 6 вышеуказанного закона обработка персональных данных может осуществляться оператором с согласия субъектов персональных данных. Более того, лицами, получающими доступ к персональным данным, должна обеспечиваться конфиденциальность таких данных, а в соответствии с п. 4 ст. 9 данного закона обработка персональных данных осуществляется только с согласия в письменной форме субъекта персональных данных.

Обращаем внимание, что данный закон относит информацию о религиозной принадлежности к специальной категории персональных данных, в связи с этим в силу п. 1 ст. 10 обработка специальных категорий персональных данных не допускается.

Следовательно, в случае сбора и предоставления персональных данных участников религиозной группы без их согласия, лица, совершившие данное правонарушение, будут грубо нарушать права граждан и, как следствие, нести ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Вызывает недоумение и тот факт, что при регистрации религиозной организации требуется только список учредителей, тогда как в случае с религиозной группой государству интересно знать всех участников, что значительно ухудшает положение религиозных групп. Напрашивается вывод: данная норма была введена с целью подталкивания религиозных групп к приобретению статуса юридического лица для последующего более полного контроля и надзора за их деятельностью.

После введения обязательности уведомления логично задуматься, что будет с теми, кто не уведомил, и как обезопасить себя «домашним» группам, да и просто домашним посиделкам верующих за чаем, которые не являются по своей сути религиозными группами. К сожалению, в связи с нововведениями имеющееся в законе определение термина «религиозная группа» перестает нести в себе правильную правовую нагрузку. Под имеющееся толкование на сегодняшний день по мнению должностных лиц органов государственной власти подпадают все без исключения собрания верующих. Например, собрались единоверцы дома у кого-то вечером среди недели помолиться — это религиозная группа. Собрались несколько верующих семей для совместного общения — также религиозная группа и т.п.

Между тем в целях избежания недоразумений и путаницы между религиозными группами, действующими без статуса юридического лица, и домашними группами, являющимися служением религиозной организации, в нынешней ситуации религиозным организациям будет целесообразно указать

в протоколах одним из пунктов проведение богослужений по определенным дням по конкретным адресам. И выдать служителю домашней группы пакет документов, включающий в себя копию свидетельства о регистрации религиозной организации, копию устава, выписку из вышеуказанного протокола, а также документ, подтверждающий принадлежность священнослужителя к религиозной организации. В противном случае данный факт придется доказывать в суде.

Как показывает практика, при обнаружении групп граждан исповедующих свою религии органы государственной власти пытаются в лучшем случае заставить последних подать уведомление, в худшем случае подогнать деятельность граждан под миссионерскую и привлечь к ответственности. Что само по себе порождает правовой беспредел.

Хоть немного, но радует, что религиозная группа будет обязана представлять уведомление о продолжении своей деятельности не реже одного раза в три года со дня последнего уведомления. Все же не каждый год. Но, как говорится, хрен редьки не слаще.

Обратим внимание на еще один казус. Согласно п. 1 ст. 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляются в пользование группы ее участниками.

Такая норма делает трудно выполнимым требование об указании в уведомлении всех мест проведения богослужений, обрядов и ритуалов. По сути, если строго следовать букве закона, получается, необходимо перечислить все адреса места жительства участников религиозной группы, а также имеющееся у них недвижимое имущество, включая дачи, где тоже в летний период могут проводиться богослужения.

Возникает вопрос: что делать, если вдруг группа сменила место встречи, а адрес не указан в регистрации? А как быть с ритуалами — неужели на всякий случай необходимо будет прописать в уведомлении все кладбища и крематории того или иного города, где тоже могут проводиться ритуалы погребения?

ния? И если все же эти места не будут указаны, за это тоже будет предусмотрена юридическая ответственность?

В заключение хотелось бы отметить, что уже на данном этапе данные новшества уже не единожды стали предметом судебных разбирательств, а также подтолкнули многие религиозные группы к уходу в «подполье», как это было в советские времена.

Остается лишь один вопрос: зачем это нужно?

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ: НЕ ВЕШАЙТЕ НА СЕБЯ ЯРМО «СЕКТАНТОВ»

Президент России Владимир Путин неоднократно заявлял, что во время избирательных кампаний надо особое внимание обращать на факты разжигания межнациональной розни и межрелигиозной вражды.

Тема борьбы с так называемыми «сектами», под которыми в России подразумевают почти все не православные религиозные организации, включая протестантов, в последнее время стала одной из самых популярных не только среди около православной общественности, но и у представителей органов власти.

В качестве наиболее действенных мер в борьбе с «сектами» православные сектоборцы указывают на религиозное просвещение школьников, учреждение поста чиновника по делам «сект» с полномочиями федерального министра.

Первым на этот «призыв» «откликнулся» департамент труда и социальной защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО), издавший абсурдный документ, папахивающий средневековьем. В нем дословно написано следующее: «В целях предупреждения широкой общественности об опасности сектантства и в соответствии с поручением заместителя главы автономного округа Н.Л. Западной от 08.07.2010 Департаментом труда и социальной защиты населения автономного округа, Департаментом образования и науки автономного округа, Департаментом культуры автономного округа, Комитетом по молодежной политике автономного округа подготовлены материалы по противодействию тоталитарным сектам при посещении членами данных сект объектов социально-культурного назначения».

В документе перечисляются мероприятия, направленные на обеспечение «комплексной безопасности». В качестве действенных мер в борьбе с «сектантами» предлагается организовать контрольно-пропускные пункты и оборудовать их техническими средствами контроля». Интересно посмотреть, что за нанотехнологии способны отличить «сектанта» от «нормального» человека. А для того, чтобы ни один «сектант» не смог убежать, предлагается организовать «добровольные дружины правоохранительной направленности». К документу прикрепили список «сект», в целом копирующий материалы с сектоборческого сайта Центра Ирины Лионского, в котором поименно названы не только законопослушные религиозные организации, но и различные не понравившиеся Дворкину коммерческие организации. В списке, впрочем, не хватает культа Деда Мороза со Снегурочкой, который по всем параметрам подходит под определение «сектантский», при том особо опасный, поскольку ведет свою работу среди несовершеннолетних и в своих методах не гнушается подкупать детей подарками.

Процитированный выше документ предназначен главам муниципальных образований ХМАО. Репрессии не заставили себя долго ждать. Вот, например, распоряжение начальника управления по культуре и искусству администрации города Нягани ХМАО Кулешова О.Р.: «Рахамимову А.И. поставить в известность в письменном виде о прекращении действия договора с 28.08.2010 г. с «Церковью Иисуса Христа». В вышеупомянутом списке «сект» данная Церковь, зарегистрированная в установленном законом порядке министерством юстиции РФ, значиться как одна из наиболее известных «деструктивных тоталитарных сект», действующих на территории Российской Федерации. Как следствие, с пастором Церкви был расторгнут договор, а в «дворкинском списке» проставлена галочка, свидетельствующая об успешном начале «боевых действий» на территории ХМАО.

Другой пример борьбы с «ведьмами» — конфликтная ситуация в протестантской церкви «Новое поколение» в Амурской области. Тридцатипятилетний прокурор города Благовещенска взял-

ся за активное искоренение протестантов на своей территории. В своем иске он потребовал признать выпуск видеоматериалов церкви «Новое поколение» незаконным, так как в них якобы используются методы нейролингвистического программирования, которые подлежат лицензированию как медицинская деятельность. Церковь лицензии не имеет, а поэтому ее видеofilмы, к примеру, с проповедями пастора или посвященные юбилею создания церкви, «могут» причинить вред здоровью.

Действительно, современный экстремизм зачастую использует религиозные мотивации и термины. Но гораздо проще издеваться над законопослушными гражданами, ставя на них клеймо «сектантов», чем серьезно заниматься борьбой с экстремизмом. Пока религиозные радикалы запугивают Россию «страшными сектами», борцы с «сектами» на региональном уровне фабрикуют материалы, искажают факты и тиражируют ксенофобию и религиозную нетерпимость. На фоне массовых «проверок» и противозаконных действий по отношению к верующим все суровее звучат заявления главы экспертного совета о борьбе с инакомыслящими.

Религиоведы, социологи, юристы церковью должны особое внимание обращать на такого рода конфликтные ситуации.

В последнее время в адрес Гильдии экспертов по религии и праву с разных уголков нашей необъятной Родины поступают письма от священнослужителей с просьбой помочь им защититься от ложных обвинений, распространяемых в средствах массовой информации.

К сожалению, приходится признать, что большая часть присылаемых публикаций и теле-радио материалов «посвящена» нагнетанию образа «врага» в лице неправославных религиозных организаций со стороны отдельных недобросовестных сектоведов. При этом количество откровенно провокационного материала несущего в себе религиозную нетерпимость и фальсифицирующего жизнь религиозных объединений многократно увеличивается.

В связи с этим, российское общество все более заражается ксенофобией и религиозной нетерпимостью. В результате стра-

дают законопослушные граждане нашей страны, неся на себе и своих детях ярмо «сектантов» и людей второго сорта.

Как следствие возникает вопрос, имеются ли в российском законодательстве механизмы, препятствующие возбуждению религиозной вражды?

Попробуем разобраться.

В соответствии со статьей 29 Конституции РФ запрещается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, религиозного или языкового превосходства.

Статья 4 Закона РФ от 27 декабря 1997 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» не допускает использование средств массовой информации в целях разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни.

Согласно статье 282 Уголовного кодекса РФ действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признаку отношения к религии совершенные публично или с использованием средств массовой информации являются уголовно наказуемым деянием.

В каких случаях может идти речь о возбуждении уголовного дела по статье 282 УК РФ?

Особенностью данного преступления является то, что оно совершается публично или с использованием средств массовой информации.

Данное преступление совершается с прямым умыслом. Субъект осознает, что обнародует в печати, по радио или телевидению (а также в других формах) информацию, направленную на возбуждение религиозной вражды, и желает ее обнародовать.

Под действием в контексте данной нормы следует понимать любой целенаправленный акт внешней практической деятельности, включая речевое изложение мысли и иные формы передачи информации языковыми или изобразительными

средствами. Такими действиями являются использование публичных высказываний, печатных изданий, иных средств массовой информации (радио, телевидение) для передачи устных, письменных или аудиовизуальных сообщений, которые направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.

Применительно к злоупотреблениям свободой слова и свободой массовой информации понятие направленности действий характеризует только смысл информации, ее содержание, которое потенциально может спровоцировать межнациональные или межконфессиональные конфликты, но не предусматривает фактическое наступление таких последствий.

Возбуждающей в смысле ст. 282 УК РФ является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них. Подобная информация, как правило, порождает напряженность в обществе, нетерпимость к сосуществованию людей разных рас, национальностей и вероисповеданий, поскольку создает благоприятную почву для конфликтов.

От информации, возбуждающей вражду, следует отличать констатацию фактов. Последняя не несет никакого отрицательного «эмоционального заряда» и не направлена на формирование негативной установки.

Вражда может проявляться в неприязни, сильной антипатии, ненависти, в желании любыми способами ущемить чьи-либо права и законные интересы.

Какая информация унижает человеческое достоинство?

Унижение достоинства выражается в распространении ложных измышлений, извращенных или тенденциозно подобранных сведений об истории, культуре, обычаях, психологическом складе, верованиях, идеях, событиях, памятниках и документах, входящих в число религиозных ценностей, позорящих или оскорбляющих конфессиональную группу

либо ее отдельных представителей как членов этой группы, заключающих в себе издевку, отвращение или презрение к ним.

Главными признаками, характеризующими возбуждение религиозной вражды с точки зрения общественной опасности, являются:

- Формирование и подкрепление негативного отрицательного образа религии.
- Перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю религиозную группу.
- Приписывание всем представителям религиозной группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой.
- Утверждения о природном превосходстве одной религии и неполноценности и порочности других.
- Приписывание враждебных действий и опасных намерений одной религии по отношению к другим.
- Возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю религиозную группу.
- Утверждения об изначальной враждебности определенной религии по отношению к другим.
- Утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной религиозной группы с интересами других.
- Утверждения о наличии тайных планов, заговоров одной религиозной группы против других.
- Объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных религиозных групп.
- Побуждение к действиям против какой-либо религии.
- Поощрение, оправдание геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо религии.

- Требования вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной конфессиональной принадлежности.
- Требования ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по религиозному признаку.
- Угрозы и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц по признаку религиозной принадлежности.

Согласно Рекомендациям об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды утвержденным Заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым от 29.06.99 г., если в процессе проверки при содержательном анализе публикации (публичного выступления) будет выявлено, что текст или его часть прямо подпадают под один или несколько вышеперечисленных признаков, необходимо решать вопрос о возбуждении уголовного дела.

К сожалению, активность Следственного комитета прокуратуры в выявлении и расследовании таких преступлений была и остается минимальной.

Зачастую причиной этому является не только сложность данной категории дел, но и недостаток специальных познаний в области религиоведения. Чаще всего материал возбуждающий религиозную вражду подается в прикрытой форме, негативная информация внушается автором исподволь с помощью различных уловок.

Широко используются тенденциозно подобранные, извращенные вымышленные факты, бездоказательные утверждения и представления, отвергнутые современной наукой. Различные слухи и измышления, перемежаясь с другими, иногда реальными фактами, вводятся в контекст, где и служат созданию негативного образа представителей той или иной религии, приписывают им враждебность, способствуют созданию атмосферы религиозной нетерпимости.

В результате информация, способная возбудить враждебность к тем или иным религиозным группам, оказывается заву-

алированной, но понятной читателю. Как правило, публикатор (оратор) в данном случае имеет цель не только возбудить религиозную рознь под видом реализации предоставленного ему Конституцией РФ права на свободу слова и свободу массовой информации, но и уйти от ответственности.

Так, например, во многих СМИ по инициативе сектоведа Дворкина была опубликована информация со ссылкой на так называемый доклад Свартлинга о членах церкви «Слово жизни» в Швеции. Где Дворкин подчеркивал: «неопятидесятники являются «опасной сектой», при этом ссылался на исследование шведских психиатров, согласно которому у 93% членов организации «Слово жизни», входящей в движение, наблюдается резкое ухудшение психического состояния, 63% посещают навязчивые мысли о самоубийстве, 25% совершали попытки самоубийства».

На том же самом якобы научном докладе основывал свои выступления саратовский борец с «сектами» Александр Кузьмин. Он утверждал: «На самом деле «Слово Жизни» — страшная деструктивная секта. Каждый четвертый последователь этой организации в Швеции пытался покончить жизнь самоубийством». Но, как оказалось, у высказываний сектоведов было ложное основание.

В 2008 году целый ряд уважаемых ученых дал всестороннюю оценку этому докладу. Предвзятость доклада и невозможность использовать его выводы подтвердили Бо Орлениус, доктор медицины, заведующий педиатрического отделения (Норкёпинг, Швеция), Лейф Стрёмберг, доктор медицины, старший консультант, обозреватель международных медицинских журналов (Норкёпинг, Швеция), Стефан Реден, доктор медицины, хирург-консультант, доктор наук (Линкёпинг, Швеция), Анн Бентгссон, доктор наук, доцент, ревматолог (Линкёпинг, Швеция).

В нотариально заверенном экспертном заключении отмечается, что с научной точки зрения, доклад имеет крупные недостатки. В частности, доклад не соответствует требованиям социологии и психиатрии, в нем не применяются необходимые

критерии, а в результате получается, что цифры взяты ниоткуда, «с потолка».

Шведские ученые подчеркивают: «Наше мнение таково, что, с научной точки зрения, доклад имеет крупные методологические недостатки, и никакие определённые выводы на его основе сделать нельзя. Доклад не отвечает стандартам, принятым в настоящее время и делающим возможным его публикацию в международном научном журнале».

Удивительно, что чудовищные обвинения в адрес своих же сограждан радикальные борцы с сектами основывают на не очень понятной статье одного психиатра двадцатилетней давности. Такого рода заключение специалистов по поводу материала о психическом состоянии членов церкви «Слово жизни» надо было сделать уже давно. Его отсутствие можно объяснить лишь тем, что в самой Швеции, несмотря на то, что Лютеранская церковь, как и Православная церковь в России, недовольны активной миссионерской деятельностью пятидесятников, никому не приходит в голову устраивать кампании против христианской церкви под флагом защиты другой.

Недобросовестность сообщений может свидетельствовать о сознательном манипулировании информацией, поэтому часто возникают вопросы о правильности приведенных автором сведений, достоверности использованных им источников, подлинности цитат, обоснованности авторских утверждений и суждений по существу.

Зачастую для правильной квалификации противоправных деяний, связанных с возбуждением религиозной вражды, как правило, требуется привлечение экспертов, профессионально владеющих специальными познаниями в области социальной психологии и лингвистики, религиоведения. Однако, следует отметить, что вопрос с экспертизой у нас также является болезненным, поскольку на лицо — правовая неурегулированность гуманитарных экспертиз.

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ: ОТ НЕВЕЖЕСТВА К МНИМОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ¹

Существующие религии и лежащие в их основе конфессиональные вероучения настолько разнообразны и друг другу противоречивы, что нередко становятся источником социальной напряженности, конфликтов и войн, религиозными идеями зачастую прикрывается современный терроризм, угрожая миру и безопасности человечества. С этими вызовами приходится сталкиваться современному обществу, которое «может считаться благополучным и здоровым» только тогда, когда «каждый индивид в нем обладает реальными гарантиями нормального развития и защищенности»².

На территории Российской Федерации исторически проживает множество народов со своими традициями и верованиями и как следствие, религиозный фактор всегда оказывал заметное влияние на общественные процессы. Существование многочисленных религиозных объединений требует необходимости правового обеспечения их функционирования и согласования интересов с целью предотвращения незаконных действий. Как и везде в мире, в России остро встает дилемма о соотношении свободы религии и ее законных ограничений, т.е. о том, какие действия, связанные с выражением религиозности, считать «незаконными» или «экстремистскими».

В подобных координатах, институт религиоведческой экспертизы является одним из необходимых средств регулирования взаимоотношений государства и религиозных организа-

1. Статья впервые опубликована в журнале «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». №2, 2013. С. 159-176.

2. Ескина Л.Б. Два юбилея российской Конституции // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 13.

ций в России; проведение таких религиоведческих экспертиз на предмет признания материалов экстремистскими, представляется центральной проблемой. Мы обратимся к этой проблеме после рассмотрения нескольких конкретных примеров.

Несколько примеров из российской судебной практики

Пример первый. 7 июня 2010 года Люблинская межрайонная прокуратура ЮВАО обратилась в Люблинский районный суд с представлением о признании информационных материалов экстремистскими. В нем отмечалось, что прокуратура провела проверку группы «Антирелигия» на сайте «Вконтакте.ру» на основании обращения гражданина И.В. Лебедева, жителя Петербурга, который сообщил о размещении в Интернете различных изображений антирелигиозной направленности, оскорбляющих православную и мусульманскую веру. В качестве третьего лица был указан администратор группы «Антирелигия» житель Москвы Н. Прокуратура направила материалы для проверки в Центр по противодействию экстремизму ГУВД г. Москвы, который методом случайной выборки отобрал семь изображений, полученных из фотоальбомов группы «Антирелигия».

Затем, Российским институтом культурологии, по запросу органов прокуратуры, было проведено комплексное исследование представленных изображений антирелигиозной направленности ((при этом экспертом выступила учитель математики, которая защищала диссертацию по моделированию математических задач в начальных классах общеобразовательной школы), по результатам которого было признано, что только изображение девушки в футболке с лозунгом «Православие или смерть!» на русском и греческом языках и символов в виде православных крестов, трех черепов с кинжалами в зубах, буквами «Г» и «А» и аббревиатурой «СПХ» является «материалом, содержащим «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии».

Дело было передано в Люблинский суд г. Москвы. Следует особо отметить, что в большинстве случаев суд получает экспертное заключение, проведенное во внесудебном порядке. Между тем, такое исследование не может признаваться экспертизой, поскольку она не назначалась в ходе судебного процесса с предоставлением всех процессуальных прав заинтересованной стороне (эксперт не предупреждался об ответственности за дачу заведомо ложных сведений, кандидатуры экспертов для проведения экспертизы не рассматривались, и т.д.). Однако практика показывает, что суды зачастую принимают такие заключения в качестве доказательств, и иногда в качестве единственных.

Абсурдность вышеприведенной ситуации заключалась в следующем. В начале января 2011 года Черемушкинский районный суд г. Москвы признал лозунг «Православие или смерть!» экстремистским, несмотря на то, что Люблинский районный суд г. Москвы на тот момент пока еще рассматривал аналогичное дело и абсолютно ничего не знал о решении Черемушкинского районного суда.

В результате, 20 апреля 2011 года Люблинский районный суд отказался удовлетворить представление Люблинской межрайонной прокуратуры о признании футболки с надписью «Православие или смерть!» и с изображением православной символики экстремистским материалом. Таким образом, два суда на территории одного субъекта Российской Федерации по одному предмету судебного разбирательства пришли абсолютно к противоположным выводам.

При этом Черемушкинский районный суд руководствовался при вынесении решения внесудебным заключением специалиста¹, а Люблинский суд — комплексной экспертизой проведенной Российским Федеральным центром судебной экспертизы (РФЦСЭ).

Пример второй. Гайским межрайонным прокурором Оренбургской области Челышевым С.В. была инициирована подача

1. В соответствии с п. 3 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ: Заключение специалиста является представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

в Гайский городской суд заявления о признании в качестве экстремистских материалов целого ряда мусульманских богословских трудов, включая хадисы Пророка Мухаммада, произведения известного татарского богослова 18-го века Утыз-Имяни, издание «В молитве спасение» автором которой является ректор Московского исламского университета Марат Муртазин, а также книга заместителя председателя Духовного Управления мусульман Европейской части России Мустафы Кютюкчю «Намаз через призму размышлений» и другие. В материалах дела находилась копия Акта естественно-гуманитарной судебной экспертизы по материалам уголовного дела №547/1 проведенная экспертом Ислановой Н.Н.

Согласно данной экспертизы, вышеуказанные книги были отнесены к категории экстремистских. Однако при этом ни один из признаков, предусмотренных статьей 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности», не был приведен. Кроме того, в нарушении ст.24 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», в акте отсутствовали следующие сведения: время и место производства судебной экспертизы; сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам в части исследования интересующих нас книг.

В исследовательской части эксперт указывал, что «в текстах материалов имеются признаки использования методов суггестивного психологического воздействия, но они носят избирательный характер и направлены на усиление эффекта запоминания», то есть материалы не имели ни одного признака, предусмотренного ст.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», и эта тенденция прослеживается во всей исследовательской части акта, где описываются другие книги, их содержания и отнесение их к определенным группам по критериям.

Кроме того, нигде в исследовательской части акта не приведен анализ и соответственно примененный метод анализа

содержания книг («В молитве спасение», «Намаз через призму размышлений»), а, следовательно, не известно, на каком основании эксперт отнес данные книги к экстремистским, так как ни один из признаков, предусмотренных ст. 1 указанного закона не приведен.

В результате Муфтий Шейх Равиль Гайнутдин, Председатель Совета муфтиев России, и Председатель Духовного Управления мусульман Европейской части России, был вынужден обратиться от лица всех мусульман России к Генеральному Прокурору Российской Федерации Чайке Ю.Я. с просьбой оказать содействие и принять необходимые меры по недопущению подобного отношения к духовно-религиозной литературе.

Пример третий. В августе 2011-март 2012 в Томске, в порядке особого производства, проходил судебный процесс о признании экстремистским материалом главного канонического текста кришнаитов «Бхагавад-гита как она есть» — единственного широко распространённого русскоязычного издания священного индуистского текста «Бхагавад-гита», который приобрёл мировой резонанс, вызвав широкие протесты политиков и общественности Индии, и критику в России

Этот пример показал, что на сегодняшний день, никакие самые авторитетные древние священные тексты юридически не защищены. Древнейшие тексты, история которых насчитывает множество веков, и тексты, написанные совсем недавно, разбираются на одинаковых основаниях, хотя очевидно, что сравнительно новый текст должен рассматриваться по-особому, принимая во внимание время и место его написания.

В ходе рассмотрения дела суд решил допросить «экспертов», подписавших заключение, легшее в основу заявления прокурора. Одной из причин допроса экспертов было то, что в экспертном заключении были приведены цитаты, вообще отсутствующие и в комментариях, и в оригинальных текстах Бхагавад-гиты.

В результате судебного допроса было выяснено, что один из подписавших заключение «экспертов», профессор философии Томского университета С. С. Аванесов не проводил самого

исследования, а только организовал его, а сам анализ проводили профессора Валерий Свистунов и Валерий Наумов¹. Допрошенный судом В. Свистунов сообщил, что С. Аванесов предложил ему сделать философское исследование, а не судебную экспертизу, что задачи перед ним были поставлены нечетко, что раньше эту книгу он не читал, а при составлении заключения пользовался информацией с антисекстантских сайтов, что его исследование – это его субъективное мнение... Третий эксперт, В. Наумов, заявил, что проводил «просто исследование», а не судебную экспертизу. Наумов отметил, что не знал о том, кто были заказчиками работы, и что «книгу и лист с вопросами (не на бланке, без подписей или печатей) передал ему лаборант кафедры». Он также утверждал, что при проведении экспертизы применял «компонентный анализ», при котором контекст не учитывается, а текст раскладывается на минимальные семантические единицы – то есть смысл слов объясняется просто по словарям». Когда же представители защиты указали суду на тот факт, что данный метод не является общепризнанным, то эксперт с этим согласился... Судья при допросе указала эксперту на ряд мест в его экспертном заключении, где приводимые цитаты отсутствовали на указанных им же страницах в книге².

Статус экспертизы и требования к экспертам: анализ существующих проблем

В связи с приведенными примерами прежде всего выявляется важность вопроса о профессиональной подготовленности экспертов. Без преувеличения можно сказать, что от профессиональной подготовки экспертов зависит научная обоснованность и объективность результатов исследования.

Также следует отметить, что теоретическое развитие в правовой доктрине Российской Федерации институт экспертизы получил только в части *судебной* экспертизы. *Внесудебная* экс-

1. Ученые не смогли доказать наличие экстремизма в «Бхагавад-гите как она есть» // Globalsib.com. – 19 августа 2011. URL: <http://globalsib.com/11485/> (дата обращения 28.02.2013).

2. Дело Бхагавад-Пити // Запрещенное искусство. 2011. URL : http://artprotest.org/index.php?option=com_content&view=article&id=2838&catid=2011-03-04-14-58-14=&Itemid=4&ordering2=4 (дата обращения 28.02.2013)

пертиза практически не изучена. Это приводит к правовым коллизиям в законодательстве Российской Федерации и спорным ситуациям в юридической практике.

Так, например, правовой статус судебного эксперта закреплен ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в соответствии с которой должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее специальное экспертное образование.

Определение уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень профессиональной подготовки экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет.

Между тем, правовой статус эксперта исследования, проводимого во внесудебном порядке (например, по запросу прокуратуры), в законодательстве не определен вовсе.

Обратимся к самому понятию «эксперт». В науке, в том числе в гуманитарных науках, экспертом часто называют любого информанта, к которому обращаются за советом или суждением по какой-либо конкретной проблеме, либо добровольно высказывающего свое мнение по публично сформулированному вопросу (например, в пространстве Интернета). Так, например, в социологии это называется «методом экспертных оценок» и подразумевает под собой нечто такое, что фактически

безгранично расширяет понятие «эксперта». Это может, в частности, приводить к смешиванию понятий «экспертиза» и «репрезентативный опрос», в то время как разница между этими понятиями в отношении личности опрашиваемого чрезвычайно велика: в экспертной деятельности респондентом выступает носитель специального знания, что подразумевает наличие профессионального образования и определенного профессионального опыта, а в опросах респондентами выступают чаще всего случайные люди, а результат опроса – репрезентативное мнение, продукт комплексной оценки мнений. Так, экспертное мнение принято считать объективным, более глубоким и объемным, чем мнение среднего информанта¹.

Исследователи Д.А. Леонтьев и Г.В. Иванченко полагают, что в специальной российской литературе последних лет фигура эксперта принимает практически сакральный характер. В качестве примера приводится цитата из книги В.Н. Ярской «Методология конструирующей экспертизы: Из опыта работы эксперта»: «Эксперт – это хороший аналитик, подлинный ученый-исследователь, блестящий администратор <...> искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом и научном пространстве, настоящий ас среди родственных профессионалов»². По мнению Леонтьева и Иванченко, в российском сознании эксперт стоит выше профессионала³. Специализированные словари по экспертной деятельности указывают несколько основных признаков, позволяющих считать человека экспертом. Это, прежде всего, стаж профессиональной деятельности, сложность профессиональной деятельности, разносторонность профессиональной деятельности и ее успешность. Эксперт должен быть компетентен в своей предметной сфере, его область компетенции должна быть близка к объекту экспертизы, хотя и не обязана быть точно той, в которой задается вопрос. Обязательным, безусловно, является высшее образо-

1. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл / М.: Смысл, 2008. С. 33.

2. Ярская В.Н. Методология конструирующей экспертизы: Из опыта работы эксперта // Современное российское общество: Власть экспертизы: Межвуз. научн. сб. / Саратов: Изд-во Саратовского мед. ун-та, 2003. С. 8.

3. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл / М.: Смысл, 2008. С. 37

вание эксперта (в данном случае – религиоведческое образование), желательными – подтверждение квалификации степенью кандидата наук и выше и опыт участия в проведении междисциплинарных исследований.

Например, безусловно, желательным можно считать привлечение специалиста по протестантизму в процесс экспертирования религиозной организации протестантского толка, или специалиста по новым религиозным движениям для экспертирования например религиозной организации Свидетелей Иеговы. Узкая специализация ученого предполагает наличие у него большего объема специальных знаний, необходимых для данного конкретного экспертного исследования.

Тем не менее, не каждый человек, даже специалист высокой квалификации, способен к необходимым обобщениям, уточнениям, конкретизациям, правильному выстраиванию причинно-следственных связей. Одна из основных задач в этом смысле – организация мышления эксперта, а для этого необходимо учитывать специфику предмета, который подлежит экспертизе. Религиоведение, как и любая другая гуманитарная наука, имеет ряд особенностей, пониманием которых должен владеть специалист-религиовед.

Так, например, специалист-религиовед знает, что сознание верующего человека склонно к суггестии – некритическому восприятию собственных идей как истинных; это характерно для подавляющего большинства религиозных традиций. «Суггестивная компонента» в религиозных текстах является доминирующей по отношению к информационной по психологическим причинам, – верующему психологически трудно воздержаться и не сказать, что его вера истинная или правая, а прочие верования – не правые и не истинные.

В случае если экспертиза проводится без участия религиоведа, зачастую высказывания о «неправильности» других религий воспринимается экспертами как разжигание ненависти и вражды, а также пропаганда религиозного превосходства, что, на практике приводит к судебным процессам о признании данных текстом экстремистскими. Например, в тексте экс-

пертного заключения по учению «Свидетелей Иеговы», проведенного в 2000 году, эксперты сравнивают эмоциональную атмосферу религиозных текстов (например, статей из журнала «Сторожевая башня») с эмоциональной атмосферой торговой или политической рекламы и служебного устава. Вот цитата: «В сравнении с рекламой, [в текстах «Свидетелей Иеговы»] повышен тонус фаталистической обреченности человека перед лицом вселенского зла; в сравнении со служебными уставами, повышен уровень страха, внушаемого возможным неисполнением инструкций»¹.

Подобный подход вызовет недоумение у любого религиоведа, но данная комплексная экспертиза проводилась двумя филологами, психологом и историком, и в своих положениях является довольно типичной среди других подобных экспертиз. Не обладая необходимыми специальными религиоведческими знаниями в силу специфики своего образования, эксперты прибегают к таким средствам, как, например, сравнение неизвестной религиозной организации с общеизвестной, например Русской Православной Церковью. Вот еще одна цитата: «К числу общественных институтов, отвергаемых «Свидетелями Иеговы», относится и христианская церковь, за которой, в лице православия, российской Федеральным закон «О свободе совести и религиозных объединениях» <...> признает особую исторически созидательную роль»². Или такая цитата: «Дисциплина, требующая, согласно текстам сообщества, безапелляционного послушания и детально контролирующая выполнение нормированных обязательств и пр., также не является типичной для традиционных (согласно общественным представлениям, правосознанию, науке и Федеральному закону) религий»³. Эксперты не находят лучшего выхода, чем просто взять то, что уже «разрешено» и сравнить с этим предмет своего исследования. Такой подход не может считаться ни научным, ни юридически правомерным.

1. Личный архив автора. Комплексное экспертное заключение по учению «Свидетелей Иеговы» по гражданскому делу 2-452/99 (Головинский межмуниципальный суд САО г. Москва, 4 октября 2000 г.

2. Там же, С.95

3. Там же, С. 97

От эксперта, принимающего участие в комплексной религиозоведческой экспертизе, требуется способность делать выводы в более широком контексте, чем это традиционно принято в научной среде. Исходя из этого, было бы целесообразным, чтобы эксперт мог пройти соответствующую подготовку, по окончании которой выдавался бы специальный сертификат. Подобная практика существует в Центрах судебной экспертизы; так, например, в Российском Федеральном центре судебной экспертизы (РФЦСЭ) сертификацию проводят специализированные лаборатории внутри Центра судебной экспертизы — экспертов-лингвистов готовят в лингвистической лаборатории, экспертов-психологов — в лаборатории психологии и так далее. По окончании стажировки выдается сертификат, который требует подтверждения прохождением аттестации раз в 3-5 лет.

Несмотря на то, что религиозоведческая экспертиза является важнейшим аспектом в области государственно-конфессиональных отношений, какой-либо подготовки эксперта-религиоведа попросту не существует. Поэтому пока в качестве экспертов выступают ученые-религиоведы, не прошедшие экспертной аттестации и не имеющие соответствующего сертификата, что, безусловно, не способствует успешному развитию практики проведения религиозоведческой экспертизы.

Более того, на данный момент не существует ни одной религиозоведческой лаборатории в российских центрах судебной экспертизы, что создает определенные сложности в проведении экспертиз по подобным текстам.

От медицинской и психиатрической экспертиз требуют строгого соответствия определенным методическим стандартам. В религиозоведческой экспертизе, как правило, специалист используется только как эрудит в соответствующей области¹. При этом, поскольку законодательно не определены требования к эксперту-религиоведу, данного рода экспертизу проводят люди не только не имеющие ученой степени и научных трудов по данной тематике, но порой и высшего образования.

1. Тихонравов Ю.В. О методике религиозоведческой экспертизы. // Религия и право. – 1999. № 2. С. 25

В этой связи, по нашему мнению, при определении правового статуса эксперта религиоведческой экспертизы необходимо обязательное законодательное закрепление образовательного ценза и уровня профессиональной подготовленности.

Представляется необходимым законодательно закрепить следующий детальный перечень требований к экспертам:

- в качестве эксперта по проведению религиоведческой экспертизы должен выступать специалист, имеющий высшее светское образование по научному религиоведению и ученую степень, стаж работы по специальности не менее 5 лет, обладающий научными и (или) практическими познаниями по рассматриваемому вопросу по соответствующим направлениям науки;
- в качестве эксперта не имеет право выступать священнослужитель, представитель какой-либо конфессии, гражданин, состоящий в трудовых или иных договорных отношениях с какой-либо религиозной организацией.

Актуальным остается вопрос и о конкретизации требований к содержанию религиоведческой экспертизы и порядку проведения. Необходимо обратить внимание на следующее. П. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержит в себе прямой запрет на постановку перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, а именно: «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды». Однако,

несмотря на этот прямой запрет, до сегодняшнего дня на практике данные вопросы продолжают ставиться перед экспертами и специалистами, как при назначении судебных экспертиз, так и при проведении внесудебных исследований.

В этой связи представляется необходимым в действующем законодательстве детально закрепить следующие требования:

- 1.** требование об указании сведений об экспертах – фамилия, имя, отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, стаж экспертной деятельности;
- 2.** требования к последовательности и этапам производства религиозоведческой экспертизы;
- 3.** требования к используемым научным инструментариям; обязательное указание научных методов;
- 4.** требования к используемой терминологии;
- 5.** разграничение вопросов в рамках религиозоведческой экспертизы по предметно-профессиональному принципу.

Заключение религиозоведческой экспертизы должно основываться на полном, всестороннем и объективном исследовании объектов экспертизы, следовательно, выводы сделанные экспертами должны быть обоснованы в процессе проведения экспертной работы.

Между тем, какая-либо ответственность специалиста в рамках проведения внесудебной экспертизы за необоснованность и фальсификацию выводов заключения религиозоведческой экспертизы не предусмотрена, что, по мнению автора, является существенным пробелом в законодательстве.

Основополагающими принципами любой экспертизы, в том числе и религиозоведческой, являются принцип независимости и принцип объективности.

Принцип независимости эксперта при проведении религиозоведческой экспертизы подразумевает личную незаинтересованность эксперта в результате исследования. Эксперт должен быть в первую очередь нейтрален в смысле мировоззрения, толерантен и обязан руководствоваться в своей деятельности

только научными знаниями и правовыми нормами, регулирующими данную сферу общественных отношений. В противном случае оценка религиозных материалов при проведении экспертизы вместо научной обоснованности может иметь предвзятый неадекватный характер, окрашенный конфессиональной ангажированностью. Немаловажным условием независимости эксперта является тот факт, что никто не вправе оказывать воздействие на эксперта с целью склонения его к даче определенного заключения.

Принцип объективности, в свою очередь, предполагает использование экспертом объективных методов и средств исследования, полное отсутствие субъективизма при формировании выводов по результатам исследования. Любое экспертное исследование должно проводиться строго на научной и/или практической основе соответствующей современному уровню развития конкретной области знаний¹. Объективность является неотъемлемым элементом всякой экспертизы и напрямую зависит от независимости проведения экспертизы.

В соответствии с данным принципом любая информация, содержащаяся в исследовании, должна быть получена и интерпретирована экспертом исключительно путем применения научно обоснованных и верифицированных методов. Для этого должны существовать различного рода методики, разрабатываемые научно-исследовательскими структурами и самими экспертами, имеющими большой опыт работы в конкретных областях. Каких-либо методик, разработанных в области проведения религиозоведческих экспертиз, на сегодняшний день не существует, что является существенным пробелом в проведении данного рода экспертизы.

Исследуя экспертные заключения, вынесенные экспертами-религиоведами, следует отметить, что в последнее время особую значимость приобретает категориальный аппарат, применяемый в экспертизе. Из него должны быть исключены термины, оскорбляющие религиозные взгляды и чувства ве-

1. Нестеров А.В. Основы экспертной деятельности [Текст]: учеб. пособие /А.В. Нестеров; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. С. 2

рующих, независимо от их конфессиональной принадлежности. Кроме того, следует иметь в виду, что Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) вводит в оборот такие понятия как «религиозная группа», «религиозная организация», «местная религиозная организация», «централизованная религиозная организация».

Применение в религиоведческих экспертизах понятий «тоталитарная секта» или «деструктивный культ» можно расценивать как отступление от объективности и непредвзятости – необходимых условий честного и квалифицированного суждения о религиозном объединении¹. Важно подчеркнуть, что термин «секта» вообще не встречается в действующем законодательстве. Кроме того, в силу исторически сложившейся практики и российской культурной традиции, термин «секта» воспринимается в России менее нейтрально и терпимо, нежели, например, в Европе; этот термин, по сути, имеет оскорбительный оттенок². Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации в своем Решении от 12 февраля 1996 года № 4 (138) прямо указала, что данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет, безусловно, негативную смысловую нагрузку и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих³. На некорректность употребления термина «секта» в официальных документах указывают и известные ученые-филологи⁴. Данный термин является идеологическим.

Термин «деструктивный культ» вообще не может отражать сущность религиозных феноменов. Во-первых, истории и современности известны достаточно активные религиозные об-

1. Кантеров И.Я. Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики. // Религия и право. – 2004. - № 1. С. 12

2. Пчелинцев А.В. Конституционное право граждан на свободу вероисповедания и проблемы его реализации в Российской Федерации. // Свобода религии и убеждений: основные принципы. Под ред.: Торе Линдхольма, Кола Дурэма и Бахи Тахзиб-Ли. М.: НИЧУ «Институт религии и права», Центр по изучению религии и права Университета Бригма Янга, ТЦ Юнеско, 2010. С. 621

3. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский, С.В. Чугунов; под общ. ред. А. В. Пчелинцева, - 3-е изд., испр. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. С. 914.
Нестеров А.В. Основы экспертной деятельности [Текст]: учеб. пособие /А.В. Нестеров; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. С. 22

4. Николаев А.А. О понятии «секта» // Религия и право, 1999. № 2. С. 23

разования, которые отрицают какой бы то ни было «культ». Во-вторых, установка на «разрушение» встречается в религиозной жизни чрезвычайно редко; напротив, наибольшая общественная опасность чаще всего связана именно с созидательной установкой, вопрос лишь в том, что создается¹.

Также на результаты исследования влияет инерция мышления экспертов, устойчивая привычка к мировоззренческой комфортности, одномерные оценки многообразия религиозных образований, их вероучений и обрядовой практики, организационных форм. Перечисленные изъяны проявляются главным образом в оценках вероисповеданий и обрядов религиозных объединений через призму какой-то одной религиозной традиции, которая берется в качестве «образца», «стандарта» религиозной организации. В таком качестве чаще всего выступает иудео-христианская традиция, для которой характерны вера в существование Бога-Творца, персонифицированного существа, отдельного и отличного человека, а также то, что молитв этому Богу является высшей формой человеческой деятельности. Руководствуясь этими критериями, некоторые религиоведы не считают «религиозными» те организации, которые не отвечающие этим критериям².

Экспертиза деятельности религиозных организаций: зарубежный опыт

Судебная религиоведческая экспертиза

Одна из основных проблем в сфере свободы вероисповедания стала проблема, связанная с субъективными оценками легитимности тех или иных религиозных убеждений и вызываемыми этими оценками последствий.

Несомненно, учитывая, такую современную угрозу обществу, как религиозно-мотивированный экстремизм и терроризм реальная потребность в научной и объективной информации

1. См.: Тихонравов Ю.В. О методике религиоведческой экспертизы. // Религия и право. – 1999. № 2. С. 25
2. Кантеров И.Я. Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики. // Религия и право. – 2004. - № 1. С. 12

о том, или ином религиозном новообразовании бесспорна. Однако при этом использование института экспертизы как карательного инструмента не только противозаконно, но и вредно. В связи с этим следует обратить внимание на практику Европейского суда по правам человека, а также практику различных стран по данной категории дел.

ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что государства не вправе предпринимать содержательное рассмотрение вероучения или организационных особенностей религиозных общин, которые основаны на религиозных убеждениях¹.

В частности, в пунктах 118 и 123 Постановления по делу «Бессарабская Митрополия и другие против Молдовы» и п. 62 Постановления по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» Европейский Суд указал, что обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений².

В п. 47 Постановления по делу «Мануссакис и другие против Греции» Европейский Суд обратил внимание на то, что в соответствии с Европейской конвенцией государство не надделено правом выносить решение о том, каким верованиям можно обучать, а каким нет, поскольку гарантированное Европейской конвенцией право на свободу религии исключает какую-либо свободу действий со стороны государства по определению легитимности религиозных верований или средств, используемых для их выражения³.

В деле Сидиропулос и другие против Греции (Sidiropoulos v. Greece)⁴, Суд установил, что «возможность для граждан создать организацию для осуществления коллективной деятель-

1. Кол Дурем. Роль законодательства о религиозных объединениях в обеспечении свободы религии и убеждений // Свобода религии и убеждений: основные принципы. По ред. Торе Линдхольма, Кола Дурэма и Бахи Тахзиб-Ли. М.: НИЧУ «Институт религии и права», Центр по изучению религии и права Университета Бригма Янга, ТЦ Юнеско. 2010. С.325

2. См. п. п. 118 и 123 Постановления Европейского суда по делу «Бессарабская Митрополитская Церковь [и другие против Молдовы]» и п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (HasanandChaush v. Bulgaria [GC]) по жалобе № 30985/96, ECHR 2000-XI)

3. См.: п. 47 Постановления Европейского суда по делу «Мануссакис и другие [против Греции]»

4. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Сидиропулос и другие против Греции от 10 июля 1998 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.echr-base.ru/Publications/Magazines/vestnik.konstituzia/p10art2171.jsp>

ности в сфере общих интересов является одним из наиболее важных аспектов права на свободу объединения, без которого это право было бы лишено всякого содержания. То, каким образом национальное законодательство воплощает эту свободу и ее практическое применение органами власти, обнаруживает состояние демократии в данной стране. Конечно, государства имеют право убедиться, что цели и деятельность объединения находятся в соответствии с нормами законодательства, однако они должны делать это образом, совместимым с их обязательствами по Конвенции и в согласии с институтами Конвенции».

В решении по делу «Бессарабская Митрополитская Церковь и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia v. Moldova) Европейский суд следующим образом излагает применимые в этой области принципы: «...Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организационных структур, то ст. 9 (Конвенции о защите прав человека и основных свобод. — И.З.) должна интерпретироваться в свете ст.11 Конвенции, которая защищает объединения от неоправданного вмешательства со стороны государства. Рассматриваемое в этой перспективе право верующих на свободу религии, которое включает в себя право выражать свои религиозные убеждения совместно с другими, включает в себя ожидание, что верующим будет позволено свободно создавать ассоциации, не подвергаясь произвольному вмешательству государства. Действительно, автономное существование религиозных общин неотъемлемо от плюрализма, существующего в демократическом обществе и поэтому является вопросом, имеющим ключевое значение для гарантий, предоставляемых ст.9»¹.

В решении по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasanand Chaush v Bulgaria) указывалось: «Суд напоминает, что, помимо исключительных обстоятельств, свобода вероисповедания, защищаемая Конвенцией, предполагает, что Государство не имеет право оценивать, является ли религиозное

1. Постановление Европейского суда по делу «Бессарабская Митрополитская Церковь [и другие против Молдовы]» // Маранов Р.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам о свободе совести. — М.: НП «Славянский правовой центр», 2009. С. 131

верование или средства, используемые для выражения религиозных взглядов, легитимными»¹.

Тем не менее, несмотря на Постановления ЕСПЧ, решения о принудительной ликвидации той или иной религиозной организации, в основу которых зачастую положены экспертные исследования дающие оценку легитимности вероучений путем рассмотрения их через призму соответствия или несоответствия новых религий одной религии так и имеют место быть.

В качестве примера можно привести попытку прокуратуры Хабаровского края ликвидировать местную религиозную организацию, – церковь христиан веры евангельской «Благодать», и запретить ее деятельность на территории Хабаровского края. Несмотря на то, что требования прокуратуры были абсурдны, 27 апреля 2011 г. Хабаровский краевой суд удовлетворил требования прокуратуры (Впоследствии данное решение было отменено ВС РФ).

При этом в обоснование решения было положено так называемое религиозоведческое исследование, о научности которого можно судить по используемой терминологии: *«религиозная организация «Благодать» относится к неопятидесятническому религиозному движению и признается деструктивной религиозной организацией сектантского типа... Методы воздействия на сознание человека, применяемые на религиозных мероприятиях церкви христиан веры евангельской «Благодать» и ей подобных неопятидесятнических сект, несут опасность для психического и физического здоровья граждан и должны расцениваться как психическое насилие»*. Но, ненаучность данной экспертизы суд не только не заметил, но и обосновал выдержками из экспертных заключений свое решение: *«Таким образом, в судебном заседании совокупностью доказательств подтвержден факт того, что со стороны МРО «Благодать» имеются действия, посягающие на личность, права и свободы граждан, а также наносящие ущерб нравственности и здоровью граждан. Данные действия выражаются в использовании МРО «Благо-*

1. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Хасан и Чауш против Болгарии (HasanandChaush v Bulgaria) // Маранов Р.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам о свободе совести. – М.: НП «Славянский правовой центр», 2009. С. 240

дать» методик («Альфа-курс», Тресдиас, инкаунтер, громкая молитва, приводящая к разговору на «иных» языках, ритуалы наложения рук на голову и тело человека «Сошествие Святого Духа»), каждая из которых в отдельности и все вместе содержат в себе элементы внушения, самовнушения, психологического манипулирования, осуществляемых на фоне измененных «трассовых» состояний сознания, то есть воздействуют на психическое состояние граждан. Действиями МРО «Благодать» нанесен ущерб здоровью граждан».

В связи с этим, несомненно, интересным представляется вопрос, есть ли подобные проблемы в других странах мира, провозгласивших приоритет прав человека. Рассмотрим наиболее прецедентные дела.

К таковым относится известное дело Мальнак против Йоги [1979], рассматриваемое в Апелляционном Суде США. В деле решался вопрос о том, являлось ли преподавание в общественных школах курса под названием «Наука творческого разума — трансцендентальная медитация» религиозной деятельностью, нарушающей Первую поправку к Конституции США.

В рамках данного дела, судья Адамс отметил, что, в данном контексте, религия несла то же значение, что и в пункте Конституции о свободе вероисповедания. Он противопоставил старые авторитетные источники права (такие, как решение Верховного Суда по делу «Дэвис против Бисон», 133 США 333 (1890)), которые приняли строго теистическое определение религии, с более современной судебной практикой (включая решения Верховного Суда по делу «США против Сигера», 380 США 163 (1965) и делу «Уэлш против США», 398 США 333 (1970)), которые сдвинулись в направлении более широкого подхода в признании того факта, что следование традиционному определению будет означать отрицание религиозной принадлежности конфессий, которым следуют миллионы американцев.

Судья Адамс отметил, что, хотя от старого определения уже успели отречься, еще не успело сформироваться новое определение. Вместо этого, суды продолжали выносить решения

на основе процесса аналогии, взяв знакомые им религии в качестве модели, чтобы путем сравнения удостовериться, служит ли новая система убеждений тем же целям, что и бесспорные и признанные религии. Он заметил, тем не менее, что сделать вывод «по аналогии» о том, что конкретная группа идей имеет религиозную природу – это одно; объяснить, какие именно признаки нужно брать в расчет для проведения такой аналогии и ее обоснования – совсем другое дело. **Он обозначил три таких признака:**

- система убеждений должна касаться самых важных вопросов человеческого существования: значение жизни и смерти, роль человечества во вселенной, надлежащий моральный кодекс о добре и зле;
- система убеждений должна быть всесторонней, в том смысле, что она предоставляет всеобъемлющий набор убеждений в ответ на самые важные вопросы;
- обязательное существование внешних признаков того, что данная система убеждений имеет природу, относящую ее к определенной группе, благодаря чему ее можно сравнить с признанными религиями. Такие признаки могут включать в себя формальные службы, церемониальные функции, существование духовенства, структура и организация, а также попытки распространять веру.

При этом, следует отметить, что данные признаки были названы не с целью считать их итоговым критерием религии. Скорее, они были отличительными чертами, обычно свойственными признанным религиям.

Между тем, подобные действия судьи вызвали серьезную критику. Так, профессор Сара Барринджер Гордон указала на них в труде *Дух Закона: религиозные голоса и Конституция в современной Америке (2010)*, где она отметила, что «он наделил судебную систему чрезвычайными полномочиями решать, где начинается религия и заканчивается светская жизнь» и создал такую неопределенность, что категория религии потеряла стабильность.

Признаки, предложенные судьей Адамсом, также подверглись критическому анализу в решении Верховного Суда Австралии по делу Церковь Новой Веры против Комиссара по налогу на заработную плату (Виктория) [1983]. Истцом в деле выступала Церковь Саентологии. Дело было поднято в связи с Законом штата Виктория 1971 года о налоге на зарплату. Зарплата, выплачиваемая религиозным учреждением, была освобождена от налога, установленного данным Законом. Вопрос, рассмотренный Верховным Судом, как было сформулировано в решениях заместителя старшего судьи Мейсона и судьи Бреннана, был поставлен так: «надлежит ли характеризовать в качестве религии те убеждения, практики и обряды, которые, как было установлено из письменных свидетельств и устных показаний, являются набором убеждений, практик и обрядов, принятых саентологами». Суд утвердил, что надлежит. Было вынесено три судебных решения, которые установили в некоторой степени различные пути, ведущие к одному и тому же заключению.

Заместитель старшего судьи Мейсон и судья Бреннан высказали позицию, что, учитывая, что свобода религии в равной степени распространяется на всех, разнообразие религиозных убеждений, попадающих в область, охваченную правовым иммунитетом, неограниченно. Не может существовать никакого приемлемого вида дискриминации между учреждениями, заимствовавшими свои признаки у религий, признанных общественным большинством в качестве религий, и учреждениями, заимствовавшими свои признаки у религий, не обладающих общим признанием. С другой стороны, было отмечено, что мантия иммунитета скоро изорвется в клочья, если оборачивать ею убеждения, практики и обряды любого рода, когда группа приверженцев решит назвать их религией», и что была необходимость в определении более объективного критерия. Такой критерий должен был быть найден в числе признаков, проявляемых признанными религиями.

В результате судьи пришли к следующему выводу: «Таким образом, мы полагаем, что для целей закона, у религии есть

двойкий критерий: во-первых, вера в сверхъестественное Существо, Вещь или Первопричину; и, во-вторых, принятие канонического поведения с целью претворения этой веры в жизнь, хотя в то же время каноны поведения, которые нарушают обыкновенные законы, находятся вне пределов какого-либо иммунитета, привилегий или прав, предоставляемых на основании религии».

Суд также рассмотрел критерий, выдвинутый судьей Адамсом, и отклонил прошение истцов о применении предложенных им признаков. Судьи были критичны по отношению к первому из его признаков, т.е. тому, что убеждения касаются самых основных вопросов, поскольку они сказали, что если приписывать религиозный характер чьим-то взглядам, ссылаясь на те вопросы, которых касаются эти взгляды, вместо того, чтобы сослаться на проповедуемые ответы, значило бы расширить концепцию религии за пределы ее действительной области. Такой подход вполне мог распространиться на категорию философий религиозных верований, которые отказались называться религиями и которые отрицали или были безмолвны о существовании какого-либо сверхъестественного Существа, Вещи или Первопричины. Вторым критерием, т.е. всесторонность, имел погрешность, поскольку, хотя набор религиозных идей зачастую бывает всесторонним, религия не обязательно должна содержать ответы на все фундаментальные вопросы. Третий из предложенных признаков, т.е. существование ритуалов и т.п., также содержал погрешность, поскольку ритуалы могут быть по своей природе религиозными, а могут и не быть.

На основании свидетельств судьи пришли к заключению о том, что вера в Верховное Существо являлась составной частью Саентологии, хотя Саентология и не содержит доктрины, которая давала бы точное описание концепции Верховного Существа; и что приверженцы Саентологии принимают и следуют ее практикам и обрядам, поскольку они познают себя, претворяя свои верования в жизнь. Таким образом, Саентология соответствовала двум критериям, которые они обозначили.

При этом Судья Мерфи, сделал упор на том, что дискриминация по принципу религии, исходящая от государственных служащих или судей, неприемлема в свободном обществе. Подход, который он предпочитал, заключался в том, чтобы установить, что было бы достаточно, даже если и не обязательно, сделать для того, чтобы вписать группу, заявляющую о своей религиозной природе, в категорию религий. Некоторые заявления о религиозности могли быть обманом, но к такому выводу можно было бы прийти только в крайнем случае. Он считал, что любая группа, заявляющая о своей религиозной натуре, которая верит в сверхъестественное Существо или Существа, будь то нечто физическое и видимое глазу или же невидимый бог или дух, или же абстрактный бог или сущность, является религиозной; и любая группа, заявляющая о своей религиозной натуре и предлагающая путь к нахождению смысла и цели жизни, является религиозной.

Судьи Уилсон и Дин подчеркнули, что не существует единой характеристики, на основании которой можно было установить сформулированный правовой критерий для определения того, составляет ли определенная система идей и практик религию. Самое большее, что можно было сделать, по их мнению, это сформулировать наиболее важные из признаков или руководящих принципов, придерживаясь которых, можно было бы ответить на данный вопрос. Эти признаки должны были быть получены эмпирическим путем, как признанные религии. Они были подвержены изменениям в зависимости от перемен социальных условий, и относительная важность того или иного из них могла варьироваться от случая к случаю. Они заметили, что, в силу обстоятельств, то поле, в которое они продолжали углубляться, являлось скорее областью сравнительного религиозоведения, нежели права.

Таким образом, они определили следующие важные признаки религии:

- отдельно взятая совокупность идей и/или практик включает в себя веру в сверхъестественное, то есть веру в то, что реальность простирается за рамки того, что

можно постичь через восприятия органов чувств. Если этот фактор отсутствует, то маловероятно наличие «религии»;

- другим признаком является то, что идеи касаются природы человека и его места во вселенной и его связи со сверхъестественным;
- третий признак – то, что приверженцы принимают эти идеи как нечто обязательное или то, что подвигает их на соблюдение определенных стандартов или кодексов поведения, или на участие в особых практиках, имеющих сверхъестественный смысл;
- признаком также является то, что, как бы мало общего и как много различий не было между приверженцами, они вместе составляют группу или группы, обладающие общими опознавательными признаками;
- наиболее противоречивый признак – то, что сами приверженцы видят, что данная совокупность идей и/или практик составляет религию.

В данном деле судьи посчитали, что Саентология удовлетворяет всем пяти признакам, которые они обозначили.

В Решении Верховного Суда Соединенного Королевства по делу (по ходатайству Ходкин и других) (Истцы) против Генерального регистратора (Ответчик) было отмечено, что в английском праве никогда не существовало универсального юридического определения религии, и многолетний опыт, наработанный в той части мира, где действует обычное право, продемонстрировал ловушки, в которые можно попасть при попытке придать данному слову узко ограниченное определение. Тому есть несколько причин: различный контекст, в котором может быть поднят данный вопрос, разнообразие мировых религий, развитие новых религий и религиозных практик, а также изменения в общем понимании концепции религии в связи с культурными переменами в обществе.

Как было отмечено в данном Решении: «понятие религии не должно быть ограничено религиями, признающими верховное божество, если только в рамках конкретного контекста

не существует веской причины утверждать обратное. В первую очередь, такое утверждение было бы формой дискриминации по религиозному признаку, неприемлемой в сегодняшнем обществе. Буддизм был бы исключен, равно как и другие религии, такие, как джайнизм, даосизм, теософия и частично индуизм... Ограничение понятия религии категорией религий, содержащих веру в «верховное божество», ведет в затруднительную теологическую область. По свидетельству Миссис Уилкс, саентологи действительно верят в своего рода верховное божество, но на абстрактной и безличной основе. Идеи о природе Бога — предмет теологических дебатов...

Как отметил в данном решении Лорд Тулсон, саентология подпадает под определение религии, но ее часовню невозможно зарегистрировать согласно Закону о регистрации мест богослужения (далее, ЗРМБ), потому что ее службы не включают в себя того типа поклонения, который Апелляционный Суд по делу Седжердаля посчитал принципиально значимым, как результат, саентологи нигде не будут иметь возможности заключать браки в той форме, которая включала бы их церемонию бракосочетания. Служба могла бы проводиться в их часовне, но она не имела бы юридической силы, и они также могли бы провести светскую церемонию бракосочетания в их «одобренном помещении», согласно секции 26(1)(bb) Закона о браках, но это не могло бы включать никакую форму религиозной службы из-за ограничения, установленного секцией 46B(4). Они, таким образом, окажутся под двойным ограничением прав, которого не испытали атеисты, агностики и большинство религиозных групп. Это было бы нелогичностью, дискриминацией и несправедливостью. Когда Парламент ввел ограничения на использование любого типа «религиозной службы» в одобренных помещениях, согласно секции 46B(4), это могло быть сделано только на основании предположения о том, что любая религиозная церемония бракосочетания могла законно осуществляться в месте собрания для религиозных служб, зарегистрированном согласно ЗРМБ».

В связи с чем, Лорд Тулсон предложил отменить решение по делу Седжердаля; удовлетворить апелляцию; объявить, что часовня по адресу улица Королевы Виктории 146 является местом собраний для религиозного богослужения, по определению секции 2 ЗРМБ; и приказать Генеральному регистратору зарегистрировать данную часовню согласно секции 3 ЗРМБ и как место осуществления бракосочетаний согласно секции 41(1) Закона о браках. Тем самым суд встал на защиту свободы совести.

Государственная экспертиза деятельности религиозных организаций

В контексте задачи совершенствования законодательства Российской Федерации о государственной религиоведческой экспертизе и совершенствования самого института указанной экспертизы представляет интерес зарубежный опыт правового регулирования и реализации такого рода деятельности.

Испания

В соответствии со статьей 5 Органического Закона Испании «О свободе религии» № 7/1980 от 5 июля 1980 года¹, церкви, религиозные организации и религиозные объединения в Испании имеют статус юридического лица и регистрируются в соответственном государственном реестре, создаваемом Министерством юстиции. Такая регистрация осуществляется в соответствии с подаваемым религиозной организацией заявлением и прилагаемыми к ней документами, подтверждающими их учреждение на территории Испании, содержащими указание их религиозных целей, а также наименование и иные требующиеся идентификационные данные. Отмена же статуса зарегистрированной религиозной организации может быть осуществлена в соответствии с постановлением судебного органа или посредством подачи заявления представительных органов самой религиозной организации.

1. 1. Ley Orgánica № 7/1980, de 5 de juliode 1980, de libertad religiosa // <http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo7-1980.html> (дата обращения: 09.12.2016)

Часть 2 статьи 3 Королевского Декрета Испании № 142/1981 «Об организации и функционировании Реестра религиозных организаций» от 9 января 1980 года устанавливает перечень данных, которые должны предоставляться религиозной организацией для получения соответствующей регистрации, к которой относится, в том числе, указание религиозных целей¹, которые не должны быть связаны с изучением психологических и парапсихологических явлений и проведением экспериментов в данной области, распространением гуманистических и духовных ценностей, как это устанавливает часть 2 статьи 3 Органического Закона Испании «О свободе религии» № 7/1980 от 5 июля 1980 года².

Регистрация осуществляется министром юстиции, предоставляя при этом информацию по запросу Консультативного комитета по свободе вероисповедания, как это устанавливает часть 1 статьи 4 Королевского Декрета Испании № 142/1981 «Об организации и функционировании Реестра религиозных организаций» от 9 января 1980 года³.

Статья 2 Королевского Декрета Испании № 1159/2001 «О Консультативном комитете свободы вероисповедания» от 26 октября 2001 г.⁴ устанавливает, что в полномочия Консультативного комитета по свободе вероисповедания входит изучение, предоставление информации и предложений по всем вопросам, связанным с применением Органического Закона Испании «О свободе религии» № 7/1980 от 5 июля 1980 года.

Соответственно, в Испании государственная экспертиза деятельности религиозных организаций производится Консультативным комитетом по свободе вероисповедания.

1. 1. Real Decreto № 142/1981, de 9 de enero de 1981, sobre organización y funcionamiento del Registro de Entidades Religiosas // <http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/rd142-1981.html> (дата обращения: 09.12.2016)

2. 2. Ley Orgánica № 7/1980, de 5 de julio de 1980, de libertad religiosa // <http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo7-1980.html> (дата обращения: 09.12.2016)

3. 3. Real Decreto № 142/1981, de 9 de enero de 1981, sobre organización y funcionamiento del Registro de Entidades Religiosas // <http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/rd142-1981.html> (дата обращения: 09.12.2016)

4. 4. Real Decreto № 1159/2001, de 26 de octubre de 2001, por el que se regula la Comisión Asesora de Libertad Religiosa // <http://www.mjusticia.gob.es/cs/Satellite/es/1215197982464/Estructura_P/1288781258450/Detalle.html> (дата обращения: 09.12.2016)

Италия

В соответствии со статьей 1 Закона Италии № 1159 от 24 июня 1929 г. (с последующими изменениями)¹, допускается на территории Испании осуществление деятельности учреждений религиозного культа, исповедующих религию, отличную от католической апостольской римской религии, при условии, что они не исповедуют принципы и не практикуют обряды, противоречащие морали и нарушающие общественный порядок.

Статья 2 указанного Закона устанавливает, что такие учреждения религиозного культа могут учреждаться в виде юридических лиц посредством издания указов Президента Италии по предложению министра внутренних дел Италии с учетом мнения Государственного Совета и Совета министров Италии. Специальные положения, касающиеся осуществления надзора и контроля со стороны государства за деятельностью таких учреждений религиозного культа могут содержаться в указе Президента Италии об учреждении юридического лица².

Таким образом, государственная экспертиза деятельности религиозных организаций в Италии производится перед их регистрацией министром внутренних дел частично с привлечением Государственного Совета и Совета министров Италии. Порядок дальнейшего контроля со стороны государства за деятельностью таких организаций может определяться в отношении каждой религиозной организации, являющейся юридическим лицом, отдельно.

Португалия

Статья 20 Закона Португалии № 16/2001 «О свободе вероисповедания» от 22 июня 2001 года³ устанавливает, что церкви и религиозные объединения представляют собой организованные долговременные общественные объединения, в которых верующие могут достигать выполнения необходимых религи-

1. 1. Legge 24 giugno 1929, № 1159 // <http://www.interno.gov.it/mininterno/site/it/sezioni/servizi/legislazione/religioni/legislazione_500.html> (дата обращения: 09.12.2016)

2. 2. Legge 24 giugno 1929, № 1159 // <http://www.interno.gov.it/mininterno/site/it/sezioni/servizi/legislazione/religioni/legislazione_500.html> (дата обращения: 09.12.2016)

3. 3. Lei № 16/2001 de 22 de Junho de 2001 da Liberdade Religiosa // Diário da República. – № 143. – 22.06.2001. <http://www.fct.unl.pt/sites/default/files/documentos/estudante/informacao_academica/Liberdade_Religiosa_2001.pdf> (дата обращения: 09.12.2016)

озных целей. В соответствии с частью 1 статьи 21 под религиозными целями понимаются, независимо от того, что само религиозное объединение устанавливает в качестве религиозных целей, те цели, которые подразумевают осуществление актов богослужения или поклонения и совершение обрядов, предоставление религиозной поддержки, подготовку служителей культа, осуществление миссионерской деятельности и распространения исповедуемой религии и религиозное образование.

Часть 2 статьи 21 Закона Португалии № 16/2001 «О свободе вероисповедания» гласит, что деятельность церквей и религиозных объединений, осуществляемая с нерелигиозными целями, подлежит соответствующему налогообложению¹.

В соответствии со статьей 33 Закона Португалии № 16/2001 «О свободе вероисповедания» церкви и религиозные объединения Португалии вправе получить статус юридического лица посредством регистрации в реестре юридических лиц, при этом заявление на регистрацию в реестре юридических лиц предоставляется в соответствующий орган публичной власти и должно сопровождаться иными документами, к которым относятся, в частности, устав этой организации, перечень религиозных целей, а также иные документы (как это устанавливает статья 34).

Статья 37 Закона Португалии № 16/2001 «О свободе вероисповедания» касается статуса церквей и религиозных объединений, «обосновавшихся в стране». Такой статус предоставляется зарегистрированному на длительный срок на территории Португалии церкви или религиозному объединению Комитетом по свободе вероисповедания, который учитывает количество верующих и историю осуществления деятельности на территории Португалии этой церкви или религиозного объединения.

Комитет по свободе вероисповедания является независимым консультативным органом Парламента и Правительства Португалии, как это устанавливает статья 52 Закона Португалии № 16/2001 «О свободе вероисповедания». Именно Комитет по свободе вероисповедания предоставляет заключения

1. 1. Lei № 16/2001 de 22 de Junho de 2001 da Liberdade Religiosa // Diário da República. – № 143. – 22.06.2001. <http://www.fct.unl.pt/sites/default/files/documentos/estudante/informacao_academica/Liberdade_Religiosa_2001.pdf> (дата обращения: 09.12.2016)

в реестр религиозных объединений относительно регистрации в нем того или иного религиозного объединения или церкви и, соответственно, осуществляет своего рода государственную экспертизу деятельности религиозных организаций, в соответствии со статьей 54 Закона Португалии № 16/2001 «О свободе вероисповедания»¹.

Таким образом, исследуемая практика мировых держав свидетельствует о том, что вопросы, связанные с попытками разрешения возможности отнесения к религии того или иного вероучения существуют и в других странах, но при этом вопрос о легитимности той или иной религии не ставится. Ни в одной из стран исследование того или иного религиозного объединения не используется заведомо как карательный механизм с целью искоренения той или иной религии.

В заключение хотелось бы повторить, что проблема религиозной экспертизы является, несомненно, актуальной. Сам многоконфессиональный характер российского общества предполагает существование различных религиозных организаций, однако не всегда декларируемые ими цели совпадают с реальной практикой. В подобных координатах, институт религиозной экспертизы является одним из необходимых средств регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций. Научно обоснованная, объективная религиозная экспертиза может, с одной стороны, являться важным фактором профилактики религиозно мотивированного экстремизма и защитить общество от неблагоприятных последствий, которые может нести в себе то или иное религиозное движение; с другой стороны, она может защитить религиозные организации от необоснованных обвинений.

1. 1. Lei № 16/2001 de 22 de Junho de 2001 da Liberdade Religiosa // Diário da República. – № 143. – 22.06.2001. <http://www.fct.unl.pt/sjtes/default/files/documentos/estudante/informacao_academica/Liberdade_Religiosa_2001.pdf> (дата обращения: 09.12.2016)

ПРАВО НА РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Право на религиозное образование является неотъемлемой частью свободы вероисповедания, гарантированной как нормами международного права, так и нормами российского законодательства.

Так, в соответствии со статьей 6 Декларации о ликвидации всех форм дискриминации на основе религии или убеждений гарантируется, в том числе, свобода «вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этих целей».

Согласно статье 2 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям».

Более детальная регламентация религиозного образования установлена на уровне Федерального закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

В соответствии со статьей 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»:

- 1.** Каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими.
- 2.** Воспитание и образование детей осуществляются родителями или лицами, их заменяющими, с учетом

права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания.

- 3.** Религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации.
- 4.** По письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.
- 5.** Религиозные объединения вправе осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в формах, определяемых внутренними установлениями религиозных объединений. Обучение религии и религиозное воспитание не являются образовательной деятельностью.

Следует обратить внимание на то, что российское законодательство не дает определения понятия «религиозное образование». Однако, как отмечает профессор Шахов М.О. путем системного толкования положений вышеуказанного закона можно выделить **следующие его виды:**

- 1.** обучение религии и религиозное воспитание детей родителями или лицами, заменяющими их (ст. 5, п. 2 ФЗ «О свободе совести...»);
- 2.** обучение религии и религиозное воспитание последователей религиозного объединения (взрослых или детей; членов, участников религиозного объединения или собирающихся вступить в него);
- 3.** обучение религии и религиозное воспитание в учреждениях религиозными организациями образовательных учреждениях;

4. профессиональное духовное образование будущих священнослужителей и религиозного персонала в духовных образовательных учреждениях¹.

Таким образом, религиозное образование — понятие сложное и многогранное. Можно констатировать, что религиозное образование соотносится с правом на обучение религии и религиозным воспитанием своих последователей как родовое и видовое понятия, как общее и частное.

Анализ норм действующего законодательства о свободе совести позволяет нам выделить следующие права в сфере религиозного образования:

Права граждан:

- Право каждого на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими.
- Право родителей, или лиц, их заменяющих осуществлять воспитание и образование детей по своему усмотрению, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания.

Права религиозного объединения:

- Право религиозной организации в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации (централизованные религиозные организации в соответствии со своими уставами имеют исключительное право создавать духовные образовательные организации для подготовки служителей и религиозного персонала религиозных организаций посредством реализации образовательных программ на основании лицензии на осуществление образовательной деятельности²).
- Право на обучение детей религии в государственных или муниципальных образовательных организациях

1. Подробнее см.: Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. — 2-е изд., доп. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — 528 с.

2. См.: статья 19 Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»

(предусмотрен строгий порядок согласования: по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы).

- Право религиозных объединения осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Говоря о правоприменительной и судебной практике по данной категории дел, следует отметить искаженное понимание правоприменителями содержания понятий «религиозное образование», «обучение религии», «религиозное воспитание последователей» «духовное образование». Отсутствие в законе четких определений которых неоднократно приводило к нарушению прав верующих и ликвидации религиозных организаций, деятельность которых, по мнению надзорных и судебных органов подпадала под понятие «образование» и осуществлялась без надлежащей лицензии, что и являлось формальным основанием для ликвидации религиозной организации.

Так, например, 20 февраля 2002 г. Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа оставил в силе в последней инстанции решение Арбитражного суда Ярославской области от 20 декабря 2001 г. Указанным решением суда было отказано в удовлетворении заявления прокурора о выдаче предписания с требованием прекратить образовательную деятельность без лицензии в воскресной школе (медресе) Исламской религиозной организации мусульман г. Ярославля. Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа указал на то, что образовательный процесс в медресе не сопровождался итоговой аттестацией и выдачей документа об образовании и, следовательно, не подпадал под действие Закона «Об образовании».

Другой показательный случай с длительными судебными баталиями произошел в Чувашии. 28 мая 2007 г. прокурор г. Новочебоксарска возбудил производство по делу об административном правонарушении в отношении директора религиозная организация «Библейский центр христиан веры евангельской (пятидесятников) Чувашской Республики (далее, Библейский центр) за осуществление образовательной деятельности без специального разрешения (лицензии). 10 июля 2007 г. мировой судья судебного участка N 4 г. Новочебоксарска заслушал обвинение и признал директора виновным в указанном правонарушении.

При этом, суд не принял во внимание довод директора о том, что деятельность Библейского центра не подпадала под определение, содержащееся в Законе «Об образовании», и установил, что определение «не может быть использовано для описания образовательной деятельности, которая проводится в нарушение Закона об образовании». На директора был наложен штраф в размере 10 000 рублей.

31 июля 2007 г. Новочебоксарский городской суд оставил без изменения решение суда первой инстанции, кратко изложив свою позицию, без подробного рассмотрения доводов директора.

По параллельно рассматриваемому делу 10 июля 2007 г. тот же городской суд признал Библейский центр виновным в административном правонарушении, выразившемся в нарушении санитарно-гигиенических норм и правил по всем пунктам, указанным Государственной противопожарной службой и Роспотребнадзором. Городской суд выдал предупреждение.

2 августа 2007 г. Верховный суд Чувашской Республики в краткой форме отклонил жалобу Библейского центра, в которой последний утверждал, что санитарные нормы, обязательные для государственных учебных заведений, неприменимы к воскресной школе и Библейскому колледжу.

28 мая 2007 г. прокурор г. Новочебоксарска подал заявление о ликвидации Библейского центра. В основу его требования были положены результаты двух проведенных проверок,

описанных выше, и утверждение о незаконности образовательной деятельности, проводимой Библейским колледжем и воскресной школой. По его мнению, такая деятельность «нарушала право неопределенного круга лиц на получение образования в условиях, гарантирующих безопасность, улучшение здоровья и возможность противостоять негативному влиянию вредных факторов».

В своем отзыве на заявление прокурора директор Библейского центра утверждал, что центр проводил только религиозное обучение своих последователей и не занимался официальной образовательной деятельностью. Он просил суд отказать в удовлетворении заявления и указывал на то, что суд вправе вынести частное определение об обязанности Библейского центра привести свою деятельность в соответствие с требованиями закона. Он указывал, что в ответ на заявление прокурора Библейским центром были незамедлительно утверждены Правила обучения в форме лекций и семинаров, в которых исключалось использование таких допускающих двоякое толкование терминов, как «колледж», «диплом» и прочие.

Прокурор г. Новочебоксарска принимал участие в судебном заседании 3 августа 2007 г. Отвечая на вопросы директора Библейского центра, он признал, что целью первоначальных проверок было выявление в деятельности Библейского центра признаков экстремизма и что он подал представление о его ликвидации, поскольку «это входит в его компетенцию».

Представитель управления юстиции, принимавший участие в заседании в качестве третьего лица, заявил, что в Чувашской Республике были зарегистрированы 270 религиозных организаций. Когда ее спросили, имелись ли лицензии у этих организаций для их воскресных школ, она ответила, что большинство из них относилось к Православной церкви, что давало им право вести такую деятельность на основании «стандартного православного устава».

3 августа 2007 г. Верховный суд Чувашской Республики принял решение о ликвидации организации-заявителя и ее исключении из Единого государственного реестра юридических лиц.

Изучив документы из архива Средне-Волжского библейского колледжа, суд признал, что частично деятельность колледжа заключалась в проведении одноразовых семинаров и конференций, для чего лицензия не требуется. Тем не менее организационная структура Библейского колледжа, расписание занятий, трудовые договоры с преподавателями, списки студентов и выдаваемые им дипломы стали для Верховного суда очевидным свидетельством того, что колледж осуществлял образовательную деятельность, для ведения которой необходимо специальное разрешение (лицензия). Ни Библейский центр, ни Библейский колледж не были зарегистрированы в качестве образовательных учреждений и не получали лицензий на ведение образовательной деятельности.

Что касается воскресной школы, Верховный суд установил, что содержание и характер религиозного образования среди детей определяются религиозной организацией, которая проводит такое обучение. Вместе с тем материальные условия религиозного образования должны быть совместимы с санитарно-гигиеническими нормами и иными требованиями, предъявляемыми к образовательным учреждениям. Верховный суд решил, что вышеуказанные решения суда от 10 и 31 июля 2007 г., которые получили преюдициальное значение, в достаточной степени доказывают, что Библейский колледж осуществлял образовательную деятельность без требуемой лицензии и что условия, в которых обучались студенты в воскресной школе и Библейском колледже, не соответствовали санитарным стандартам.

Верховный суд постановил, что проводившаяся организацией-заявителем без лицензии образовательная деятельность привела к «грубому длящемуся нарушению» требований Закона «Об образовании» и Закона о религии и, руководствуясь пунктом 2 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и пунктом 1 статьи 14 Закона о религии, принял решение о ликвидации религиозной организации.

16 октября 2007 г. Верховный Суд Российской Федерации, заседаая коллегией из трех отказал Библейскому центру в удов-

летворении кассационной жалобы на решение о ликвидации, отклонив доводы, изложенные в жалобе, без их подробного рассмотрения.

Не добившись в национальных судах защиты своих прав, Библейский центр был вынужден подать жалобу в Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ).

12 июня 2014 г. ЕСПЧ вынес Постановление поданному делу в защиту Библейского центра, в котором указал что,

«право верующих на свободу вероисповедания, которое включает право исповедовать свою религию совместно с другими, охватывает ожидание того, что верующим будет позволено свободно собираться в отсутствие произвольно-го государственного вмешательства. Решение о ликвидации религиозного объединения приравнивается к вмешательству в право на свободу религии в соответствии со статьей 9 Конвенции, истолкованной в свете права на свободу объединения, провозглашенного в статье 11 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Религиозная община «Свидетели Иеговы» в г. Москве против Российской Федерации», §§ 99 – 103, с дополнительными отсылками).

«....»

55. Организация-заявительница учредила Библейский колледж и воскресную школу в 1996 году и беспрепятственно управляла ими более 11 лет. Вопреки утверждениям властей Российской Федерации, не было представлено доказательств – ни во внутригосударственном разбирательстве, ни в Европейском Суде – что в период с 1996 по 2007 год они привлекались к ответственности за какие-либо нарушения или официально информировались о необходимости получения лицензии для осуществления деятельности.

56. Европейский Суд далее отмечает, что федеральный суд еще в 2002 году постановил, что обучение последователей в воскресной школе не относится к сфере действия Закона об образовании и не требует лицензии (см. § 37 настоящего Постановления). Кроме того, во внутригосударственном разбирательстве было заявлено, что в период, относящийся к обстоя-

тельствам дела, другие религиозные организации в Чувашской Республике не имели лицензий на деятельность своих воскресных школ (см. § 24 настоящего Постановления).

«....»

58. Что касается довода властей Российской Федерации о том, что вопрос о наличии иных возможностей, помимо ликвидации организации-заявительницы, не имел значения для дела, поскольку суды страны имели формальные основания для принятия решения о ликвидации организации-заявителя, Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы мера считалась пропорциональной и необходимой в демократическом обществе, должны отсутствовать иные средства достижения той же цели, которые будут сопряжены с менее серьезным вмешательством в соответствующее фундаментальное право. «....»

«....»

60. Наконец, Европейский Суд напоминает, что характер и суровость примененной санкции являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке соразмерности вмешательства (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия «Рефах» (Партия Благоденствия) и другие против Турции» (*Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey*), жалобы N 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, § 133, ECHR 2003-II).

До принятия решения о ликвидации организация-заявительница существовала и законно действовала в Чувашской Республике в течение более чем 15 лет, с 1991 по 2007 год. Принятое внутригосударственными судами решение о ликвидации организации-заявительницы имело следствия в виде лишения ее правосубъектности и запрета осуществления прав, вытекающих из статуса юридического лица, таких как права владения имуществом или его аренды, пользования банковскими счетами и обеспечения судебной защиты общины, ее членов и имущества, которые, как последовательно указывал Европейский Суд, имеют важное значение для осуществления права исповедовать свою религию.

«....»

62. Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд полагает, что ликвидация организации-заявителя не была необходимой в демократическом обществе.

63. Соответственно, имело место нарушение статьи 9 Конвенции, истолкованной во взаимосвязи со статьей 11 Конвенции»¹.

Следующей «жертвой» неправильного применения закона органами власти стала религиозная организация Местная религиозная организация «Объединенная Методистская Церковь» г. Смоленска, которая 24 марта 2008 года была также ликвидирована по иску Смоленской областной прокуратуры, основанному на якобы незаконной образовательной деятельности совершаемой церковью методистов. В вину церкви ставилось то, что она организовала воскресную школу «Наши сердечки», у которой не было лицензии на образовательную деятельность.

10 июня Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда России вынесла определение отменить решение Смоленского областного суда от 24 марта 2008 года и приняла новое решение – отказать в удовлетворении заявления прокурора о ликвидации.

При этом ВС РФ отметил, что нижестоящие судебные инстанции неправильно истолковали нормы материального права, дали свое толкование понятию образовательная деятельность, которое не соответствует определению понятия образования, приведенному в законе, а также не учли, что в соответствии с пунктом 2 «Положения о лицензировании образовательной деятельности» не подлежит лицензированию образовательная деятельность в форме разовых лекций, стажировок, семинаров и других видов обучения, не сопровождающаяся итоговой аттестацией и выдачей документов об образовании или квалификации и допустили существенное нарушение норм процессуального права при оценке доказательств, произведя их с нарушением требований ст.67 ГПК РФ. Поскольку из материалов дела следует, что обучение детей религии в созданной Цер-

1. См. подробнее: Постановление ЕСПЧ от 12.06.2014 «Дело «Библейский центр Чувашской Республики (Biblical Centre of the Chuvash Republic) против Российской Федерации» (жалоба N 33203/08)

ковью в Воскресной школе, которая не является юридическим лицом, не сопровождалось завершением обязательной итоговой аттестацией и выдачей документа об образовании или квалификации, то указанный вид обучения не подпадает под данное в Законе РФ «Об образовании» понятие образовательной деятельности, право на ведение которой требует получения лицензии и поэтому у суда не было оснований, предусмотренных законом для вывода о том, что обучение детей религии в указанной Воскресной школе является образовательной деятельностью и данный вывод суда Судебная коллегия считает ошибочным.

Также ВС РФ в своем решении отметил, что церковь осуществляет свою деятельность в соответствии с Уставом, а созданная при ней детская Воскресная школа не является профессиональным религиозным учреждением подлежащим лицензированию в силу ст. 19 Федерального закона от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» для подготовки служителей и религиозного персонала, а служит для обучения религии и религиозного воспитания последователей Местной религиозной организации «Объединенная Методистская Церковь», то выявленные нарушения требований санитарно-эпидемиологического законодательства при организации учебного процесса в указанной школе не могут служить основанием, предусмотренным законом для ликвидации религиозной организации.

В Определении также было отмечено, что судом была допущена ошибка в применении норм материального и процессуального права, в связи с чем, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации посчитала необходимым отменить решение суда и, не передавая дело на новое рассмотрение, вынесла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления прокурора Смоленской области.

Таким образом, в обоих случаях государственными органами были не правильно определены обстоятельства имеющие значения для дела, неправильно дана оценка происходящему,

неправильно применены нормы и, как следствие, вынесены неправомерные решения. Как в первом случае, так и во втором, органы посчитали, что религиозными организациями осуществляется образовательный процесс, правовое регулирование которого осуществлялось в соответствии с действующим на тот момент Законом «Об образовании» требующем наличие лицензии на образовательную деятельность. Между тем, деятельность обеих церквей не попадала под действие данного закона, а являлась не чем иным, как реализацией права на свободу вероисповедания в форме обучения религии и религиозного воспитания своих последователей. Таким образом, деятельность религиозных организаций полностью соответствовала действующему законодательству.

Обучение религии и религиозное воспитание своих последователей

Согласно п. 1 ст. 6 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» **признаками религиозного объединения являются:**

- вероисповедание;
- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Таким образом, обучение религии и религиозное воспитание своих последователей является одним из важнейших признаков религиозного объединения. При этом следует особо подчеркнуть, что в силу пункта 5 статьи 5 вышеуказанного закона религиозные объединения вправе осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей в формах, определяемых внутренними установлениями религиозных объединений и обучение религии и религиозное воспитание не являются образовательной деятельностью.

Возможность религиозных объединений самостоятельно управлять своими делами — одна из ключевых гарантий действующего законодательства. Только само религиозное объ-

единение может устанавливать формы и сущность обучения религии.

Согласно статье 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству Российской Федерации, и обладают правоспособностью, предусмотриваемой в их уставах.

То есть, формы обучения религии могут быть предусмотрены уставом религиозной организации, что даст последней дополнительные гарантии в учреждении и функционировании, например, воскресной школы.

Как отмечает профессор М.О. Шахов внутренние установления религиозных организаций должны соответствовать их уставам. В частности, закон указывает, что религиозные организации, чтобы действовать в соответствии со своими внутренними установлениями, должны обладать предусмотренной уставом правосубъектностью. Это означает, что религиозная организация не вправе осуществлять деятельность, не предусмотренную её уставом, хотя бы эта деятельность и основывалась на внутренних установлениях организации¹.

Государство со своей стороны уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству Российской Федерации».

Данная позиция законодателя подтверждается и судебной практикой.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в вышеуказанном своем Определении от 10 июня 2008 года по делу о ликвидации Местной религиозной организации «Объединенная Методистская Церковь» г. Смоленска одним из пунктов обосновывающим правомерность деятельности воскресной школы, указала, что

«Уставом Церкви предусмотрено, что ее задачами являются, в частности, обучение религии и религиозное воспитание

1. Михаил Шахов. Внутренние установления религиозных организаций //Юридическое религиоведение № 1 2016 С. 3.

своих последователей в чистоте евангельского учения и духовного единства на добровольной основе через общественные Библейские классы и Воскресные вероучения; содействие приходам в развитии системы подготовки служителей для ведения Воскресных литургических богослужений в приходских часовнях, системы духовного образования в общественных Библейских классах и Воскресных школах».

Таким образом, подтвердив право церкви самой решать, в какой форме обучать своих последователей и устанавливать эти формы своими внутренними установлениями без всякого вмешательства государства в данную сферу.

Сразу оговоримся, что действующее законодательство не содержит в себе определение понятия «внутренние установления» и не требует обязательной формализации внутренних установлений в виде какого-либо документа. Однако в случае судебного разбирательства, внутренние установления, облеченные в письменную форму являются важнейшими доказательствами правомерности действий религиозного объединения.

Так, например, Русская Православная Церковь Московского Патриархата (далее, РПЦ МП), утвердила Положение о деятельности воскресных школ (для детей) Русской Православной Церкви на территории Российской Федерации, имеющее рамочный характер и регулирующее деятельность с учетом ситуации на местах¹. Также, Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 2011 года был утвержден Документ «О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной Церкви». Таким образом, внутренние установления приобрели характер локально-нормативного акта.

Следует подчеркнуть, что Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» определяет лишь общие параметры права религиозных объединений на обучение религии и религиозное воспитание, тогда как специфика и детализация организации обучения в различных формах, напри-

1. См. <http://p2.patriarchia.ru/2011/08/24/1234074535/polozhenie.doc> По состоянию на 22.01.2017

мер, воскресных школ и особенности их правового статуса осуществляется на уровне внутренних установлений религиозных объединений.

Исходя из вышеизложенного, в целях использования более широких возможностей для осуществления своих прав, рекомендуем религиозным организациям в своих уставах указывать следующую формулировку:

«обучение религии и религиозное воспитание своих последователей осуществляется в формах предусмотренных внутренними установлениями религиозной организации»

Таким образом, вопросы определения видов и форм обучения религии, а также критериев отнесения к тем или иным видам останутся открытыми, что позволит религиозной организации иметь более широкие возможности в данной сфере.

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СМИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ

6 июля 2016 Государственная Дума приняла Федеральный закон № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (так называемый «закон Яровой»). Этим законом были внесены существенные поправки в Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части правового регулирования миссионерской деятельности и в Кодекс РФ об административных правонарушениях в части ответственности за нарушение законодательства о свободе совести.

Принятие столь неоднозначных и противоречивых поправок вызвало широкий резонанс в обществе и их массовое обсуждение в СМИ. Как и предполагалось последствия не заставили себя долго ждать и практически сразу после вступления закона в силу в различных регионах России стали возникать проблемы с применением нового закона, посягающие на основополагающие права и свободы граждан.

Первой «ласточкой» стало дело в Черкесске. 23 июля 2016 года молодой человек по фамилии З., прогуливаясь по родному городу, увидел двух молодых парней, общающихся с одним из прохожих на религиозные темы. Заинтересовавшись происходящим, он принялся наблюдать за ними и тайком фотографировать на телефон ничего не подозревавших мирно общающихся граждан. Через четыре дня в МВД по Карачаево-Черкесской Республике от З. поступило заявление с требованием о привлечении к адми-

нистративной ответственности неустановленных лиц за то, что они, вопреки требованиям нового закона, распространяют религиозную литературу не в специально отведенных местах. К заявлению были приложены фотографии «нарушителей закона».

28 июля 2016 г. 25-летний «нарушитель» Вадим С. был «пойман». Несмотря на то, что молодой человек достаточно грамотно настаивал на своих конституционных правах и сообщил, что он не является представителем какого-либо религиозного объединения и никого куда-либо не вовлекал, а высказывал лишь личные убеждения, органы были непреклонны. В результате сотрудники МВД КЧР оказались первыми в стране, кто применил новую редакцию ч. 4 ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) в части осуществления миссионерской деятельности в отношении гражданина, реализовывавшего свое конституционное право на свободу вероисповедания. Дело передали в суд.

15 августа 2016 года мировой суд судебного участка № 3 г. Черкесска разобравшись в обстоятельствах дела, прекратил его за отсутствием в действиях молодого человека состава правонарушения. Его поведение было признано правомерным. Конституционное право на свободу распространения своих религиозных убеждений, таким образом, с помощью адвокатов удалось отстоять и здесь надо отдать должное честной и принципиальной позиции судьи.

Однако далее с небольшим интервалом во времени по инициативе правоохранительных органов были инициированы дела в отношении верующих в городах Твери, Орле, Ноябрьске, Самаре, Бийске, в деревне Мари-Шолнер Мари-Турекского района Республики Марий Эл и во многих других населенных пунктах. Основания те же: осуществление незаконной миссионерской деятельности. Процесс, как говорится, пошел.

Подобная практика делает проблему, связанную с распространением религиозных убеждений чрезвычайно ак-

туальной. И чтобы мы не говорили, пытаюсь успокоить себя и верующих, как бы не призывали сохранять хладнокровие и не паниковать, давайте скажем честно, проблема на сегодняшний день стоит достаточно остро, и эта проблема порождена непродуманным и юридически безграмотным законодательством, порождающим разночтения в законе и различное его толкование. Не случайно многие верующие восприняли новый закон, как запрет на любое публичное высказывание о собственных религиозных убеждениях, и начавшаяся практика реализации нового закона яркое тому подтверждение.

Так что же все таки следует понимать под миссионерской деятельностью?

Миссионерской деятельностью согласно с п. 1 ст. 21.1 вышеуказанного закона признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами.

Как следует из указанного определения, необходимыми квалифицирующими признаками миссионерской деятельности являются:

- 1. Субъект деятельности:** осуществление деятельности религиозным объединением (религиозная группа, либо религиозная организация).
- 2. Направленность деятельности:** на распространение информации **о своем вероучении** среди лиц, **не являющихся участниками** (членами, последователями) данного религиозного объединения.

3. Цель деятельности: вовлечение лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения в деятельность религиозного объединения.

4. Способ осуществления деятельности: публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами.

Следовательно, если в действиях гражданина в совокупности присутствуют вышеперечисленные признаки, то данная деятельность может быть квалифицирована как миссионерская.

Данная позиция подтверждается Администрацией Президента РФ. Так в вышеупомянутом ответе на запрос отмечено следующее:

«Сообщаем, что Федеральным законом от 6 июля 2016 г. №374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее – Федеральный закон) закрепляется определение миссионерской деятельности, под которой понимается деятельность религиозного объединения, во-первых, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, во-вторых, осуществляемая в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, в-третьих, осуществляемая публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами.

Таким образом, для миссионерской деятельности характерна совокупность указанных признаков. Деятельность

религиозных объединений, не содержащая их, не может рассматриваться как миссионерская, следовательно, на нее не распространяются ограничения, установленные Федеральным законом в отношении миссионерской деятельности».

Таким образом, если гражданин не является представителем религиозного объединения и не действует с целью вовлечения в какое-либо религиозное объединение его действия не могут квалифицироваться как миссионерская деятельность. Так как нормы регулирующие миссионерскую деятельность не затрагивают гарантированные Конституцией Российской Федерации право каждого гражданина распространять свои религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Конституционное право граждан на распространение религиозных убеждений может реализовываться гражданами всеми законными способами. Одним из таких способов является распространение религиозных убеждений путем использование СМИ и сетей Интернет.

Сегодня многие религиозные объединения имеют свои зарегистрированные средства массовой информации и сайты. В связи с этим актуальным становится вопрос: что же подразумевается под миссионерской деятельностью в СМИ и как не подпасть под действие статьи 5.26 КоАП РФ?

В первую очередь стоит отметить, что все признаки миссионерской деятельности описанные выше распространяются и на СМИ. То есть, для того, чтобы квалифицировать действия СМИ как миссионерские необходима совокупность признаков: это должна быть деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения с целью вовлечения.

Для лучшего понимания представим таблицу:

Миссионерская деятельность	Не миссионерская деятельность
СМИ или сайт принадлежит религиозной организации, и информация распространяется среди неверующих	СМИ принадлежит религиозной организации, но предназначено только для участников религиозной организации
Религиозная организация дает о себе информацию с приглашением на богослужение в светских СМИ	СМИ не принадлежит религиозной организации. В нем размещается статья верующего с личным свидетельством о жизни с Богом
Руководитель религиозной организации рассказывает о вере и приглашает на богослужение	Статья журналиста или ученого о той или иной вере

Требование о порядке осуществления миссионерской деятельности идентичны требованиям, предъявляемым для религиозных объединений. То есть, если СМИ или сайт принадлежит религиозной организации, и информация распространяется среди неверующих, уполномоченное лицо, отвечающее за выпуск СМИ, а также миссионеры, распространяющие СМИ должны иметь подтверждение полномочий миссионера (за исключением священнослужителей, членов руководящего органа религиозной организации).

Между тем, необходимо иметь в виду, что религиозное объединение несет ответственность за своих миссионеров. В этой связи очень важно обратить внимание на следующие требования законодательства:

В соответствии с пунктом 6 статьи 24.2. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» **не допускается осуществление миссионерской деятельности, цели и действия которой направлены на:**

- нарушение общественной безопасности и общественного порядка;
- осуществление экстремистской деятельности;
- принуждение к разрушению семьи;

- посягательство на личность, права и свободы граждан;
- нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;
- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- воспрепятствование получению обязательного образования;
- принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения, или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения;
- побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и к совершению иных противоправных действий.

Следует отметить, что специфика деятельности религиозных СМИ заключается в том, что она затрагивает духовную жизнь людей, внутренний мир верующих, связанный с миром иным, божественным. Не случайно в Решении Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 12 февраля 1998 года указывается: «... любые публикации, касающиеся деятельности религиозных организаций, должны быть основаны на проверенной, достоверной информации, выдержаны в деликатной форме, осторожны в выражениях и характеристиках верующих людей».

Обращаясь к религиозной тематике, авторы публикаций и материалов могут совершать три типичные ошибки:

- а) употреблять слова с заведомо негативной окраской в отношении представителей других религий;
- б) в качестве исходного посыла использовать различные непроверенные слухи и молву;
- в) доказывая преимущество одной конфессии над другими, принижать, а иногда и просто унижать их.

В подобных случаях авторы, как правило, пользуются источниками, заинтересованными именно в принижении какого-либо прихода, священнослужителя, церкви или конфессии. К сожалению, в силу религиозоведческой некомпетентности многие искренне считают, что все религиозные организации, кроме той, которую они посещают, являются не только безблагодатными, но и вредными.

Между тем, профессиональный долг любого автора, пишущего на религиозную тему, проверять полученную информацию из различных источников. А еще лучше самому посмотреть на проблему изнутри. И самое главное, не нарушать требований действующего законодательства.

Распространение религиозных убеждений и миссионерская деятельность в социальных сетях

В последнее время все больше и больше людей во всем мире заменяют живое общение – интерактивным. Несомненно, простота, с которой то или иное сообщение можно донести до тысяч, а возможно и до миллионов людей вводит многих в соблазн.

В связи с чем, верующие люди, размещая ту или иную информацию в блогах, различных чатах и социальных сетях, должны четко понимать границы между распространением личных убеждений и миссионерством.

Кроме того, возникает вопрос, как органы власти будут определять, какие странички в социальных сетях являются официальными страничками религиозной организации, а какие отношения к ней не имеют. С учетом возможности создания фейковых страниц данный вопрос становится особо актуальным.

В нашей адвокатской практике был весьма интересный случай. Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области была проведена плановая документарная проверка в отношении Местной религиозной организации Церкви христиан веры евангельской г. N, по результатам которой было вынесено Предупреждение. В Предупреждении указано, что Церковь «Слово жизни» имеет группу в социальной сети «ВКонтакте». По мнению проверяющих специалистов, информация о существовании данной группы предоставлена не была и в сети указывалось не полное наименование религиозной организации.

Между тем, церковь никогда не имела группы ни в социальной сети «ВКонтакте», ни в какой-либо другой социальной сети. В результате Минюст был вынужден согласиться с позицией церкви, так как доказать принадлежность странички данной религиозной организации не представлялось возможным.

Таким образом, только само религиозное объединение может ответить на вопрос создавало ли страничку религиозной организации. Если организация отрицает факт создания странички в социальных сетях, доказать это органам власти будет проблематично. Конечно, если речь идет о совершении уголовно-преследуемого деяния, то несомненно создатель странички будет установлен.

Если же религиозное объединение имеет свою страничку, на которой осуществляется миссионерская деятельность, то модератору странички необходимо выдать документ, подтверждающий его полномочия как миссионера.

На практике у священнослужителей часто возникает вопрос: является ли миссионерской деятельностью общение людей в закрытых группах в социальных сетях? Ответ отрицательный. Общение в закрытых группах единоверцев не является миссионерской деятельностью.

Равно как не является миссионерской деятельностью личные странички граждан. На которых верующие располагают инфор-

мацию о своем личном духовном опыте, посещении тех или иных религиозных мероприятий, различные материалы духовного содержания.

В заключении следует отметить, что категория дел, связанная с миссионерской деятельностью в интернете относительно новая для российских судов. И по какому пути пойдет судебная практика по делам связанным с распространением религиозных убеждений и миссионерской деятельностью, мы увидим в ближайшем будущем.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «СОВА»

О центре

Наш центр был создан в октябре 2002 года.

Его работа отражается на сайте <http://sova-center.ru>, разделы которого обновляются ежедневно и активно. Общий принцип работы разделов сайта: новости, аннотации публичной полемики и собственные статьи и доклады структурируются тематически, даются ссылки на максимум полезных источников.

На сайте можно ознакомиться с нашей статистикой преступлений ненависти и статистикой уголовного правоприменения, как правомерного, так и неправомерного, в сфере действия антиэкстремистского законодательства.

Можно подписаться на ежедневную рассылку по всему сайту или по любому разделу.

Тематика разделов сайта:

«Расизм и ксенофобия» – проявления радикального национализма и этно-ксенофобии, противодействие им со стороны государства и общества.

«Религия в светском обществе» – межконфессиональные отношения, многообразные коллизии между институтами светского общества и религиозными объединениями.

«Неправомерный антиэкстремизм» – злоупотребления антиэкстремистским законодательством для неправомерного ограничения гражданских свобод.

Книги:

С 2008 года мы издаем сборники годовых докладов «Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России» на русском и английском языках. Выпущены два издания методических рекомендаций «Мониторинг агрессивной ксенофобии».

Мы опубликовали монографии «Политическое православие» (2003), «Этничность и равенство в России: особенности восприятия» и «Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать?» (2012), «Политика государства по отношению к национал-радикальным объединениям. 1991–2002 гг.» (2013), «Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды» (2014), справочник «Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица» (2009), сборник переводов «Расизм: современные западные подходы» (2010), сборники докладов и статей по языку вражды в СМИ, сборники статей по проблемам расизма, национализма и антилиберальных тенденций в обществе, последний из них – «Россия – не Украина: современные акценты национализма» (2014). Всего нами опубликовано около 30 книг.

Наши контакты:

Почтовый адрес: 101000, Москва, Лучников пер. д.4, под. 3, к. 2.

Тел./факс: (495) 517-92-30

e-mail: mail@sova-center.ru

**Адвокатский кабинет
Загребинай Инны Владимировны
предлагает юридические и адвокатские услуги
гражданам и организациям**

Мы помогаем успешно решить правовые вопросы любой сложности, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитраже, а также в Европейском суде по правам человека.

Отличительной чертой адвоката является помощь клиенту (по желанию клиента) при наиболее вопиющих правонарушениях не только стандартными методами, но и путем взаимодействия с различными СМИ. Загребина И.В. регулярно выступает в качестве эксперта в различных средствах массовой информации.

Мы будем рады Вам помочь!

По всем вопросам обращайтесь
akziv@yandex.ru
Тел.: +7-916-8073159

Пчелинцев, Анатолий Васильевич
Загребина, Инна Владимировна
Лункин, Роман Николаевич

СВОБОДА СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Подписано в печать
31.07.2017

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 700 экз.
Заказ № 117675

Издатель
Региональная общественная организация содействия просвещению граждан
Информационно-аналитический центр «Сова»

101000, Москва, Лучников пер. д.4, под. 3, к. 2.
Тел./ факс: (495) 517-92-30. E-mail: mail@sova-center.ru

Книга издается в рамках реализации проекта EIDHR/2014/348–053
«Противодействие всем формам дискриминации по признаку
религии и убеждений в Российской Федерации», финансируемого
Европейским союзом, представленным Европейской комиссией.

РОО Центр «Сова» была 30.12.2016 принудительно внесена Минюстом
в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функции
иностранного агента». Мы не согласны с этим решением и обжалуем его.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
тел.: 8 (499) 332-38-30